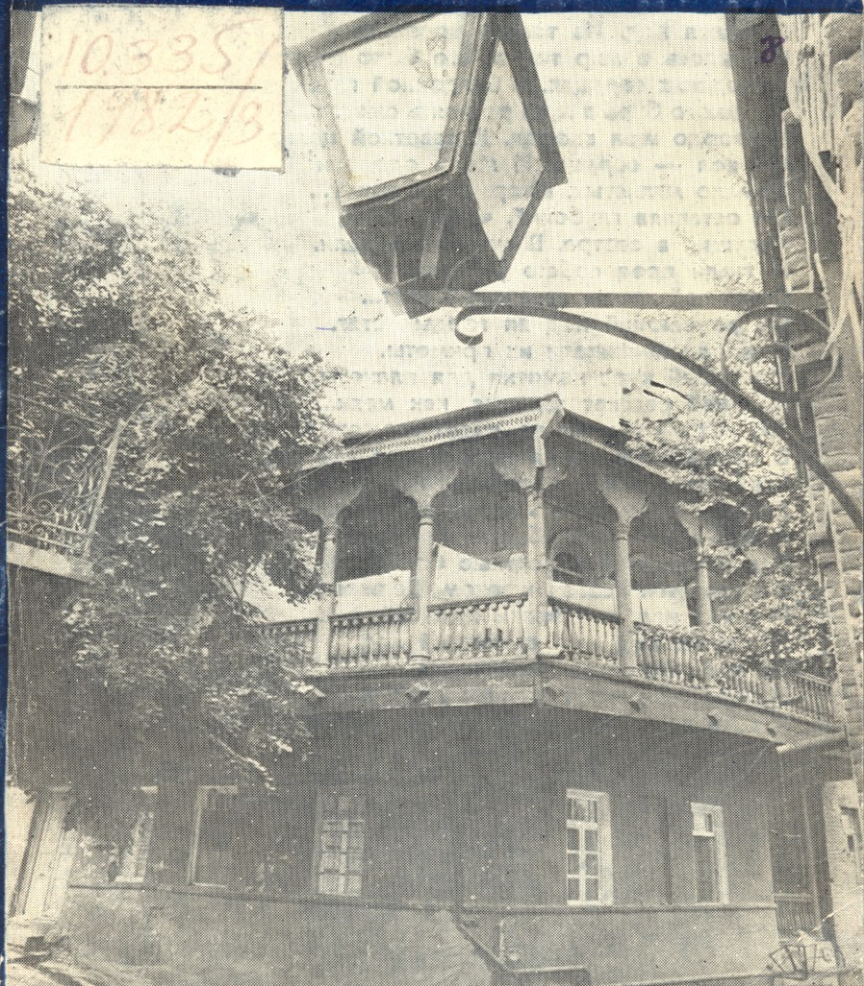

ISSN 0130-3500

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 4

1982

ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ

Памяти В. И. ЛЕНИНА

* * *

Он плыл по бурной жизненной волне.
Ломался лед. Из толщи монолита
Струилось в мир тепло, что было скрыто
В людских сердцах. В бездонной глубине...
Он много бурь в пути развеять смог.
И твердо шел вперед. К заветной цели.
Он вел — сердца. И люди одолели
Немало мгlistых, штормовых дорог...
Он оставлял глубокий, четкий след,
Ведущий в завтра. В сказочные дали.
И люди пред собою увидали
Грядущей жизни негасимый свет...
Он революций поднял гордый стяг.
И всюду возникали их приметы.
Он новый курс наметил для планеты.
Над ней рассвет зажегся, как маяк...
...И вот — плывет во льдах атомоход.
В нем бьется пламя пламенного сердца,
Чтоб каждый мог теплом его согреться,
Легко пройти сквозь вихри непогод.
А он — лучом врубается во мрак.
Вдали искрятся радостные блики.
Он светлым назван именем. Великим...
И взвит над ним эпохи красный флаг.
Ломается под ним столетний лед.
Вокруг него смиряются стихии.
И корабли плывут за ним другие.
И путь ведет по-прежнему — вперед!

Перевод Натана БААЗОВА

10.335 /
1982 / 3

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Славное десятилетие 3

ПОЭЗИЯ

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ПАОЛО ЯШВИЛИ. Ованес Туманян. 10

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Герой наш предстал перед нами. 11

АЛЕКСАНДР САДЖАЯ. Две реки. 13

РЕВАЗ МАРГИАНИ. Матенадаран. 14

МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Мартирос Сарьян. 15

МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Все лучшее — ты пейрейми. Переводы Сергея Алиханова 17

ПРОЗА

ГУРАМ ГЕГЕШИДЗЕ. Даль. Рассказ. Перевод Эммы Пивоваровой 21

СААК МАНВЕЛЯН. Разносчик телеграмм. Рассказ. Перевод А. Мхитаряна и Л. Тихоновой 99

ДРАМАТУРГИЯ

ЛАЛИ РОСЕБА. Провинциальное происшествие. Пьеса в трех действиях, четырех картинах.

4

1982

ВЛАДИМИР ОГНЕВ. Видеть солнце!	106
ЛАЛИ АВАЛИАНИ. Лунный избранник	114
СЕРГЕЙ ЗУХБА, ШОТА САЛАКАЯ. Исследова- ние проблем народного стихосложения	122
ИОСИФ КУМСИШВИЛИ. «И счастлив я, что здесь рожден...»	125
МИХАИЛ РАЗМАДЗЕ. Грузия — в судьбе поэта	127
ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Время, ушедшее в книгу. Продолжение	129

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР МЕРКВИЛАДЗЕ. Сокровищница ленинского наследия	164
---	-----

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

ТЕЙМУРАЗ БАДУРАШВИЛИ. Во имя дружбы	181
ОТАР ДЖАНЕЛИДЗЕ. Дореволюционные издания грузинских студентов	189

ИСКУССТВО

ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВА. Путь к самому себе	196
Павел СЕМЕНОВ. Притча	202

ЮМОР

ГУРАМ ХАРАИДЗЕ. Рассказы. Перевод Вик- тории Зининой	206
---	-----

РЕПЛИКА

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН. «Не беря в голову...»	214
ХРОНИКА	220
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	222

СЛАВНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

«Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

Одни проваливались без следа,
Другие, оступаясь, шли куда-то...
Ты сам об этом написал тогда.

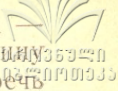
Ставь день и час! Где подпись — там и дата!»

Эти мудрые, крылатые строки, принадлежащие Галактиону Табидзе (перевод К. Симонова), точно определили своеобразие нашего времени, когда колесо истории вертится с головокружительной быстротой и поэт обязан одним из первых улавливать с сейсмической точностью каждое новшество, дуновение каждого нового веяния. В этих строках — отчетливое ощущение ускоренного ритма и темпа жизни в век Ленина — в новую эпоху истории человечества, когда берется в расчет не только весь год, но и каждый день. И если эти годы и дни наполнены героическим трудом, бурной деятельностью, рождением нового, поисками и свершениями, вдохновением, неутомимой работой, фактор времени приобретает неизмеримо большее значение; тогда часто месяц и день равны и вмещают в себя годы и десятилетия, и в этом — своеобразие нашего века.

Именно такими и были последние десять лет в истории Грузии.

Недавно издательство «Сабчота Сакартвело» выпустило в свет сборник, который называется «Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета». Книга открывается историческим документом огромного значения — Постановлением Центрального Комитета КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского городского комитета Компартии Грузии по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС». Это постановление было принято 22 февраля 1972 года по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева. Этот общепартийный документ определил магистральное направление организаторской и политической работы Компартии Грузии. Со дня его опубликования начался период развернутой борьбы за резкий подъем экономики Советской Грузии, всеобщее восстановление и утверждение ленинских норм жизни, период борьбы со всякого рода антиобщественными явлениями, за оздоровление морально-психологического климата во всех сферах общественной жизни. Эта борьба в течение прошедших десяти лет принесла блестящие результаты — и все это точно отражено в помещенных в вышеназванном сборнике документах последовавшего периода, которые в свое время публиковались в нашей прессе и которые существенно определяли социально-политическую и культурную жизнь республики, вели ее вперед, расставляли людей и направляли их деятельность на всех участках коммунистического строительства. В истории Компартии Грузии не было другого периода столь интенсивной заботы и внимания со стороны Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, как семидесятые годы, когда по Грузии был принят ряд фундаментальных постановлений, которые помещены в указанном сборнике.

Эти постановления — мудро намеченные пути, выраженные воли и разума партии, воплощающих труд людей в жизнь, претворяющих надежды в реальную действительность, когда строки постановления служат первоосновой гигантского строительства электростанций, обновления деревни, превращения ее в цветущий сад. Такова диалектика нашей социалистической жизни.

Принято говорить: за каждой строкой документа судьба живого человека. Если эту простую истину распространить на тот сборник, о котором шла речь выше, то можно смело сказать, что в этой книге живет устремленная вперед, самоотверженно строящая и созидающая вся Советская Грузия. Здесь сосредоточена история ее последнего десятилетия в мудро продуманных, многократно проверенных, научно обоснованных и чрезвычайно точных, конкретных формулировках. Здесь каждая фраза, каждая строка говорят о том, как республика шла вперед, преодолевала трудности, брала новые высоты. Словом, это правдивая летопись Грузии, подлинное отражение семидесятых годов.

Особо и непременно пужно отметить следующее: февральское постановление наш народ назвал историческим, поскольку в начале 70-х годов необходимость обновления настолько назрела, что народ жил ожиданием такого события. Именно поэтому призыв Центрального Комитета о коренной перестройке работы был воспринят с таким энтузиазмом и новое руководство республики сразу же ощутило горячую поддержку масс во всех начинаниях. Рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция сразу мобилизовали все свои жизнеспособные боевые силы, разумно распределили их для творческого выполнения и претворения в жизнь постановления Центрального Комитета партии. Все честные труженики республики хорошо поняли, что у этого большого экономического упорядочения и большого морального очищения не только единовременный, не только сегодняшний масштаб, а перспектива, рассчитанная на годы и десятилетия. Это неоднократно отмечает в своих выступлениях кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Компартии Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе. Партия призывала нас к тому, чтобы повседневные, неотложные дела были сделаны так, чтобы они сами по себе учитывали и завтрашнюю перспективу, намечали тот путь, который нашему народу предстояло пройти на протяжении ближайших пятилеток. Главным здесь была твердая вера. И этим непоколебимым убеждением прониклись сталевар и чаевод, пастух и виноградарь, писатель и инженер. Это

единодушные, тесная сплоченность и духовный подъем как раз и явились самым лучшим залогом нашего продвижения вперед.

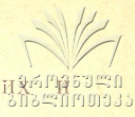
К чести грузинской литературы писатели Грузии единодушно встали бок о бок с партией и народом. Именно тогда были написаны романы, повести, рассказы, острые публицистические статьи, в которых изобличались негативные явления, были намечены пути их искоренения. Это были попытки своего рода прогнозирования перед благоприятным переходом к очищению и оздоровлению морального климата республики. А это уже диалектика социалистического реализма.

И вот прошло десять лет. Что принесли Грузии эти напряженные годы? В связи с этим Леонид Ильич Брежнев отмечал:

«Ваши достижения — результат упорной работы сотен тысяч трудящихся республики. Это также результат организаторской и политической деятельности ЦК Компартии Грузии, бюро ЦК во главе с товарищем Шеварднадзе, энергию, творческий подход к делу и принципиальность которого все мы знаем и ценим».

На протяжении прошедших десяти лет грузинская литература более активно, более смело вторгалась в самую глубину жизни. Нет для писателя больших и малых дел, ибо все, чем живет наша страна, он считает своим кровным, родным делом.

Во время Великой Отечественной войны говорили: стихи советских поэтов не сбивали вражеские самолеты и не взрывали мосты, но они точно били в цель, попадая прямо в сердца врагов. Стихи и сейчас трудятся и борются вместе с народом. Во время засухи или градобития в Кахети поэт считает себя обязанным быть на переднем крае, чтобы своим словом подбодрить крестьянина. Сегодня участие и поддержка поэта, если можно так выразиться, его соратничество стали для рабочего и колхозника уже привычным делом. К голосу грузинского писателя прислушивается вся Грузия. Мы можем назвать не один десяток имен поэтов, прозаиков и публицистов, которые окружены величайшей любовью народа, можем назвать не один десяток

книг, изданных в последнее время, обогативших и продвинувших вперед грузинскую литературу.

Начало этому продвижению и возрождению положила та большая и неутомимая забота, та огромная чуткость, которую проявляет к литературе Центральный Комитет Компартии Грузии, я бы сказал, к каждому писателю, каждому художнику в отдельности. Центральный Комитет Компартии Грузии создал все условия для того, чтобы произведения грузинских писателей поистине стали достоянием народа, его духовным богатством, предметом его национальной гордости.

В письме, с которым Центральный Комитет Компартии Грузии обратился к коммунистам, всем трудящимся Советской Грузии в связи с 10-летием постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, отмечается: «Мы можем с законной гордостью говорить сегодня, по прошествии десяти лет со дня принятия постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, о том, что строгое следование ленинским принципам межнациональных отношений, решительное осуждение партийной организацией республики тех наслоений и деформаций, которые имели место в недавнем прошлом в этой сфере человеческих отношений, привели к невиданному доселе расцвету духовной жизни всех наций и народностей, живущих в Советской Грузии.

Каждый из нас — коммунист, комсомолец, беспартийный, рабочий, земледелец, ученый, художник, представители всех поколений — отчетливо сознает: то, чего Советская Грузия достигла в десятилетии, охваченном рамками семидесятых годов, стало возможным прежде всего потому, что... наука, литература, живопись, музыка, театр, кино, архитектура Советской Грузии являются одним из мощных, животворящих источников, питающих духовную сокровищницу нашей великой и многонациональной Родины».

История еще не помнит, чтобы перед грузинской культурой так широко были распахнуты двери для выхода на мировую арену. Новые грузинские романы, являющиеся примечательным приобретением не только грузинской, но и всей советской литературы, получили всемирный резонанс. По существу это победа, до-

стигнутая именно в последние годы. Грузинская литература переводится в Берлине и Париже, Праге и Будапеште, в других столицах мира. Кто раньше мог об этом хотя бы мечтать! Недавно Ленинская премия присуждена Нодару Думбадзе за «Закон вечности», за роман, полный солнца и света, вечных идей добра и справедливости, и именно сегодня это приобретает особое значение, когда американский империализм проповедует во всем мире насилие и расовую дискриминацию. Империалисты ни во что не ставят судьбу не только отдельно взятого человека, но целых народов, будущее всего человечества, которое они хотят подвергнуть атомной катастрофе, опустошению и уничтожению. В этих условиях, в такой обстановке грузинская литература вместе со всей советской литературой мужественно борется за утверждение великих идей, за спасение человечества.

Нравственно здоровый коллектив грузинских писателей полон сил. Об этом красноречиво говорят замечательные произведения, опубликованные на страницах «Мнатоби», «Цискари», «Литературули Сакартвело», «Литературной Грузии», «Дроша», «Гантиади» и других периодических изданий и уже заслужившие признание читателя и высокую оценку литературной критики.

В литературу пришла замечательная, талантливая молодежь, ставшая плечом к плечу со старшим поколением. Грузинские литераторы твердо убеждены в том, что самоудовлетворенность, самоуспокоенность уже достигнутым — очень опасный недуг, который препятствует дальнейшему движению вперед.

Литературный подъем 70-х и 80-х годов предопределен непрерывной, постоянной заботой партии о литературе и искусстве. Он предопределен тем, что художественная интеллигенция, со своей стороны, сделала ленинское учение о литературе и искусстве путеводной звездой своего вдохновения, факелом, освещающим путь вперед.

Так складывались традиции грузинской литературы в прошлом, таков и ее сегодняшней день.

На новые свершения, на новые подвиги поднялась вся Грузия. С новыми надеждами встречают десятую годовщину исторического документа все граждане

республики, которые борются и трудятся во имя светлого будущего.

В «Письме Центрального Комитета Компартии Грузии коммунистам, всем трудящимся Советской Грузии в связи с 10-летием постановления по Тбилисскому горкому партии» говорится:

«Центральный Комитет Компартии Грузии выражает уверенность в том, что настоящее письмо к десятилетию принятия исторического для нашей республики и ее партийной организации постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии найдет живой и горячий отклик в сердцах всех тех, кому дороги наши революционные, боевые и трудовые традиции, кто кровно заинтересован в том, чтобы правдивая атмосфера в каждом доме, в каждом трудовом коллективе, в каждом городе и селе была так же чиста, как горный воздух нашей древней и вечно юной Грузии.

Именно эта уверенность дает нам основания от имени героического рабочего класса, славного колхозного крестьянства, народной интеллигенции, молодежи республики, от имени коммунистов, комсомольцев, беспартийных заверить Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, его Политбюро, лично Леонида Ильича Брежнева в том, что, идя навстречу 60-летию Союза Советских Социалистических Республик, мы еще упорнее, еще настойчивее будем трудиться над претворением в жизнь величественных предначертаний XXVI съезда КПСС, над укреплением экономического и оборонного могущества нашей великой и многонациональной Отчизны, стремиться жить и трудиться по-ленински, по-коммунистически».

В Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркнуто, что «создание Союза ССР — живое воплощение идей Владимира Ильича Ленина, ленинских принципов национальной политики».

Яркое подтверждение этому — переключка поэтов братских республик. Любовью, дружбой, пониманием и уважением традиций своих братьев дышат строки стихов грузинских поэтов, посвященных Армении.

Паоло ЯШВИЛИ

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Был ты молод, был юн, а не стар,
Принимая все сущее мудро.
Непосредственность — радостный дар,
Первозданный, как вечное утро.
Ты всю жизнь свою в свет обратил!
И поэтому в радости, в горе
Нас сияньем своим единил
Светлый след твой на бедном нагорье.
И как ласточки, строчки твои
Там гнездятся под каждую кровлей...
Естал ты с мужеством кроткой любви
Перед теми потоками крови.

Сколько было над нами небес!
Умер ты, и застилось все горем.
Дети скажут: «Святой Ованес».
И, в слезах, — мы за ними повторим.
И жена твоя тысячу дней
Все не может проститься с тобою,
Все стоит над могилой твоей...
И поэзия стала вдовою.

ГЕРОЙ НАШ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД НАМИ

Я должен о том, что случилось со мной
И с Ованесяном Рачи,
Вам рассказать по причине простой —
Я друга подвел бы иначе.

Мы шли по огромным,
по шумным цехам,
Где в стружках рождались детали.
Хотя и смотрели мы по сторонам —
Но что-то свое обсуждали.

Преображались ударным трудом
Армении ясные дали.
И соревновался кузнец с кузнецом.
Нас грузовики обгоняли.

Мы все, как в тумане, неспешно брели,
И все о стихах говорили.
Казалось — мы оторвались от земли,
Над улицею воспарили.

Я с другом делился, что горы бумаг
Уже исписал,
что давно я
Ищу,
но мне не удастся никак
Найти для поэмы героя.

Я долго корпел над поэмой своей,
В преданиях долго копался,
Но новый герой
из богатырей
И витязей — не получался.

И мы

все о давнем

беседу вели,

Пока не запутались сами...

Навстречу нам парни рабочие шли,

С засученными рукавами.

Один подошел, попросил прикурить.

И нас осенило внезапно:

Мы в прошлом искали сюжетную нить —

Он

строит дорогу

в завтра!

Искали в легендах,

витали в мечтах,

Мерцали фантазии блестящие...

Он солнцем,

работой

и потом пропах,

Была его майка в известке.

Нам был он и жизнью и временем дан.

Но поняли мы и другое —

Что и Руставели, и Абовян

В нем бы нашли героя!

Пока нас в туманную даль увлекли

Бесплодные поиски темы, —

Здесь улицы

будущего

пролегли,

Как строки великой поэмы!

Зачем же по-новому перепевать

Те песни, что пелись веками.

Не надо героя в преданьях искать —

Герой наш предстал перед нами!

ДВЕ РЕКИ

Душа моя лаской, как солнцем, согрета!
Вот реки сливаются передо мной.
Кура возглашала мне многие лета.
Аракс, по-армянски мне что-нибудь спой!

И, будто грузинскую речь понимая,
Как девушки в танце, плывя-семена,
Светло улыбаясь и руки вздымая,
Веселые брызги обдали меня!

Какое раздолье! Зеленые нивы,
Нам полем далекая песня слышна.
Мне стало понятно, зачем торопливо
Сюда устремилась курная волна!

Мы встретили вместе немало восходов.
Безоблачной дружбы настала пора.
Подобные судьбам двух наших народов
Сливаются реки — Аракс и Кура.

И с этим разливом ничто не сравнится!
И взор мой отраду находит везде.
И отблески солнца сияют жар-птицей
На общей армянско-грузинской воде!

Мне стало понятно, зачем торопливо
Сюда устремилась курная волна.
И радугой брызг, словно в пляске, игриво
Меня обдает, осеняет она...

МАТЕНАДАРАН

Речи Ованесяну

Матенадаран,
Матенадаран,
Мудростью древних ты осиян.
Скорбью познания, вечной печалью,
Запахом времени тянет, как гарью.
Матенадаран.

Манускрипт я раскрою, —
Кажется мне, что записана кровью
Древняя летопись. Много веков
Свитки, листы не пещера хранила—
Скорбный народ их сокрыл от врагов,
Чтоб озарили нас эти чернила!

Как над глубоким колодцем склониться —
Перелистать ледяные страницы.
Вечности холод. Стужа времен.
Вихрем оттуда и я убелен.

Долго земля под ордою горела.
Не было горю и мукам предела.
Все-таки слово выжить сумело!
Строки мне мнутся рубцами от ран.
Матенадаран,
Матенадаран.

Но не одни лишь кровавые были
Книги и рукописи сохранили —
Наши традиции, праздники — в силе!
Радостью, мудростью ты осиян,
Матенадаран,
Матенадаран!

МАРТИРОС САРЬЯН

Март,
 ростепель,
 все блекло...
 Но весна —

Я понял,
 Мартирос,
 ее секрет нехитрый —
Едва в твои холсты
 засмотрится она —
И сразу обретет
 цвета твоей палитры.

Свет выставки твоей
 Армению облек.
С картины в сад сбежал
 цвет персиковой ветки.
Прошел через Севан
 твой солнечный мазок.
Долины и холмы
 полны твоей расцветки...

А ты ушел от нас,
 печалась и скорбя
Не за судьбу своих
 весеннейших открытий, —
Трагическая мысль
 тревожила тебя,
Просил ты, уходя —
 «Друг друга вы любите».
Из книги изойдя,
 став частью бытия,
Как будто свет свечи,
 нас озарило слово.

«Любите»—

лишь о том была мольба твоя,
И должно нам любить,
и нет пути иного.

Прощальной песни звук
рождается во мне,
Рыдающий,
простой
и невозможный прежде.
Завета твоего
достаточно вполне,
Чтоб сбыться навсегда
единственной надежде.

Я знаю,
Мартирос,
всем смерть нам суждена,
Но как смешон,
как глуп
ее закон нехитрый —
Опять в твои холсты
засмотрится весна
И снова обретет
цвета твоей палитры.

ВСЕ ЛУЧШЕЕ — ТЫ ПЕРЕЙМИ

Старейший сосед на земле...
 Он ведь не за дверьми!
 Намеренья мудрые,
 цели его
 ты пойми!
 Он учится,
 трудится,
 бодрствует,
 пот проливает.
 Родной лишь земле
 он заботы свои посвящает.
 Все лучшее — ты перейми!
 Древнейший народ,
 и как тысячелетия назад,
 Он наш сопечальник,
 а радостям нашим — он рад.
 Так было,
 так будет всегда.
 И, одев каламани,
 Собрался я в край,
 где армянское солнце в Севане,
 Где гордо стоит Арарат.
 Как всякий поэт на земле —
 не глашатай я зла.
 Всему сопричастность —
 есть часть моего ремесла.
 На деле,
 без груды словес, без обрядовой дани,
 Армении только
 себя посвятили
 армяне,
 И родина их — расцвела!
 А встарь...
 За века
 лишь сменялся палач палачом.
 И плакало тари,
 и плакали лозы кругом...

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

И горькая пыль
из-под вражьих копыт
вместе с дымом

Глаза выедала.
Но в горестном плаче едином
И зрячий хотел быть слепцом.
Над прошлым склонюсь,
и в истории водоворот
Опять загляну —
состраданье меня сотрясет! —
Холмы из костей,
толпы беженцев с жалобным воем,
И надо опять
побирушничать
было изгоям.

Чужбина,
бесправие,
гнет...

Ее
черные коршуны
рвали за белы крыла...
Армения
в каждом страдающем сердце
жила.

И выжила,
выжила!
В небо дворцами взметнулась!
За срок за такой
в тех веках
только горше б
согнулась.

Да скорбная складка легла...
О пращур Гаос,
возликуй! —
Возродился трудом
Армении дух.
Города ее — в туфе цветном.
О пращур,
близнец прародителя Картли—Картлоса,
Ты словно вселился
в строителя,
в каменотеса,

А беды—
остались в былом!
Все преобразилось,
все бодрый народ перевозмог.
И тут от Гаоса
Картлос получает урок —
Здесь все,
засучив до конца рукава у рубахи,
Без устали трудятся.
Трудятся даже монахи.
Работают дружно
и впрок.
...Я мимо урартских развалин
к толпе подойду.
Как будто бы столпотворение
в этом году, —
В семь лет один раз
это действие вершится,
и ныне
Все в отблесках пламени
в сумрачном Эчмиадзине —
То варится миро в саду.
Блюститель порядка,
ты зря беспокоишься, тут
Царит пониманье,
торжественность этих минут.
Как символ слияния,
масло священное это
В огромной
серебряной чаше.
По белому свету
Армяне его развезут.
И слушая вздохи,
курил я грузинский табак,
И я по-грузински
подумал об этом вот так:
Старинный обычай—
есть ясная память народа;
Не вера Христова —
бессмертие генов
и рода,

Единства
и общности знак.
Любовь
быть должна молчалива,
спокойна,
тверда.
Плебейская бойкость
была мне противна всегда.
Но бодрость
и жизнеспособность —
то дело другое!
Меня благодушие наше
взяло за живое;
Расслабленность—
наша беда!
В Армении был я
и все рассказал без прикрас.
Армяне в заботах
проводят все дни и сейчас.
Там все расцветает —
и не на словах,
а на деле.
Там в горных теснинах
лишь Занг приручить не успели—
Ревет он и бьется,
как барс!
Старейший сосед на земле...
Он ведь не за дверьми!
Намеренья мудрые,
цели его
ты пойми.
Он учится,
трудится,
бодрствует,
пот проливает.
Родной лишь земле
он заботы свои посвящает.
Ты эту черту перейми!

Перевод Сергея АЛИХАНОВА

ДАЛЪ — Рассказ

Никому на жизнь земную
невозможно положиться,
И моргнуть мы не успеем,
как она уже промчится.

«Витязь в тигровой шкуре»

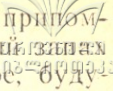
1

НА ВОКЗАЛ меня провожали мой родной брат и двоюродный — Джондо. До отхода поезда оставалось много времени. Мы прошли в конец перрона, туда, где стоял неприглядный ларек, тускло освещенный одной-единственной лампочкой. Вокруг была тьма. Продавец был в грязном белом халате, с лицом, обросшим щетиной. На полках лежали консервы, булки, конфеты, коробки папирос, сухари в целлофане и лимонад. Мы спросили пива, продавец разлил его по здоровенным кружкам и поставил их перед нами. Пиво было вкусным. Мы выпили и закурили. После пива приятно было затянуться. Затем мы прошлись до самого конца перрона. Впереди была тьма, блестели рельсы, мерцали разноцветные огни, словно звали, манили, суля новое, неведомое и небывалое. Издалека слышалось шипение паровозов, в дымном воздухе крепко пахло мазутом и сажей. Мы довольно долго стояли в конце перрона и курили, глядя вдаль, затем повернули обратно. Джондо нес мой чемодан. Братья ни в какую не давали нести его мне, вероятно оттого, что были провожатыми. Перрон был почти пуст. До отхода поезда все еще оставалось много времени.

— Интересно, на какой путь подадут поезд? — спросил я.

— На третий, — отозвался брат.

— Прежде он уходил оттуда, — повернулся я к тупику, где стоял порожний состав.

«Прежде» — это было мое детство, и оно припомнилось мне остро и ясно. Припомнился знакомый вокзала, вагонов и то приятное волнение, какое, будучи ребенком, ощущал я до того, как поднимался в вагон. Не знаю, что испытывали мои братья, родной и двоюродный, — они были младше меня, и дядя возил нас всех вместе на лето в деревню, — но хорошо помню, для всех троих эта поездка была величайшим счастьем. Нам так хотелось занять место возле окна, что, едва поднявшись в вагон, пока мои родители и дядя размещали багаж, мы начинали возню за место у окна. Багаж водворялся на полку, а мы — мы сидели возле окна, тесня друг друга, поезд стоял долго, и мы смотрели на проходящих по перрону людей. Удивительным было это чувство. Удивительными были темнота и мерцающий свет фонарей, виднеющихся вдаль, когда я еще стоял возле ступенек вагона, смотрел на паровоз в томительном ожидании, когда же взрослые поднимут меня вверх. Мне казалось, что поезд может внезапно отойти, а я останусь, не успею подняться в вагон. Что и говорить, тогда мне было неизвестно, что таких случайностей не бывает, что движение поездов, равно как и многое другое в жизни, подчиняется определенному порядку. Тогда я этого попросту не понимал, поскольку душа моя была смелой и свободной.

Когда поезд трогался, мы сидели возле окна. Прекрасно помню большое, красного цвета здание депо, помню паровозы, стоявшие в нем, которые вызывали во мне безмерное удивление оттого, что находились в здании, и все это казалось мне таким сложным и загадочным, что я даже не отваживался на вопрос, поскольку каждый раз на мой вопрос отвечали так:

— Это — депо, дом, в котором живут паровозы.

Значит, и паровозы имеют свои дома, думал я и спрашивал:

— Они спят здесь?

— Здесь.

— А где же спят вагоны?

— В другом месте.

— Почему?

И начинались сложные толкования, после которых вопрос все равно оставался без ответа.

Я превосходно помню, что тотчас забывал все, чем жил до того, и это недавнее прошлое разом тонуло в дымке, а предо мной всгавал новый, светлый и солнечный мир, моя деревня, кукурузные поля, высокие тенистые деревья, животные, любимые бабушка и дедушка, к которым устремлялись мои мечты и думы, если можно, в моем нынешнем понимании, назвать думой и мечтой мое тогдашнее настроение. Это было нечто более возвышенное, какая-то упительная сладость, первородное чистое стремление, вызванное абсолютным созвучием всему окружающему, которое, к сожалению, теперь уж не дается с такой легкостью, поскольку я уже не ребенок и всегда помню, что добро искони соседствует со злом.

Я превосходно помню, как быстро мы засыпали. Ложились мы всегда попарно: я с братом или с Джондо, а кто-то из них — с дядей. Я превосходно помню, как радовался сну. Помню то томительное ожидание завтрашнего дня, которое не оставляло меня и во сне, помню, как тверда была надежда на то, что с рассветом мы уже достигнем цели. Тогда я не верил ни в какую силу или случай, которые могли бы мне помешать достичь цели. Я верил только в цель и в то, что она достижима. Какой определенной и конкретной она была! Теперь минута свершения не приносит мне такого удовлетворения, поскольку долго оставаться на той высокой вершине блаженства, что зовется достигнутой целью, не дано никому, жизнь всегда ставит перед тобой новые препоны, которые нужно преодолеть, и так до бесконечности.

Помню пробуждение в поезде. Словно бы происходил взрыв и я внезапно переносился в иной мир, который изумлял и притягивал меня. Прежде поезд подолгу стоял и на небольших станциях. Помню хруст щебня под босыми ногами мальчишек, которые бегали от вагона к вагону и громко кричали:

— Кому черешню, черешню!

— Молодой сыр!

— Холодная вода, холодная вода!

— Почему твоя черешня? — слышался заспанный бас.

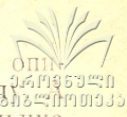
Мальчик отвечал, — я запомнил цену черешни — пассажир покупал, свесившись из окна, или вовсе не

покупал, и затем вновь слышались торопливые, взволнованные выкрики маленького деревенского мальчика:

— Хорошая черешня, хорошая черешня, хорошая черешня...

Поскольку поезд должен был тронуться с минуты на минуту, то ребенок торопился, волновался, старался как-нибудь продать свой товар, чтобы доставить удовольствие домашним. Я помню простодушные, наивные лица этих мальчишек, их растерянное, стремительное появление в проеме купе, их всклокоченные волосы и старую одежку, помню их беготню из вагона в вагон — подняв плечи, они бежали скоком, словно белки, поскольку бежать босиком по насыпи было трудно, в руках же они держали коротенькие палочки с нанизанной на них черешней. Я помню женщин в платках, с морщинистыми лицами, они стояли несколько поодаль с маленькими плетеными корзинами, в которых лежал вынесенный на продажу, обернутый виноградными или тутовыми листьями молодой сыр. Я помню все это. Помню покрытые лесом крутые косогоры, чистые, прозрачные горные ручьи, мельницы, дома, развалины замков и крепостей, ограды, белые церквушки где-нибудь на пригорке и грустные кладбища, что на мгновение возникали и исчезали в вагонном окне. Я помню это, и еще я помню людей: молодых крестьян и седых длинноусых старцев в башлыках, они метались по вокзалу с корзинами и мешками, кричали, суетились, и непривычным, и сладостным был их говор, их мир. Помню то чувство, которое я испытывал к ним тогда и которое нельзя назвать иначе, чем чистой, неоскверненной любовью ребенка к своей земле и к свободе. Эти крестьяне тогда представлялись мне необыкновенно привлекательными, и мне хотелось жить их жизнью, чтобы и у меня были мешки и корзины и чтобы я вместе с ними бегал от вагона к вагону в надежде, что кто-нибудь из проводников возьмет меня до соседней станции. Я уповал на то, что в будущем смогу стать таким же.

Затем поезд выползал из узкого ущелья, горы расступались, все больше и больше пятясь назад перед неоглядной долиной. Теперь по обе стороны от путей виднелись просторно раскинувшиеся кукурузные поля. Я видел крестьян, которые с рассветом выходили на

прополку. Некоторые из них прерывали работу и, опираясь на мотыги, смотрели вслед уходящему поезду. Поезд все бежал вперед, и из окна виднелись дальние горы, леса, поля, дороги, луга, коровы и лошади, собаки, телеги, люди, речки и мосты...

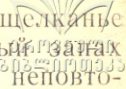
Я помню похожие на кресты, почерневшие от времени телеграфные столбы вдоль дороги и протянутые меж ними провода, которые бежали тебе навстречу, а поравнявшись с тобой, в тот же миг опускались книзу, затем вновь набегали сверху и вновь стремительно падали вниз, а ты дивился этому, смотрел на них и видел, как сжимались столбы, мимо которых ты уже проехал, и до чего крохотны те, что еще не приблизились к тебе, а окрест — неоглядная долина. Я помню ласточек, которые порой сидели на этих проводах.

Затем поезд останавливался и долго стоял на станции Риони. Возле станции был крохотный рынок, за которым, на пригорке, виднелся лес, оттуда веяло прохладой. На рынке торговали чем угодно. Все продавцы тогда казались веселыми и довольными. Слышался смех, шутки, гомон, эта пестрота кружила мне голову, и, высунувшись из вагонного окна, я смотрел вперед и настойчиво твердил про себя — сегодня я буду в деревне, буду ходить по нашему двору, буду спать этой ночью в нашем доме, — и в томительном ожидании сбивалось с ритма сердце.

Нынче этого уж нет. Нет той необычайной радости, что охватывала меня на самтредской станции в тот миг, как я сходил с поезда. Прежде перрон был крытым и казался уютнее, ладнее. За станцией, на площади, стояли коляски, дилижансы и двуколки, владельцы которых зазывали:

- Ну-ка, до Вани!
- Хони!
- Сакулашо!

Мы садились в коляску; цокали копыта по мостовой, мощенной булыжником, скрипели колеса, причмокивал и свистел возничий, а я сидел на облучке и смотрел на круп лошади, коляска поворачивала влево, проезжала мимо здания гостиницы, единственного многоэтажного здания во всем городе, мимо маленьких духанов и выезжала на пыльное и щербатое хонское шоссе, а я сидел и смотрел на мелькающие ноги лошади,

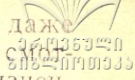

слышал причмокивание и свист возникшего, щелканье кнута в воздухе, мне был приятен особенный запах лошади, я всем существом ощущал утро, его неповторимое, захватывающее дыхание, слышал нежный шелест деревьев, видел блестящую от утренней росы зелень травы, мне был приятен сладкий аромат цветов, который доносился откуда-то издалека с прохладным ветерком и дурманил меня, я видел простых деревенских людей, которых я любил за их бесхитростную жизнь и, может статься, за то особое очарование, которое она таила в себе, и я хотел быть извозчиком, чтобы у меня была моя собственная лошадь и чтобы я каждый день ездил на ней от Хони до Самтредиа. Я серьезно полагал, что извозчик безгранично счастлив этой возможностью покататься, отнюдь не связывая эти поездки с насущной необходимостью прокормить семью.

Я помню, как встречали нас бабушка с дедушкой. Они бежали от дома к калитке. Бабушка обнимала нас и прижимала к груди, дедушка смеялся и смотрел на нас по-детски удивленно, простодушно и радостно, глаза его наполнились слезами, он наклонялся, подставлял щеку, — такую уж он имел привычку, — и мы целовали его в щеку. Я ощущал особый запах его тела, приятный запах табака и еще чего-то, запах, который я помню до сих пор и так люблю, что порой невыносимо тоскую по нем.

Помню и запах, что стоял в комнате, любимый запах айвы и сушеных фруктов. Помню на стенах фотографии в красивых рамках, они со всех сторон смотрели на тебя, входящего в комнату, фотографии бабушки с дедушкой в день их венчания, их братьев и родственников и еще каких-то людей, многих из которых мы никогда не видели, поскольку к тому времени, когда мы появились на свет, их уже не было в живых, но для бабушки с дедушкой эти люди были любимыми и близкими...

Помню, сколько размышлений вызывала во мне фотография младшего брата дедушки, Венэ. Она была вставлена в круглую рамку и висела на самом почетном месте. Венэ был красивый молодой человек, он умер задолго до моего рождения, в 1918 году. После его смерти прошло столько времени, но его по-прежнему

все любили, часто вспоминали в нашей семье и даже клялись его именем. Я дивился этому. Подолгу смотрел я на фотографию, и мне хотелось разгадать жизненный путь Венэ, его характер, хотелось услышать его голос, хотелось понять, за что же его так любили. На фотографии Венэ смеялся, густые волосы спадали на лоб, маленькие короткие усики лихо закручивались кверху; на нем была долгополая черкеска, правой рукой он подпирал бок, а левой держался за эфес сабли. Я часто взбирался на стул и долго-долго смотрел на эту фотографию. Порой мне казалось, что я смутно припоминаю его, припоминаю его голос, его говор, что я некогда встречался с ним, но не могу припомнить, где и когда это было.

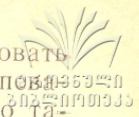
Дедушкины братья погибли молодыми. В этом доме остались лишь их фотографии, висящие на стенах, а ведь некогда этот дом был так же дорог им, как нынче — мне. Не гости они и не хозяева уже в собственном доме. В детстве это обстоятельство чрезвычайно удивляло меня. Я не мог себе представить, что этот дом может существовать без меня...

Наш дом был построен отцом моего деда, моим прадедушкой. Что я знал об этом человеке, который построил это столь любимое мною гнездо? Почти ничего, кроме того, что раз в снежную зиму он задушил голыми руками волка, напавшего на него в дороге. Еще знал, что когда у прадедушки умер младший сын, то он сказал, теперь и моя смерть, мол, близка, и через месяц вправду умер. Остался отстроенный им дом, который для меня, человека, неизвестного прадеду, стал родным очагом.

Как же я любил этот старый дом! Как любил сидеть на веранде и смотреть на небо! Нигде нет такого близкого и знакомого неба. Я совершенно не чувствовал его дали. Сколько раз в детстве, когда я подолгу смотрел на небо, мне казалось, вернее, я ждал с невообразимой надеждой, что поднимется этот синий полог и некое таинство явит себя по ту сторону небес.

Как я любил наступление ночи! Любил ложиться с бабушкой. Темнело, начинали стрекотать цикады, лаяли где-то вдалеке собаки, воцарялась тишина, луна освещала веранду холодным таинственным светом,

затаившейся казалась окрестность, старые липы, ^{взлет-}взлетившие к небу тополя, все вокруг было ^{далеким и}загадочным, а бабушка рассказывала старинные ^{истории} истории, которые казались мне удивительными, рассказывала о своей жизни с дедушкой в разных городах, о том, как вернулись они в деревню и поселились в ней, каким был тогда наш дом, наш двор, где был погреб, кукурузник, амбар, какие деревья росли во дворе — орех и чинары; она рассказывала истории той поры, что прошла без меня, говорила о людях, которых я не видел, меня еще не было на свете, но был этот мир, и были люди, которые жили, хотя меня и не было, размышляли, переживали, мучались и были счастливы, и когда бабушка рассказывала мне о них, я чувствовал все, видел все, и та пора была мне коротко знакома, близка и дорога. Я не знаю, что же это было такое, эта удивительная любовь и подсознательное стремление к неведомому и далекому миру, с которым я не имел ничего общего. Может статься, что на самом деле это было своеобразным интересом к будущей жизни, который пробуждал во мне стремление узнать, что ждет меня впереди, что мне нужно непременно пережить и увидеть, так же, как видели и переживали до меня все. Может статься, это было тягой к той жизни, которая кажется тебе захватывающей вследствие своей удаленности и загадочности, которая влечет к себе, как мечта. Не знаю, чем объяснить, но я любил то время и тех людей, что-то переходило из той поры в меня, наполняло мою душу, и у меня было такое ощущение, что я жил еще до моего рождения, задолго до того, как увидел свет; мое существование начиналось из бесконечного далека. Существование не моей личности, а моей души, и такой же бесконечной представлялась мне моя жизнь, которая, как я полагал, сливалась с границами мироздания и совершенно не была чем-то обособленным от мира или природы. Круг, который замыкался на мне, был для меня в ту пору неразрывным и неизменным, это был круг, включающий близких и любимых мною людей, знакомую среду, и когда я слышал слово «смерть», я полагал, что меня это не касается, что это нечто, лежащее за чертой моего круга, я думал, что умирают только незнакомые, те, что не нужны тебе, которых ты не

знаешь, а те, кого ты любишь, будут существовать вместе с тобой вечно. Для меня ничто не претерпело изменений, ничто не нарушалось, я не знал, что такое смерть, и не верил в нее, а моя любовь наделяла дорогих мне людей свойством бессмертия.

Помню раннее утро... Не знаю, сколько мне было тогда лет, но отчетливо помню, что я, ребенок, спящий у окна, отчего-то пробудился. Моя комната и все вокруг было залито солнцем. Я сидел на постели и обеими руками тер глаза. Мне хотелось плакать оттого, что я проснулся, а рядом никого нет, но я слышал какие-то славные и сладостные звуки и чувствовал, что хотя приятный дурман, в котором я пребывал, и рассеялся, но в мое существование вторгается новая жизнь, лучше и веселее прежней, и эта внезапная новизна изумила меня, я уперся ручонками в окно и увидел сидящего на ветке дерева дрозда, который упоенно пел с раннего утра, видно оттого, что был счастлив; а я видел только его длинный клюв, который смешно открывался и закрывался. Я долго, пока дрозд не улетел, слушал эту счастливую птицу и чувствовал, что очень люблю самого себя.

Я любил дождь. В дождь мы, дети, надевали дедушкины резиновые сапоги, — у дедушки было несколько пар резиновых сапог — кто новые, а кто старые, и ходили по двору, нарочно обдавая друг друга брызгами, смеялись и очень радовались, что стоим по щиколотку в воде, а ноги все одно сухие. Затем выходил из дому дед в старых кожаных сапогах и копал мотыгой канавку от огорода ко рву, чтобы дать выход скопившейся возле огорода воде. За мотыги, бывало, брались и мы, наши мотыги были короче дедушкиной, и мы помогали дедушке копать канавку; всегда осторожно, вихрясь на ходу, пробиралась в нее и была мутной. В такую погоду мутнела, выходя из берегов, и вода в реке. Дедушка говорил, что вода во время дождя меняет цвет оттого, что скопившийся на дне ил, поднимаясь, смешивается с ней. Потом мы помогали дедушке тащить срубленное дерево. Это дерево валялось посреди двора, возле колодца, и дедушке оно нужно было для того, чтобы распилить его и смастерить новую ограду, и во время дождя он боялся, что дерево размокнет и сгниет. Это было длинное брев-

но. Дед брался за него с одной стороны, дед, правда, был стар, но все равно сил у него было больше, чем у нас трюх, вместе взятых. Мы, дети, брались с другого конца и вместе с дедушкой несли его к дому, чтобы там свалить его в подпол. Верно, мы выглядели очень забавно, когда волокли это бревно. Кора его размокала от влаги и пачкала нам руки, и потом, когда мы сбрасывали бревно в подпол, от рук исходил крепкий запах дерева, который был и приятным и неприятным одновременно. В дождь дел у дедушки было невпроворот. Порой нужно было снести снопы сена в кукурузник или перекрыть фанерой дрова, сваленные возле забора. Фанера хранилась в кукурузнике у стены и совершенно почернела то ли от времени, то ли от сырости. Мы, дети, и дед всегда вместе занимались этим делом, а бабушка стояла на веранде и взывала к дедушке:

— Отпусти детей домой, не губи их, смотри, какой дождь!

Но дед настаивал:

— Ничего с ними не будет, не бойся, не помрут.

Когда мы кончали с делами, мы шли на веранду с тыльной стороны дома, мыли чередой руки и были голодны как волки. Затем шли в комнату. На дворе была слякоть, а в комнате теплынь и чистота, и мы, разувшись, ступали по свежeweымытому, но уже просохшему полу.

Наши резиновые и дедовы кожаные сапоги с разводами подсыхающей грязи стояли возле стены на задней веранде, и пол тут был исслеженным. Бабушка ставила посреди комнаты стол, вокруг него табуретки и, когда мы рассаживались, клала на стол большую тарелку, на которой лежало очень большое и желтое мчади, выпеченное на глиняной сковороде; к его поверхности лепились сохшиеся на жару листочки ольхи, и бабушка соскребала их ножом. Затем она приносила сыр, лобио, вино, дедушка разламывал или нарезал мчади, от которого шел пар. А на дворе лил дождь. Лил и лил, не переставая.

Беззаботно проходило лето, проходило детство. Как забыть те острые минуты прощания, когда дед не мог скрыть слез, жалкий, взволнованный, он смотрел на нас и жадно целовал — прощаясь, он всегда

целовал нас. Я и сейчас помню прикосновение его к щеке и ту детскую, щемящую боль, оставшуюся глубоко в душе. Как мне было жаль дедушку, когда мы от него уезжали! Затем коляска трогалась. Мы махали друг другу руками, дед медленно, понурившись и волоча ноги, грустно шел к дому; что до бабушки, то она держалась крепче. Ночью, когда поезд отходил от той станции, того места, которое я так пылко любил, я, уставившись из окна на плывущее куда-то назад темное пространство, думал: «А что если мне не дано вернуться сюда! Как страшно... верно, такое же чувство испытываешь, когда уходишь из жизни», — печаль теснила мне душу, печаль и тоска по деревне, которую я оставлял.

Но каждый раз, как я выкраивал время, я непременно возвращался сюда. Постепенно я рос, менялся, менялась и деревня, но неизменной оставалась моя любовь к ней, просто к этому чувству порой примешивалась грусть. Много я любил по-прежнему. Помню осенние вечера, когда мы после чая сидели на веранде и вели разговор о боге. На небе появлялась большая лимонная луна.

— Что это? Какая сила движет ею? — спрашивал дед.

— Это закон природы, — отвечал я.

— И что это за закон?

— Закон гравитации или притяжения; Луна движется вокруг Земли, потому что ее притягивает Земля, Земля с Луной движутся вокруг Солнца, потому что их притягивает Солнце, Солнце с планетами движется вокруг других звезд, которые образуют единую систему, что зовется галактикой, эта система в свой черед движется в бесконечном пространстве вокруг другой системы и т. д.

— Гм, — улыбался дед, — а все же что или кто сотворил этот закон?

— Природа!

Дед хмыкал.

— Все создано богом, — говорил он убежденно.

— Бог и природа — это ведь одно и то же, — отзывался я.

В такие ночи дед подолгу молился, сидя на постели в одном исподнем, и тихо бормотал: «Отче наш,

иже еси на небеси...» или «Верую в единого бога, создателя всего сущего...» и затем засыпал.

Я сидел на веранде, смотрел на небо, усеянное звездами, и думал: «И вправду, что сотворило, кто сотворил, когда сотворил, для чего сотворил, почему сотворил?»

Да что же такое жизнь? Почему случается то, что случается? Для чего это вечное видоизменение, вечное движение, развитие, распад и созидание? Как достичь того, чтобы возвыситься над собственническими, людскими интересами, осознать, воспринять всем существом все это как обязательное, дабы не пугала тебя смерть?

Помню, в то лето сидел я как-то на полу веранды и читал брошюру некоего английского физика «Атом и вселенная». Книга лежала на полу. Откуда-то приполз муравей. Я раздавил его и скинул в щель меж досками, забитую пылью. Через некоторое время выполз второй муравей. Я и его смахнул в щель, но почему-то не раздавил, хотя мог сделать это, я хотел понаблюдать, что он станет делать: муравей метался и искал выхода, а я наблюдал за ним и забавлялся. Его предшественник был уже мертв и валялся там же, а он избежал смерти совершенно случайно. Внезапно в голову мне пришла мысль: как бы сам муравей объяснил это явление, будь он сознательным существом, обладай он мышлением? Один муравей почему-то умер, а второй, точно такой же, на том же самом месте, где умер его предшественник, избежал смерти. Он никак не смог бы найти этому объяснения, не догадался бы, что произошло. Я настолько превосхожу его размерами, что муравей не может полностью постичь меня: он может рассмотреть только незначительную часть моего тела, но в цельности никогда меня не воспримет, а тем более не познает. Как муравью познать меня, когда я и сам до конца не познал самого себя? Вот потому муравей и не знает, отчего умирает один и улыбается счастье другому. Мне не жаль муравья, потому что мне непонятны его жизнь и мировоззрение, если таковое у него имеется, настолько он мал. Громадность одного и мизерность другого обуславливают то обстоятельство, что друг для друга они становятся непознаваемыми. Может, в такой же зависимости находятся

человек и различные явления природы или бог, как их зовет мой дед?! Тогда в чем же заключается жизненная закономерность и почему все, что зовется нами закономерным, закономерное?

Сколько людей страдает и даже не может объяснить, почему?! Сколько не удовлетворены своей участью! Как страдали Бараташвили, Пиросманашвили... Сколько же их было, недовольных своей судьбой, не примирившихся с ней и, вероятно, чувствующих себя несправедливо наказанными. Но кто знает, не будь этой муки, смогли бы они дарить наслаждением и радостью нас, их потомков, видящих мир под углом зрения, открытым ими. Если подходить с этой меркой, можно заключить, что их муки были оправданными, только те, кто страдал, не смогли подойти к своей жизни с этой точки зрения и примириться с судьбой. Видимо, пока ты жив, невозможно осознать закономерность некоторых жизненных явлений. Закономерность жизни и смерти человека становится ясной только после его смерти, тогда, когда факт его жизни уже свершился и никакие частности не мешают объективной оценке. Оценить твою жизнь должны другие, люди будущего, лишь им дано судить о том, чем был ты и закономерным ли было то, что случилось с тобой.

Кто знает, правильно ли подобное рассуждение? Или почему мы должны рассуждать именно так? Ведь нас уже не касается то, что происходит после нас. И даже если загадка, что волнует нас при жизни, будет после нас разгадана, мы об этом ничего не узнаем и не получим удовлетворения. Человек убивает муравья, для муравья же, имея он свое мышление, причина его смерти непостижима. Я знаю, отчего умер муравей, но ведь в этом случае важны мысли муравья, а не мои.

После нас минует миллион лет и столетий, но перед человеком, пока он будет существовать, всегда будет стоять вопрос «почему?». Не будь этого, движение мысли вперед стало бы невозможным, а свойство мысли таково, что она должна непрерывно развиваться, должна непрестанно идти вперед, и если это движение прервется, значит прервется и жизнь.

Той весной умер мой дед. Завершилась его жизнь. Было на свете пятеро братьев, и ни одного из них не осталось в живых. Теперь уже на стене висит и дедуш-

кина фотография. Иссяк тот источник любви, что согревал меня в течение всей моей жизни и делал мою жизнь достойной любви. И не только мою личную жизнь, но и жизнь вообще, поскольку частью моей жизни была жизнь самого дедушки, с которой он так тепло и любовно знакомил меня и с которой сливались жизни бесчисленных незнакомых мне людей, виденных и воспринятых дедушкой и вошедших в мою жизнь вкупе с дедушкиной жизнью. Я стоял у дедушкиной могилы, могила постепенно заполнялась землей, играла шарманка, под звуки которой он так любил кутить при жизни, а за крытой плющом оградой старого кладбища, где-то уж совсем «за», садилось большое и красное солнце, и я знал, что душа деда остается со мной, он все еще был живым для меня, поскольку я любил его, не мог без него жить, он вновь был со мной, но я уже никогда не почувствую его прикосновения, приятного запаха его тела, хотя и могу все это представить себе, не услышу его голоса, его смеха, покашливания, не увижу его любимых глаз, всегда блестящих радостью и добротой, хотя и могу представить все это умозрительно, но воспоминание не восполняет потери, и все мое существо было потрясено и смятено этой всеобщей закономерностью, которая причиняет тебе незаслуженную боль, и ты, человек, ничего не можешь поделать с этим.

Подали состав. Отъезжающие, совсем было потерявшие терпение, устремились к вагонам. Сегодня я впервые после смерти деда ехал в деревню. И внезапно я понял: даже если я буду жить на этом свете бесконечно, все равно мне не испытать уже той радости, когда после долгой тоски по дедушке приезжаешь в деревню и видишь его.

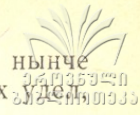
Пассажиры осаждали вагоны.

— Дай чемодан, — сказал я Джондо.

— Донесу уж до вагона...

Мы прошли к моему вагону. Затем я попрощался с обоими братьями и поднялся...

Все тот же запах, та же суета, но настроение у меня было иным. Я стоял у открытого окна и смотрел на перрон. Поезд тронулся. Вдали виднелись темные горы. Я любил мир. Любил погрузившуюся во тьму дремлющую окрестность, любил деревья и животных. Я чувство-

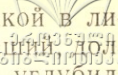
вал, что очень люблю людей, тех людей, что нынче ехали со мной, всех, кто добр. Меня беспокоил их уход, поскольку и я ведь человек.

Я люблю тебя, читающего эти строки, если ты добр, если чтешь справедливость. Я люблю тебя, кто придет вслед за мной, когда меня не будет и я, естественно, не буду знать, каков ты, кто ты, откуда ты. Я не увижу тебя, но ты увидишь землю, которую видел и любил я, ты будешь жить в мире, где прошла моя жизнь, и хотя, когда ты придешь, меня уже не будет, но ведь останутся горы и моря, которые любил и я, ведь останутся леса и реки, небо и земля, ведь по-прежнему каждой весной будут цвести цветы, покрываться листвой деревья, щебетать птицы, и тебя это будет услаждать точно так же, как услаждало в свое время меня. Ведь по-прежнему будут на земле люди, и ты проникнешься глубоким сочувствием к ним, ты полюбишь жизнь, природу, которую любил и я, и благодаря этой любви, которая некими невидимыми путями перейдет от меня к тебе, ты будешь любить меня, и я невольно, не зная о твоём существовании, буду любить тебя, идущего вслед за мной, и я всегда буду желать тебе добра, — где бы ты ни был, сыном какой бы страны ты ни был, лишь бы ты был добр и справедлив, — поскольку ты человек будущего, и я представляю тебя счастливее, лучше и совершеннее, чем мы есть сегодня. Кто знает, может в этой любви корень беспредельности жизни человечества? Ведь может же человек умереть и не останется даже его могилы, как, например, нет могилы Шота,* Нико Пиросманашвили и многих других, но их имена, их душевные порывы вечны, бессмертны и реальны для последующих поколений. Даже если и имя человека, а не только могила, исчезнет за давностью времен, как имена авторов тех пословиц, которым мы и сегодня следуем в жизни, все равно останется часть его души, что незаметно для нас сливается с нашей душой и помогает нам в борьбе с тяготами бременной жизни.

2

Я ехал на велосипеде по дороге, размытой дождем, вокруг были поля. Скот разбрелся по полю, а па-

* Руставели.

стух с долгим посохом в руке, с сумасшедшинкой в лице, с сумкой через плечо, растрепанный и обросший, долго смотрел на меня. Я оставил его позади и углубился в лес, где было прохладно и пахло мхом, а когда я миновал лес, предо мной развернулась просторная долина. Я почувствовал, какое удовольствие доставляет мне пребывание в здешних краях, и сердце мое исполнилось внезапной радостью. Пространство здесь развернуто, небо — велико, огромно, и мечты заходят далеко. По краю долины виднелись синие горы Кавказского хребта, над ними четко высилась белая стена вершин. Я различал знакомые вершины — Тетнульд, Гистолу, Джангу, Шхару — и радовался, что узнавал их издали. Меня охватило то забытое чувство, которое я всегда испытывал по дороге в горы, когда еще в долине вдруг открывались моему взору заснеженные вершины и мне нестерпимо хотелось оказаться там. Их незапятнанная белизна и отдаленность странно притягивали меня. Лучи заходящего солнца высветили вершины розоватым цветом, а сам хребет был синим. Я был счастлив, что вижу их, что некогда бродил по их склонам. Их синева переполняла мою душу, как нежное, приятное воспоминание. Я знал, что эта синь — иллюзия, вблизи горы никогда не бывают такими нежными и воздушными, но чем плоха иллюзия? Разве в жизни очень часто самое большое блаженство, испытываемое человеком, не есть ложь, созданная его же фантазией и воображением и не существующая в действительности? Так что такое мечта, если не иллюзия, не вымысел? Никогда мечта не сбывается так, как представляешь себе. Вероятно, оттого детство, приблизительно до шести-семи лет, — самая счастливая пора, поскольку ребенка удовлетворяет созданный им самим гармоничный мир, мир мечты, и он подходит к нему без критического анализа. Я ехал на велосипеде, ветерок бил мне в лицо, и я, как ребенок, радовался тому, что солнце еще не село, а спутанные облака так красиво сливались с горизонтом.

Минула неделя, как я приехал в деревню. За это время я не выходил за пределы двора, сидел дома и читал. Несмотря на то, что деда не было в живых, я любил здесь все, мне доставляло удовольствие быть здесь. Потом мне захотелось посмотреть те места, с которы-

ми меня связывало столько воспоминаний. В полдень я взял у соседского мальчика велосипед и поехал по узкой проселочной тропе. Быстрая езда на велосипеде захватила меня, и очень скоро я оставил позади нашу деревню, наши поля и леса, старую церковь и кладбище, где был похоронен дед.

Я выехал в поле и внезапно вспомнил Соломона, старинного дедова друга. Сколько времени не видел я его! А ведь так любил прежде бывать у него! Соломон жил возле реки в прибрежном лесу. По дедушкиным рассказам, прежде здесь были и другие жители, но они поумирали, а молодые снялись с этих мест и переселились в центр, то есть поближе к главной дороге. Я развернул велосипед и пустился по дороге, ведущей к реке. Соломон и его супруга Иринэ, которую все на деревне звали тетушкой Иринэ, жили особняком, на краю деревни. В детстве дедушка или бабушка часто водили меня к ним в гости. Я очень любил их дом, приземистую имеретинскую оду с большой верандой и широкими балясинами. Не было ничего лучше, чем сидеть вечерами на этой веранде и смотреть на закат солнца. Солнце садилось медленно, с полей доносилось мычание скотины, и вечер становился удивительно осязаемым. Я сидел и смотрел на закат солнца, и какая-то приятная печаль овладевала мной. Во дворе росла старая, почти высохшая липа. Соседи советовали Соломону срубить дерево, но он не соглашался, поскольку хотел, чтобы во дворе все оставалось таким, как было прежде. Двор его и вправду был прекрасен. Летом от забора до дома по всему двору зеленела трава. К тыльной стороне дома лепились фруктовый сад и огород, и всегда стояла тишина, ненарушимая тишина, которая будто бы и жизнь делала тихой и незаметной. Соломон дни напролет проводил в саду или сидел с книгой на веранде. Во всей деревне ни у кого не было такого сада.

Как же давно не был я у Соломона! Вероятно, прошло уже лет пять. Я помню тот вечер, когда был у него в последний раз. В то лето я собирался в горы — в альпинистскую экспедицию. Помню, мы долго сидели на веранде и говорили. Соломон сравнивал Грузию со Швейцарией. Вдали, на юге, отчетливо виднелись Гурьинские горы.

— Люблю горы, — сказал Соломон, — потому и живу здесь, что отсюда видны горы.

— Если вы так их любите, то не лучше ли тогда поселиться в горах? — спросил я.

— Когда ты в горах, сынок, они — обыкновенные. Я люблю смотреть на них издали. Издали все представляется сказочным, — ответил Соломон.

Соломон был хорошим человеком, и я искренне любил его. Его и его супругу — тетушку Иринэ. Соломон был преподавателем немецкого. Когда ввели французский, Соломон стал обучать и этому языку, поскольку знал в совершенстве оба. Супруга Соломона преподавала русский. Теперь оба были на пенсии и жили вдвоем, поскольку детей у них не было. В молодости они несколько лет провели в Европе, а по окончании первой мировой войны вернулись в Россию. После революции супруги перебрались в Грузию. Некоторое время жили в Тбилиси, но оставались там недолго, возвратились в деревню и обосновались в доме, доставшемся Соломону от предков. С тех пор они жили здесь. Некоторые дивились тому, как выдерживают в деревне столь образованные люди.

— Провинциализм большого города несравненно тягостнее подлинной провинции, — говаривал Соломон.

Его супруга полностью разделяла это мнение. Соломон любил замкнутую, безмятежную жизнь и, думаю, был совершенно доволен своей судьбой: обучал деревенских детей иностранным языкам, ухаживал за своей маленькой усадьбой, и время шло. Нужно сказать, что в деревне очень любили и уважали Соломона и его супругу. Они были замечательными стариками, эта чета, степенные, образованные, остроумные. Несмотря на то, что Соломон был человеком чрезвычайно общительным и непосредственным, духовно он был, вероятно, личностью замкнутой, поскольку использовал свое дарование и способности не по возможностям. Во всяком случае так полагали все, кто знал его и кого, естественно, знал я.

— У него, милостивый государь, такие знания, что, захоти он — министром станет, — говорил, к примеру, мой дед.

Но дедушка понимал Соломона и был участлив к нему.

— Состарившись, человек должен возвращаться к родину и доживать свой век в собственном доме. Во времена Николая у Алекси Хоштария скончалась в Швейцарии мать, так он ее привез в Суджун и там похоронил, в своей деревне, как же иначе? Нынче вот люди бегут врасыпную из деревни, прежде было иначе, — говорил дед.

— Теперь на все один ответ: «все равно», да и люди стали равнодушными, — добавляла бабушка.

Сам дед, когда ему исполнилось пятьдесят лет, возвратился в деревню и остался в ней навсегда. Может статься, именно благодаря этому он и понимал Соломона.

Так было или этак, однако Соломон не искал поприща для своих страстей. Мне кажется, что у него их и не было, поэтому не было и потребности в широкой деятельности. Его сполна удовлетворяла школа в нашей деревне, свой двор и сад. Двор у него был великолепным, ухоженным, чистым, деревья побелены и подрезаны.

Как я любил в детстве ходить к Соломону! Бывало, стоял я в его комнате, смотрел на книжные полки, что доходили до потолка. На них теснилось огромное множество книг, были и на иностранных, но большинство — на русском и грузинском языках. Меня манила тайна, которую хранили книги на своих страницах. Мне очень хотелось знать, что было в них написано. Соломон всегда одалживал мне книги. Я приносил их домой, ложился в задней комнате на дедову постель и целыми днями читал. Помню полное собрание сочинений Акакия Церетели. Я прочел все стихотворения, все поэмы, словом, все, что было напечатано в тех книгах, и я любил Акакия, он стал дорогим мне человеком.

— Дедушка, ты был знаком с Акакием Церетели? — спрашивал я деда.

— Как же, как же, милостивый государь! Каким он был красавцем! Досюда, — дед показывал рукой, — длинная белая борода. Каждое 14 января по старому стилю он приезжал в Батуми, и молодые люди, юноши и девушки, вроде тебя, в белых платьях и белых черкесках с ахалухами впрягались в коляску вместо лоша-

дей и везли его в клуб. Там давали представление, концерт, играла музыка, такое творилось! О, каким он был человеком!

Любовь к Акакию заставила меня в то лето поехать в Схвители. Помню узкоколейку, маленькие станции, черную реку Квирилу и зеленые горы; помню прохладу, которая с заходом солнца воцарялась в ущелье. Весь путь я думал о том, сколько же раз ездил по этим местам Акакий, сколько раз он видел то, что нынче вижу я. Помню дом Акакия, который представлялся мне совершенно другим по «Пережитому», но все равно понравился, помню ту комнату, где умер Акакий, его постель, его калоши и белый халат, висящий на стене, теперь ненужный своему хозяину и необходимый мне, чтобы ощутить его владельца. Все здесь было дорогим для меня, и у меня было чувство верующего, входящего в храм.

В то же лето я читал произведения Нико Николадзе.

— Дедушка, ты был знаком с Нико Николадзе?

— А как же. Он жил тут же, в Джихаиши, дом у него был в немецком стиле. Он был небольшого роста, с короткой бородкой бланш, — рассказывал дед, — он построил потийскую пристань. Раз я на станции, батенька, поезд должен отойти с минуты на минуту, Нико пишет письмо, кладет его в конверт, заворачивает за здание вокзала, бросает письмо в почтовый ящик, а когда возвращается на перрон — поезда уже нет. Он смотрит на часы, подзывает начальника станции и говорит: «Я вас спрашиваю... — тут дед повышал голос и смотрел на меня так, словно я был тем начальником станции, которого отчитывал Нико Николадзе, при этом он размахивал руками: — Я вас спрашиваю, на каком основании вы отправляете поезд на две минуты раньше расписания?» Ну и досталось же тогда этому начальнику, его уволили с работы; позже я спросил, кто, дескать, этот человек, и мне ответили, что это — Николадзе. Он был большим человеком.

Соломон давал мне книги, я читал наших классиков — Илью*, Вaju**, я любил их и исподволь проникался духом той эпохи, в которой они жили и творили.

*Илья Чавчавадзе.

**Важа Пшавела.

- Дедушка, ты знал Илью?
— Нет, внучек, Илью я не знал!
— А Важу?
— И Важу не знал, внучек!

Мне было обидно и удивительно, что дед не знал ни Важи, ни Ильи, хотя и жил в ту же пору, что они, и, захоти он, мог бы с ними познакомиться.

Теперь уж мне и не вспомнить, сколько книг давал мне Соломон, но благодаря этому чтению у меня сформировался определенный вкус и свое, личное отношение к предметам, миру, добру и злу.

Остались позади последние проулки меж плетнями, и показался знакомый прибрежный лесок. Показались рослые, старые дубы, и там, за поворотом, дом Соломона, старый, красивый дом. Нынче такие дома не строят; теперь стоят во дворах уродливые каменной и кирпичной кладки двухэтажные дома, отнюдь не соответствующие моему представлению о красоте деревни. Я миновал поворот и увидел дом Соломона.

Этот дом был построен его отцом. По словам деда, отец Соломона был очень энергичным человеком. Я видел в комнате Соломона на письменном столе его фотографию. Это был крепкий старик, молодцеватый, с горделивым выражением лица, с усами и бородой, тронутыми сединой, в старинном сюртуке, под сюртуком — жилет, из кармана которого свисала цепочка. Стоячий по тогдашней моде накрахмаленный воротник был повязан большим галстуком. Я хорошо помню эту фотографию. Помню и вторую фотографию, что лежала рядом с этой на письменном столе Соломона, фотографию молодого безусого мужчины в старинной студенческой форме с белыми пуговицами и погонами. Это был младший брат Соломона. Он учился в Петербурге, но потом, увлеченный идеями революции, бросил учебу. Отец Соломона любил младшего сына особой любовью; по словам бабушки, в этом крылась причина того, что и он стал революционером. Отец находился под сильным влиянием своего сына, что часто случается при глубокой любви и когда сыновний характер тверже отцовского. По словам бабушки, оба были блистательными певцами.

— Птицы—и те умолкали, услышав их пение, — говаривал дед.

Эта семья вообще славилась своей музыкальностью, хотя я ни разу не слышал, чтобы Соломон пел. Но дед говорил, что в свое время пел и он. Когда в Грузии власть захватили меньшевики, брат Соломона вернулся из России на родину и начал революционную деятельность... В 1921 году они оба, отец и сын, были арестованы. Ни один из них не знал о поимке другого, поскольку их арестовали в разных местах и, ко всему, совершенно неожиданно. Дед рассказывал: случилось, что на расстрел их повели под одним конвоем. Дело было в феврале. Стояла по-зимнему сырая, непроглядная ночь. Той ночью повели к берегу Риони сто или больше человек. Шли арестанты своей последней дорогой, шли, и внезапно кто-то в задних рядах запел. Удивительная эта песнь до дрожи проняла всех. Отец Соломона босой шел впереди. Заслышав любимый голос, он на миг оцепенел, а опамятававшись, вскричал: «Ты здесь, сын? И тебя убивают, сы-ы-н!»—и упал без чувств в грязь. Поднялась суматоха, прибежал сын и прижал отца к своей груди. Потом оба с песней приняли свою кончину. В ту ночь они были расстреляны.

Сам Соломон никогда не заговаривал об этой истории, но, по мнению моего деда, именно вследствие этого он избрал уделом спокойную, безмятежную жизнь. Он удалился от больших городов, культурных центров и тихонько жил для себя. Что-то в нем произошло такое, что заставило его изменить прежние взгляды на жизнь и назначение человека. Устранившись от жизни, он находил в этом удовлетворение и видел некую прелесть в том, что предмет его мечтаний и стремлений был далек от него. Он не верил в то, что мечта или желание могут осуществиться. Он всегда думал и мечтал о чем-то далеком.

— Вы не тоскуете по городам, в которых жили прежде? — спрашивал я порой.

— Нет, сынок, — говорил Соломон, — чем дальше я от людей, тем больше люблю их, издали все они кажутся совершенством. Хотя и сказано: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?», но все одно, у людей много недостатков.

Я многого не понимал в Соломоне, но любил его, любил беседовать с ним, слушать его. Я радовался тому,

что увижу Соломона. Соскочив с велосипеда, я прислонил его к дереву возле ограды и вошел во двор. Всегдашней старой липы, растущей во дворе, теперь не было, ее срубили. Остались лишь ее корни. Без липы двор утратил прежнюю таинственность, и теперь все здесь казалось ясным и естественным. Вокруг не было никого, и я удивился, что мой приход остался незамеченным. Я поднялся на веранду и заглянул в комнату через открытое окно. На кровати у стены лежала Иринэ, а Соломон, понурив голову, сидел возле на стуле и обеими руками держал руку жены. Они не глядели друг на друга. Удивленный, я некоторое время постоял на веранде, затем кашлянул. Соломон обернулся и заметил меня. Затем он встал и пошел мне навстречу.

— А-а, и ты узнал? — спросил он меня.

Я ничего не знал, но услышав этот вопрос, спросил таким тоном: «В чем дело?», будто и вправду знал о том, что произошло.

— Не знаю, батенька, лежит вот уже два месяца, и ни один врач не может поставить диагноз,— ответил Соломон, — входи, входи!

Я понял, что Иринэ болеет. Я вошел в комнату, подошел к постели Иринэ, наклонился и поцеловал ее в лоб. Соломон предложил мне стул, и я сел. Иринэ лежала в белоснежном белье; от ее постели исходил приятный запах одеколona.

— Как вы поживаете, что с вами? — спросил я, глядя на старую женщину, столь любимую мною.

— Ухожу, сынок, настал мой черед, — ответила Иринэ. Мне стало больно, что голос ее от старости стал едва слышным, так что слова лишь угадывались.

— Какое время вам уходить, с чем вы говорите?

Иринэ улыбнулась и положила свою высохшую белую руку на мою, словно хотела сказать, что прекрасно понимает меня.

— Ты ведь знаешь, сынок, слова Шота: «Плач напрасен — ведь бессилен я без божеских забот, неизменно провиденье: что не должно — не придет».

Она очень медленно, тихо читала эти строки.

— Значит, «что не должно — не придет»? Вот и прекрасно. Выходит, что зря вы встревожились. Ведь вы сами сказали: «что не должно — не придет».

— Это значит, сынок, — улыбнулась Иринэ, — что никто не в силах изменить свою судьбу, и то, что должно — придет, поскольку нельзя повлиять на провидение, понятно? В данном случае «что не должно» — это моя жизнь, настал мой конец...

Я умолк. Спорить было бесполезно, Иринэ настолько была убеждена в своей правоте, и ее правота настолько была близка к истине, что возразить было нечего. Мои слова не подбодрили бы ее. Ее рука все еще лежала на моей, и она с улыбкой смотрела на меня.

— Как поживаете вы, батона Соломон? — повернулся я к нему.

— Столько лет все было в порядке, и вот тебе...

Соломон не окончил фразы. Их жизни постепенно близились к неизбежному завершению. Это можно было сравнить разве что с солнцем перед закатом. Пробыл отмеренный им час, истекало их время.

— Хорошо здесь жить, — сказал я неожиданно для самого себя и посмотрел во двор, — какая прохлада!

— Коли нет печали, жить везде хорошо, — отозвался Соломон.

Я посмотрел на Иринэ. На меня разом нахлынули воспоминания о том, как, бывало, приходили к ним в гости я, бабушка и дедушка, как хлопотала Иринэ, какие лакомства готовили ее руки, теперь увядшие и бессильные. Какими простыми, добрыми людьми они были.

— Что вас беспокоит, тетушка Иринэ?

— Ничего, сынок, просто я ослабла, нет во мне силы... — прошептала она.

— Все будет в порядке!

— Спасибо, сынок, спасибо... Я не боюсь смерти, совсем не боюсь...

Затем она перевела взгляд на Соломона и смолкла. Некоторое время мы все молчали.

— Вы срубили липу? — нарушил я молчание.

— Она состарилась, высохла, — сказал Соломон, — не только же человеку стариться и высыхать. У природы свои законы — все стареет и высыхает.

Соломон погрузился в размышления...

— Соломон, поухаживай за гостем, — сказала Иринэ.

Соломон встал. На нем были брюки и блуза из белого полотна, на ногах — легкие летние сандалии. Белые волосы были расчесаны на косой пробор, усы аккуратно подстрижены. На мгновение мне показалось, что Соломон походит на библейского патриарха. Во всем его облике ощущалась какая-то величественная печаль.

— Не беспокойтесь, мне скоро идти, — запротестовал я.

— Ступайте в сад, покажи ему персики, — предложила Иринэ.

Соломон вышел на веранду, я встал и пошел вслед за ним. Мы спустились во двор, открыли небольшую калитку и ступили в сад. Мне пришло в голову, что Соломон не хотел при больной говорить о причине ее болезни, и я спросил:

— В чем дело, батона Соломон, что с тетушкой Иринэ?

— Ничего, батенька, старость берет свое... И больше ничего. Попробуй персиков, хотя я не захватил с собой ножа.

— Спасибо, я люблю фрукты с кожицей.

— Так вот и обстоят дела, старость берет свое. Теперь идете вы, а нам пора уходить, затем и вы освободите место своим детям, придут они, за ними другие, мой дорогой, это и есть жизнь. Если мы не уйдем, на земле не останется места, а ведь и другим хочется жить, не так ли? — улыбнулся Соломон.

Я ел персик, и мне нравилось, что Соломон держится так спокойно и мужественно.

— Сначала уйдет Иринэ, за ней — я, — продолжал Соломон, — хотя было бы лучше, если бы первым был я, — внезапно добавил он.

Я отбросил персик. Посмотрел Соломону в лицо и явственно ощутил, как болело у него сердце, как он был встревожен и взволнован, хотя и держался с таким достоинством.

— Кажется, неплохо мы жили здесь, — сказал Соломон, — жили тихо, мирно. Мой всегдашний принцип — человек принадлежит лишь самому себе, он обязан заботиться в первую очередь о самом себе и большую часть времени использовать для достижения своих целей.

Только не ущемляя других. Кроме того, цель, которую ты ставишь перед собой, должна быть справедливой, стремиться следует к тому, чего ты достоин, на что имеешь право и что принесет тебе истинное счастье. Это не эгоизм. Эгоизм — это когда хочешь больше того, что необходимо тебе, будь то удовольствие, почет, уважение или нечто другое. Каждый должен требовать от жизни необходимое, то, что он поистине заслуживает. И тот, кто сможет определить для себя это, будет счастлив. Некоторым кажется, что им нужна нѣсметь всего, что они имеют право требовать от жизни все, что заблагорассудится, но это глупо, это — беспочвенная, мещанская претенциозность, довольствоваться должно только и только необходимым, и тогда ты будешь счастлив. Я и Иринэ построили свою жизнь именно так и были счастливы, а нынче это счастье разрушилось, по крайней мере уже рушится, что поделаешь? Так устроена жизнь, все разрушается... Попробуй-ка теперь груш, они уже созрели, смотри до чего хороши...

Мы подошли к грушам. Соломон сорвал одну и протянул ее мне.

— Попробуй, а, какова!

Груша была очень вкусной.

— Чудесная, — похвалил я.

Соломон обрадовался.

— В этом году фрукты будут вкусными. Сорви себе еще.

— Не хочется, отнесем тетушке Иринэ.

— Иринэ не ест... В общем, она молодец, — сказал Соломон, — она не боится того, что ждет ее. Меня это чрезвычайно радует. Существует изречение: чем меньше ты боишься, тем меньше опасность.

— Не волнуйтесь, батона Соломон, не так уж скверно обстоят дела... — сказал я.

Мои простые слова, сказанные для поддержки, Соломон понял по-своему, словно бы они были ответом на его вопрос.

— В этом ты прав, — взволнованно сказал он, — на болезнь не следует смотреть как на бедствие, равно как и отличное здоровье не надо считать невообразимым счастьем. К обоим факторам нужно относиться сдержанно, ни один, ни второй не следует рассматривать как

явление особое, тогда не трудно будет перейти из одного состояния в другое, легче будет воспринять изменения. В конце концов ни болезнь, ни здоровье не зависят от твоих желаний. На оба эти явления смотреть следует как на гостей в доме, хозяином которого является твое сознание, твой дух. Знаю, думаешь не знаю... Не следует чрезмерно любить самого себя, чрезмерно беречь свою жизнь, поскольку она сотворена не тобой, дарована тебе судьбой, и судьба же отнимет ее в свое время, несмотря на все твои попытки, и все-таки...

Соломон задумался.

— И все-таки человеческая жизнь — ничто, химера... мы — ничто, — сказал он.

Я молчал.

— Сама суть жизни такова, что смерть проистекает единственно из нее. Жизнь — это процесс горения кислорода в организме, а горение, да будет тебе известно, завершается пеплом, то есть смертью. Вот что такое жизнь...

— Не так плохи наши дела, батона Соломон, вы забываете еще кое о чем, в конце концов человек это не только совокупность биологических и химических процессов, он ведь сознательное существо?!

— Именно это нас и губит, сынок. Наше сознание, мышление, дух не соглашаются с природой, ее законами и противятся смерти, считают ее явлением трагическим, в то время как смерть сама по себе не трагична, не лирична и не романтична, а всего-навсего логична — с точки зрения плоти и природы. Нас терзает протест нашего сознания, точнее, нашего духа, в данном случае наша плоть больше не сопротивляется смерти. Она уже не может жить, сникает и прекращает существование, а другая часть человеческого существа — дух — продолжает борьбу, он требует от плоти, чтобы та продолжала свое существование, и это тогда, когда плоть уже не в силах бороться. Именно это и порождает страдания, раскол. Дух стремится к жизни, он хочет жить, но на пути преграда, и этой преградой является плоть, от которой он зависит и в результате смерти которой он погибает. Вот в этом и страдания.

— Батона Соломон, может ваша мысль и верна, когда дело касается смерти больной плоти. Но когда мы

имеем дело с насильственной смертью, когда и плоть и дух здоровы, как же тогда объяснить это явление?

— Тогда трудно объяснить. Тогда вступают в действие какие-то неведомые силы природы.

— Так или этак, а жить все равно стоит, батоно Соломон. Лучше родиться и умереть, чем вовсе не родиться, поскольку в обоих случаях конечный результат одинаков и поэтому лучше увидеть этот мир и затем умереть, чем его вовсе не видеть.

— Если родишься — непременно мучаешься, а не родишься — муки пройдут стороной...

— Муки исчезают. Наши страдания завершаются вместе с нами, и в результате ничего уже не остается.

— Если исчезают муки, исчезает и та сладость, — ты не говоришь, но подразумеваешь это, — ради которой стоит прийти в этот мир и потом умереть.

— Для того чтобы жизнь была оправданной, несмотря на то, что смерть проистекает из нее, человеку следует переродиться, а для этого должно решительно изменить принципы воспитания.

— Как это?

— В первую голову, должно быть уничтожено равнодушие и невнимание, поскольку они причиняют столько зла, сколько не причиняет даже жестокость. Все люди должны стать чрезвычайно добрыми друг к другу. Нужно искоренить зависть. Это породит дар всеобщей любви и терпения. Все должны задаться одной целью, все должны убедиться в том, что это и есть главное, и тогда сгинет честолюбие и воцарится полнейшая справедливость. Затем, когда человечество придет к этому этапу, оно ни в коем разе не должно ставить перед собой самоцель познать самого себя. В этом возникнет необходимость единственно при достижении цели, а целью должна стать утрата страха перед смертью. И вот, когда человек переродится так, что утратит страх перед болью и смертью, тогда уже жизнь не будет химерой, как вы изволили выразиться.

— Хорошо, коли так!

— Так должно быть, к этому идет человечество!

— Коли так будет, трудно желать лучшего! Хотя нам-то что?

საქართველოს
ლიტერატურის
სამეცნიერო ცენტრი

— Дело не в нас, батоно Соломон, дело в идее!

— Вот ты, который верит в эту идею, боишься ли ты смерти?

— Конечно, боюсь. Мне многое нужно сделать, и я хочу успеть.

— Благослови тебя бог! Я думаю о том, что вот это «успеть» останется навсегда. Всегда будет хотеться что-то «успеть», а времени не хватит.

— Сейчас это так. Потом будет иначе.

— Не знаю, батоно, не знаю... дай-то бог.

Мы замолчали. Потом тихо вышли из сада. Соломон закрывал калитку, я стоял возле. Потом мы поднялись на веранду. Когда мы вошли в комнату, Иринэ спросила меня слабым голосом:

— Понравились персики?

— Очень...

— Ему больше понравились груши, — сказал Соломон.

— Соломон, принеси водку и угости ребенка, к фруктам полагается...

Соломон вышел в другую комнату за водкой, я сел на стул у постели Иринэ.

— Вы не скучали, тетушка Иринэ?

— Нет, сынок, отчего?..

Соломон принес графинчик с водкой и поставил его на стол. В вазе лежали собранные накануне яблоки. Соломон взял тарелку с ножом и поставил передо мной на угол стола, другую взял себе. Затем он наполнил рюмки и сказал:

— Давай-ка выпьем по одной!

Сам же принялся очищать яблоко.

— Ты не пей, Соломон! — попросила Иринэ.

— Что мне станется от одной рюмки?

Я поднял рюмку и сказал:

— Будьте здоровы, тетушка Иринэ, выздоравливайте поскорее...

Иринэ улыбалась и кивала мне головой, словно в одобрение малому ребенку, читающему на память стихи. Я выпил водку и понял, что мои слова и желания не имели никакой силы. Как воздушная волна, откуда-то незаметно шло завершение, и нельзя было его отсрочить. Даже если бы это было возможно, то не имело бы смыс-

ла: для чего отодвигать, для чего прятаться от неотвратимой судьбы, которая для того и существует, чтобы исполнять свой долг.

* * *

Было уже поздно, когда я ушел от них. Я ехал на велосипеде и испытывал странное чувство. Мне было радостно, что эти старики живут на этом свете, и было больно оттого, что скоро их не станет. Я ехал все дальше и дальше, удаляясь от любимых мною стариков во времени и пространстве, если в данном случае два этих слова выражают разные понятия. Пройдет время, они угаснут, не будет их дома, который я так любил, они уйдут еще дальше от меня, совсем далеко — в забвение. Этого я не хотел.

Что такое даль? В конце концов что такое даль, если не условное понятие в этом непреодолимом и неизмеримом мире?! Даль не существует сама по себе, и все мы нераздельны, все мы идем куда-то. Куда же мы идем? Никто не знает, куда мы идем и откуда. В вечном и сложнейшем движении мироздания туманен наш путь. Прошлое и будущее — понятия условные и фактически являют собой бесконечное единство. Человек — часть этого бесконечного единства, и никто не знает, какое место он занимает в мире; какова цена его боли. Истинна только та минута, которой ты живешь сейчас! Я ехал на велосипеде по неоглядному полю, видел зеленые леса, далекие синие горы, подсвеченное красным небо; я ехал к дому и радовался жизни, я совершенно не задумывался над тем, что будет потом, что будет за всем этим. Я размышлял о том, что, хотя из моей жизни и ушло много приятного и дорогого, но в будущем меня ожидало столько хорошего и интересного, что жить на свете стоит. Я был молод и здоров. Я был доволен данной минутой, той минутой, которой я жил в настоящий момент, и мне наивно мнилось, что будущее ничего, кроме доброго, не сулит мне.

Перевод Эммы ПИВОВАРОВОЙ

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ПЬЕСА В ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ,
ЧЕТЫРЕХ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗИЗИ
НИНА
ЛЕО
МУРМАН
ГОСТЬ

Действие происходит в 50-е годы, в провинциальном городке; между первым и вторым действием проходит несколько дней, между вторым и третьим — день.

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА I

Сцена представляет собой просторную комнату с одностворчатой дверью в стене, находящейся против зала. Дверь расположена ближе к левому углу. В правой стене — два окна, освещающие комнату серым светом дождливого дня. Стены, когда-то крашенные в розовый цвет, исцарапанные, в пятнах и разводах, протекающий потолок, капли падают в подставленный мятый таз. С поднятием занавеса капли падают все реже и реже, очевидно дождь кончается. Через всю комнату тянется веревка с сушащимся бельем; она привязана одним концом к вешалке у двери, другим к комоду, который служит также и буфетом. За этим большим облупленным комодом часть комнаты справа образует уют-

ный уголок, где стоит кушетка Зизи, шкаф с книгами. С другой стороны к комоду примыкает двуспальная кровать; таким образом, он как бы делит комнату на две неравные части. Постель не убрана. На простом столе, в центре комнаты — забытые с утра остатки завтрака, гора немытой посуды. Казенного типа стулья, среди которых нет и двух одинаковых, керосинка с закоптелым чайником, пыльные жалюзи на мутных окнах, грязный паркет пола, одежда, разбросанная по стульям, захватанное зеркало над туалетным столиком, заваленным склянками и коробками, все это дополняет общее впечатление запустения и какого-то нежилого холода, которым веет от этой комнаты, хотя чувствуется сразу, что здесь живут несколько человек. На зеркале, на стенах — несколько фотографий: Нина в костюме какой-то опереточной львицы, с белыми страусовыми перьями на шляпе, с сильно подведенными глазами и крошечным темным ртом — очевидно, фотография снята давно. Тут же и фотография ее мужа — крупный план, красивая кудрявая голова, лицо гладкое, холеное, молодое.

На кушетке Зизи спит мужчина в белой рубашке, укрытый пледом. Это Мурман. Его лицо, с длинным заостренным носом и изогнутыми губами, длинными морщинистыми веками кажется сейчас мертвенно-спокойным, но все же чувствуется, что это очень подвижное лицо. Ботинки он снял и положил их на радиатор. Его чемодан стоит тут же, у изголовья, накрытый его пиджаком.

Некоторое время на сцене тихо, никого. Затем в прихожей хлопает дверь, слышатся раздраженные голоса, мужской и женский. Входит Нина со словами: «Не могла же я его выгнать!» Последние слова она произносит уже понижая голос и с опаской заглядывает за комод, где спит Мурман. Он продолжает спать в течение всего разговора Нины с Лео, который тут же появляется на пороге вслед за Ниной.

ЛЕО (Он в крайнем раздражении, но все же не решается повышать голос) — **Выгнать? Его? Нет, нет. Это я должен уйти.**
Шлюха.

НИНА — **Замолчи!**

ЛЕО. — **Шлюха.** (Он берет со стола кусок колбасы и нюхает его, потом отправляет в рот).

Нина пожимает плечами. Она надевает фартук, зажигает керосинку, роется в шкафу. Лео с ненавистью следит за ней.

ЛЕО — **Ну конечно. Не стоит внимания. Я же сумасшедший.**
Поговорю и успокоюсь.

НИНА (В ее голосе — первая истеричная нотка). — **Успокойся. Он сейчас уйдет.**

ЛЕО — Неужели уйдет? Какая жалость! А я-то думал, он по-
живет у нас немножко, погостит...

НИНА — У такого гостеприимного хозяина!..

ЛЕО — У такой гостеприимной шлюхи.

НИНА (Срывая с себя фартук) — Болван!

ЛЕО (Хватает ее за руку) — Ну постой, постой!

Нина тщетно пытается вырваться. Эта отчаянная борьба приводит, наконец, Лео в хорошее настроение, и когда Нина начинает плакать, он уже посмеивается и отпускает ее. Она садится на стул, утирая злые слезы.

ЛЕО — Отчего же мы плачем?

НИНА — Вот выброшусь из окна...

Лео уже смеется. Он роется в остатках завтрака, находит кусочек рыбы, нюхает его с подозрением и отбрасывает.

ЛЕО — Вечно у нас какая-то гниль. И вообще, что это за мусор на столе? А это что за тряпки... (Сдергивает с веревки полотенца. Нина бросается подбирать их, бормоча что-то с возмущением).

ЛЕО — Что подумает наш гость? Что он подумает? Что это за свинарник?

НИНА — Ты не замолчишь?

ЛЕО (Он садится и принимает вид человека, который решил приступить к выяснению дела). — А почему это я должен замолчать? Почему?

НИНА (Вполголоса) — О господи, господи!

ЛЕО — Почему бы тебе не сказать вместо этого — да, я думаю этим местом (хлопает себя пониже спины), а не мозгами, я дура и...

НИНА — И шлюха, не забудь.

ЛЕО — И шлюха, конечно. Кто это сделал бы, кроме шлюхи? Как на тебя посмотрели, ты хотя бы это видела? (Очевидно, копируя ее). «По-моему, эту роль никто не должен играть, кроме Мурмана». Ты видела, как Котэ на тебя посмотрел?

НИНА — Никак он на меня не посмотрел.

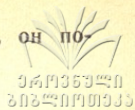
ЛЕО — Все потом мне говорили по очереди: Лео, как ты мог это допустить? Почему ты молчал? Ведь это твоя роль!

НИНА — Тебе ее не давали.

ЛЕО — Все знали, что я буду ее играть! Все. Кроме тебя. (Продолжает ее копировать). «Конечно, Мурман создан для этой роли. Я видела его в этой роли».

НИНА — Но это правда, я видела его, и он играл ее прекрасно.

ЛЕО — А я, по-твоему, так не смогу, конечно. Куда мне!

НИНА — Ну почему так... У тебя есть свои роли..

ЛЕО — Это гастрольный козырь, дура! (Смеется, качает головой) Ну, судьба... Всякая погань должна меня обскакать!

НИНА (В смятении) — Тише!

ЛЕО — Ничего, ничего. Пора ему проснуться. Разоспался. Ловкая бесгия! Все успел. Устроился. И в театре, и с жильем. Ловкач!

НИНА — Ты ведь его совсем не знаешь.

ЛЕО — Зато ты его знаешь. Ну, ладно. Переживем и это... Вот уеду на съемки, будет вам раздолье. Осчастливорю вас всех. (Нина молча убирает со стола, ставит чистые тарелки).

ЛЕО — А где Зизи?

НИНА — Это я у тебя должна спросить. Вы вместе уезжали.

ЛЕО — Она еще не вернулась, значит. (Пауза). Ну что ж. Загуляла девочка.

НИНА — Сегодня вечером она, кажется, занята в массовке, в последнем действии. Наверное, приедет семичасовым.

ЛЕО — А поесть ничего нет?

НИНА — Вот все на столе.

ЛЕО — И вина нет? Как же так? У нас ведь гость. (Нина устало отмахивается). Надо вина купить. (Подмигивает Нине). Он небось думает, что я ему завидовать начну? Да я плевал на него. Да, я на него плевал! Понятно? Я даже выпью за его здоровье. Не будь я Лео Ванэли. Я выпью... и скажу ему: приятель, мы таких видывали, и еще увидим, и все это... (свистит) пройдет и пропадет, а Лео Ванэли останется... Хотя и хочется иногда поддать такому под зад, и некоторым дурам тоже (хлопает проходящую в это время мимо него жену ниже спины и смеется), хочется, хочется всыпать, все это заслужено... Но так и быть, мы хорошие. Иди, разбуди его. Мне хочется его видеть. (Нина смотрит на него недоверчиво). Мне хочется его видеть. Мне интересно в конце концов, кто будет играть мою роль. Кто он такой. А может, он и в самом деле великий артист? Тогда я поклонюсь ему... Я встану перед ним на колени... Я поцелую ему руку. Искусство! Искусство выше всего. Превыше всего. Даже порядочности. Да, да.

НИНА — Что ты о нем знаешь?

ЛЕО — Мне еще предстоит узнать его. Я весь дрожу. Дай мне руку. Видишь, я весь дрожу. Шутка ли! Великий артист почтил наш скромный уголок своим присутствием. Почтил меня... и мою супругу...

НИНА — Не паясничай, Лео.

В прихожей хлопает дверь.

ЛЕО — А вот и крошка Зизи.

Появляется Зизи. Она намного младше сестры, ей около двадцати пяти лет. Сестры похожи друг на друга, это один тип внешности, угадываемый с первого же взгляда, но в чертах Зизи больше остроты, жесткости, она более угловата, не так изящна, как Нина, которая, несмотря на неряшливый вид, все же довольно привлекательна, ее можно назвать хорошенькой женщиной. Обеих сестер отличает некоторая вялость и пассивность, однако у Зизи это скорее какая-то заторможенность, сквозь которую угадывается натура пылкая, нервная, безмерно тщеславная и, возможно, глубокая, тогда как Нина за своей вялостью не таит никакого характера, кроме истеричности.

Зизи появляется на пороге с маленьким саквояжем, в промокших туфлях, которые она не снимает, и, войдя, оставляет за собой грязные следы.

ЗИЗИ — Добрый вечер. Все в сборе?

ЛЕО — Все в сборе, даже с излишком.

ЗИЗИ (Не слушая его) — Вина бы... Продрогла насквозь. (Лео).
Как там твои съемки?

ЛЕО — На следующей неделе начнутся пробы.

ЗИЗИ — Ты сегодня утром вернулся?

ЛЕО — Ага. А Нина мне сюрприз преподнесла.

ЗИЗИ (Заглядывает в буфет). — Нет ни капли вина. Как назло.

ЛЕО — Вот и сходи за ним. Будет кстати. (Смотрит на Нину).
Та уже приободрилась и смотрит на него с легким укором, как на нашалившего ребенка). Вино будет кстати.

НИНА — Я схожу.

ЗИЗИ — Да нет, не надо. Это я так.

ЛЕО — Пусть идет.

ЗИЗИ — А отчего бы тебе не сходить?

ЛЕО (Весело). — Нет уж! Сами старайтесь для своего гостя.

ЗИЗИ — Что еще за гость?

ЛЕО — Спроси свою сестру. Спроси ее.

НИНА — Мурман приехал. Будет играть у нас.

ЛЕО — Ты все ей скажи. Как ты мне сегодня свинью подложила... Так прямо и заявила на собрании. Я просто ахнул.
Эх ты, дура ты, дура.

Нина выходит.

ЗИЗИ (Холодно) — В чем дело?

ЛЕО — Дура твоя сестра.

ЗИЗИ — Что она сделала?

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ
КАРЕЛИЯ

ЛЕО — Да ну ее.

ЗИЗИ (Нетерпеливо) — Что случилось?

ЛЕО — Вон, загляни, кто спит в твоей постели. (Зизи заходит за комод, смотрит на спящего). Дай-ка и я на него полюбуюсь. (Идет вслед за Зизи). Да он красавец у нас! (Становится рядом с Зизи. Она идет обратно, машинально оправляет волосы, проходя мимо зеркала).

ЛЕО — Ну как? Понравился он тебе? Причешись. Подкрась губы. (Грубо обнимает ее).

ЗИЗИ — Оставь меня!

ЛЕО — Что?

ЗИЗИ — Я говорю, оставь меня в покое. (Он отпускает ее).

ЛЕО — Я вам уже не подхожу?

ЗИЗИ — Перестань.

ЛЕО — Ну ладно. Ладно. Не злись. Только так нехорошо. (Грозит ей пальцем). А как же тогда?

ЗИЗИ — Перестань.

ЛЕО — Тогда я был нужен. А сейчас и плюнуть в мою сторону не хочешь? Нехорошо. Ей-богу.

ЗИЗИ — Хватит.

ЛЕО — Тогда ты совсем по-другому себя вела.

ЗИЗИ — Я много выпила.

ЛЕО — Неправда. (Подходит к ней). А как ты повеселилась в столице? Весело было? Небось, и не вспомнила... Так?

ЗИЗИ — Оставь меня.

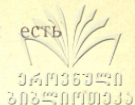
ЛЕО (Кротко) — Хорошо. Когда меня не хотят, я не навязываюсь. (Со значением). Я не люблю навязываться. Я даже вообще уйду. Так-то, девочка. Бросаешь меня на помойку? Зря... Я еще мог бы пригодиться. Я ведь еще многое могу. Учти это. (Идет к двери).

ЗИЗИ — Ты уходишь?

ЛЕО — Учти это, девочка. Я еще многое могу. Ах, шлюхи вы, шлюхи. (Уходит, хлопнув напоследок дверью. Положительно, это неудачный день у Лео).

Зизи остается одна. Мурман, проснувшись, наконец, от шума, смотрит в потолок с безмятежным выражением лица. Зизи закуривает, идет к окну, чтобы приоткрыть форточку, и видит проснувшегося Мурмана, который несколько смущен при виде незнакомой молодой особы, притом она нравится ему с первого же взгляда — Зизи не красива, но она в его вкусе, она умеет выгод-

но подчеркнуть «свой стиль» — девочки-девушки, и в ней есть обаяние пылкого эгоцентричного характера.

МУРМАН — Здравствуйте.

Зизи смущена не меньше его, что придает ей в его глазах очарование провинциалочки. Впрочем, как кажется, эта неловкость с обеих сторон чуть нарочитая...

ЗИЗИ (Чуть игриво) — Добрый вечер.

МУРМАН — Извините меня, пожалуйста.

ЗИЗИ — О, пожалуйста, пожалуйста.

Она отходит от окна, исчезая из поля его зрения. Он спускает ноги с кушетки, торопливо и ловко обувается, поглядывая, нет ли где любопытствующих глаз. Зизи в это время смотрится в зеркало.

МУРМАН — А я догадываюсь, кто вы.

ЗИЗИ — В самом деле?

МУРМАН — Вы сестра Нины... Я помню вас совсем крошкой.

ЗИЗИ — Я тоже вас помню.

МУРМАН (Появляясь из-за комода) — Неужели помните?

ЗИЗИ — Мне было десять лет, когда вы с Ниной учились вместе.

МУРМАН — О, ну тогда конечно. Это возраст.

ЗИЗИ — Говорят, вы будете играть у нас?

МУРМАН — Да... Хочу попробовать.

ЗИЗИ (Догадывается) — В «Учителе танцев»?

МУРМАН — Да. Наверное.

ЗИЗИ — Я помню вас... Десять лет назад вы играли в этой пьесе.

Вы мне тогда очень понравились.

МУРМАН (Польщен) — Я был молодцом тогда... Не то, что сейчас.

ЗИЗИ (Дружелюбно) — Ну что вы...

МУРМАН — Нина даже не узнала меня, когда я сегодня явился.

ЗИЗИ — Наверное, это была неожиданность для нее.

МУРМАН — Еще бы. Целую вечность не виделись. Впрочем, неделю назад я написал ей письмо... Вы его получили?

ЗИЗИ — Да. Но нам как-то не верилось...

МУРМАН — Я даже еще в театр не заходил. Устал ужасно с дороги, поезд переполнен, воскресенье... Решил отоспаться у вас... Нина меня уложила... Она еще не вернулась?

ЗИЗИ — Она скоро придет.

МУРМАН — Я даже не успел расспросить ее... Как ваши дела, как вы живете. Значит, работаете вместе, в одном театре? (Зизи кивает головой).

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՄԱՐԿԱԿՆԵՐԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱՆԻ

МУРМАН — Нина, наверное, замужем?

ЗИЗИ — Да...

МУРМАН — За актером? (Зизи снова кивает. Мурман накрывает стол. Пауза).

ЗИЗИ — А где вы будете жить?

МУРМАН — Наверное, в гостинице. А может быть, комнатку себе сниму. Ужасная у вас здесь гостиница. К тому же администратор глухой. Мрачнейшая фигура. Все тот же, что и раньше. Я его сразу узнал. Я когда-то жил у него в гостинице. Пригласил я его однажды на спектакль...

В прихожей хлопает дверь.

ЗИЗИ — Нина пришла.

Мурман с появлением Нины чувствует себя свободней, он почти фамильярен. Нине это по душе. Она из тех женщин, которые с удовольствием осознают свою глупость перед женщиной. Ее увядшая уже красота не мешает ей чувствовать себя «ребенком» при грубом ухаживании. Зизи снисходительно констатирует это, с Ниной нельзя иначе.

МУРМАН (Расставив руки, ловит вошедшую в объятия) — А вот и наша Ниночка! Вот и наша цыпочка!

НИНА — Проснулся? Разбудили мы тебя своим шумом?

МУРМАН — Я прекрасно выспался. У тебя чудесная сестренка.

НИНА — Уже познакомились?

МУРМАН — Мы давно с ней знакомы. Можно сказать, старые друзья.

НИНА — Ах да, верно! (Ставит хозяйственную сумку на стол).

МУРМАН — Ты за вином ходила? Зачем? Смешная моя.

НИНА — Ну как же. Надо выпить за встречу.

МУРМАН (Помогая ей разгружать сумку) — Ну-ну... Вообще-то полагалось мне за вином сходить.

НИНА (Зизи, негромко) — А Лео что? Ушел?

ЗИЗИ (Пожимая плечами) — Ушел.

НИНА — Поссорились?

ЗИЗИ — Я с ним не ссорилась.

НИНА — Ну, бог с ним. Без него спокойней.

МУРМАН — А где твой муж?

НИНА — Пошел по делам.

МУРМАН — Как его зовут? Я его знаю?

НИНА — Да нет, вряд ли... Он здешний.

МУРМАН — Он не с нами учился?

НИНА — Нет, он моложе.

ЗИЗИ (Накрывает на стол) — Его зовут Лео Ванэли.

МУРМАН — Нет. Не знаю... Я ведь давно уже здесь не бывал.

ЗИЗИ — А в России вы тоже играли?

МУРМАН — Да, играл... и много еще другого делал... Десять лет почти прошло. А теперь начинаю все сначала, и снова отсюда. Как в первый раз. Ведь я начинал здесь, в этом театре. (Нине). Веришь ли, когда я сошел сегодня с поезда, такое чувство... словно ничего не изменилось, опять мне двадцать лет, все впереди... Слезы подступили.

НИНА (Растроганно) — Понимаю.

ЗИЗИ — Садитесь за стол, будем обедать.

МУРМАН — Да, да. И вспоминать. (Нине). Есть что вспомнить, верно? Нам-то с тобой есть что вспомнить.

Зизи смотрит на них с подозрением. Блаженно-растроганный вид Нины ни о чем ей не говорит. Мурман жадно принимается за еду. Ест он так же ловко и быстро, как и все, что ни делает.

ЗИЗИ (Пододвигая блюдце) — Красная икра. Вы любите?

МУРМАН — Ага. Очень. У вас тут неплохо живется? А?

Нина неопределенно машет рукой.

ЗИЗИ (Протягивает Мурману бутылку) — Пожалуйста.

НИНА — Ох, осторожнее.

Мурман умело открывает шампанское, не пролив ни капли.

ЗИЗИ — Браво.

МУРМАН — Ну как же так, без хозяина? (Разливает вино в бокалы). Неудобно вроде? Он скоро появится?

НИНА — Думаю, нескоро.

ЗИЗИ — А долго вы у нас в театре пробудете?

МУРМАН (Смеясь) — Пока не прогоните.

НИНА (Укоризненно, впрочем не принимая этого всерьез) — Мурман!

МУРМАН — Наверное, и не возьмут меня. Кто знает.

НИНА — Возьмут. Я сегодня говорила уже на собрании. Режиссер в восторге, во всяком случае. Да и все они... ждут тебя не дождутся.

МУРМАН — Какая же ты у меня молодчина. (Целует ее). Ну, давайте выпьем. За нашу дружбу. За старую дружбу и за наши успехи.

ЗИЗИ — А Лео, наверное, оттого такой взбешенный сегодня?

Нина неопределенно машет рукой.

МУРМАН (Допив свой бокал) — Что же ты все-таки им сказала?

НИНА — Ну... Я сказала, что, по-моему, если уж ставить «Учителя танцев», то только с тобой.

МУРМАН — А они что?

НИНА — Они будут счастливы, если ты останешься у нас... Только вот...

МУРМАН (Благодушно) — Ну, ну?

НИНА — Они боятся, что ты сыграешь премьеру и удерешь... Как в первый раз.

МУРМАН — Что ж, они догадливы! (Смеется).

НИНА — Мурман! (Укоризненно). Неужели ты не останешься хотя бы на один сезон?

МУРМАН (Треплет ее по щеке) — Успокойся, детка. На сезон я, конечно, останусь, даже на два... если все будет хорошо.

НИНА — Все будет хорошо, если ты захочешь.

МУРМАН (Чуть рассеянно кивает головой, задумавшись или просто давая себе отдых в минутном оцепенении) — Да-да...

ЗИЗИ — Давайте еще по бокалу. (Наливает ему).

МУРМАН (Встрепенувшись от ее ласкового голоса, берет бокал из ее рук и нежно ей улыбается) — Нам с твоей сестренкой, Нина, надо выпить на брудершафт.

НИНА — Конечно.

МУРМАН (Зизи) — Вы не против?

Зизи приятен интерес Мурмана к ее особе, ее только немного сковывает и раздражает присутствие Нины.

ЗИЗИ — Я не против.

Мурман встает, церемонно поклонившись, чокается с ней, отпивает глоток и смотрит на нее с улыбкой. В отличие от Зизи его совсем не смущает присутствие Нины. Допив свой бокал, Зизи поднимает на него глаза. Пауза.

НИНА — Ну целуйтесь. Я разрешаю.

Зизи корбит эта глупая фраза, и она опускает взгляд, чуть покачивая головой. Мурман воспринимает это как нарочитое смущение и посмеивается.

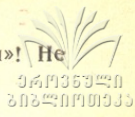
МУРМАН — Ну не надо... Не надо. Не будем смущать девочку. (Нине, разряжая атмосферу). Да я ведь не знаю даже, как ее зовут. Как тебя зовут, малышка?

Зизи не в силах противостоять его ласковости, она улыбается ему в ответ.

НИНА — Ее зовут Зизи. Вообще-то Зейнаб. Но она не любит, когда ее так называют. А я вот люблю это имя. Я сама ее так назвала... Мою сестричку.

ЗИЗИ (Негромко) — Перестань сюсюкать.

Нина в хорошем настроении и не хочет обижаться.

НИНА (Твердо) — «Зизи» — это бессмысленное имя. «Зизи!» Не правда ли, Мурман? Это совершенная бессмыслица. Зизи встает, отходит от стола.

МУРМАН (Нине) — Ну что ты тиранить малышку? (Удерживает Зизи за руку). Ты не слушай ее! Такой уж у нее характер, ей никогда ничего не нравится. (Нина протестующе вскидывает брови). Ну-ну, я тебя знаю... (Обнимает Нину). Я-то тебя знаю. (Зизи). Знаешь, сколько я за ней ухаживал? Сколько вздыхал?

НИНА — Неправда! (Это и в самом деле неправда, но ей приятен этот разговор).

МУРМАН — Все в институте с ума по Ниночке сходили. А она — нос кверху... И не глядит ни на кого. Даже на меня. А я ведь был красивым парнем. Ну как, цыпочка? Было такое? Отвечай!

НИНА (Блаженно хихикая) — Да ну тебя... Пусти.

МУРМАН (Отпуская ее) — А в общем, она у нас золотая. Она у нас золото.

ЗИЗИ — Не выпить ли еще вина?

МУРМАН — Пожалуй. Чертовски вкусное. (Нине). А твоя сестра умница. Да, да. Молчит, молчит, себе на уме. А уж если скажет... Ну скажи, что ты сейчас обо мне думаешь? «Вот старый дурень». Я угадал? «Напился и болтает»!

ЗИЗИ — Что вы.

МУРМАН — Скажи откровенно. Это страшно интересно. Меня очень интересует, какое впечатление я произвожу с первого взгляда... тем более на молодую красивую женщину.

ЗИЗИ — Благодарю вас.

МУРМАН — Это не комплимент. (Смотрит на нее, улыбаясь).

НИНА (Ей немного скучно) — Мурман, что же ты не расскажешь о себе?

МУРМАН (Рассеянно, но бодрым голосом) — Что, милая?

НИНА — Ну... Мы не виделись столько лет...

МУРМАН — Десять лет...

НИНА — Больше. Лет пятнадцать, самое меньшее.

МУРМАН — Да... Ай-ай-ай...

НИНА — Что ты делал эти годы? Что с тобой было?

МУРМАН — Да всякое... (Обнимает ее). Всякое!

НИНА — Сколько лет... Ни слуху ни духу... Исчез.

МУРМАН — Это не совсем так, Ниночка, милая. Ты и слышала обо мне и видела меня в спектаклях... А «исчез» я только в последние три-четыре года.

НИНА — Да, конечно. Но видеть гебя в столичных спектаклях — это одно, а видеть тебя вот так (кивает на стол) совсем другое. Ну, а последние годы мы совсем ничего о тебе не знали, как сквозь землю провалился. Знали только, что уехал то ли в Москву, то ли в Киев.

ЗИЗИ (Негромко Нине) — Что ты пристала, может быть человеку не хочется вспоминать о прошлом.

МУРМАН (Смеясь) — Нет, отчего же не вспомнить. Да только нечего в общем и вспоминать. Одни неудачи.

НИНА — Не верю. Не верю, чтоб у тебя — и одни неудачи.

МУРМАН — Представь себе. Какая-то черная полоса. Даже не черная, а серая.

НИНА (То ли сочувственно, то ли думая о своем) — Да... Серая. Серая полоса.

МУРМАН — Угу. (Маленькая пауза).

НИНА — А вот у нас серая полоса все время. Все время.

МУРМАН (Не слушая) — Но ничего. Мы им покажем! (Обнимает их обеих за плечи). А, девочки? Вот поставим песку и сыграем ее... Ох, как я ее сыграю!

ЗИЗИ (Нине, которая готова всхлипнуть) — Распределение было?

НИНА — Нет. Но Мурман будет играть, конечно. Я уверена.

ЗИЗИ — А женские роли?

МУРМАН — Там две шикарные женские роли, и, кстати, это две сестры. Совпадение, верно?

НИНА — Действительно, ну и совпадение!

ЗИЗИ (Нине) — А ты думаешь, нам с тобой дадут эти роли?

НИНА — А кому же еще?

ЗИЗИ — Тем, кому всегда давали.

НИНА — А теперь нам дадут. (Смотрит на Мурмана). Не век же нам быть в хвосте...

МУРМАН (Рассеянно) — Угу. Две шикарные роли, одна лучше другой.

НИНА — Сегодня вечером спокойно иди в театр, поговори с Назико. Она тебя ждет.

МУРМАН (Несколько оживившись) — Ненавижу ее. Скандальная баба. Всегда ее ненавидел.

НИНА — Ну, она теперь постарела и подобрела. Дрянь, конечно, порядочная. Но уже не то, что прежде. Когда я сказала ей насчет тебя, она только спросила — а надолго ли он к нам?..

МУРМАН — Хитра!

НИНА — А я ей отвечаю — это будет от вас зависеть!

МУРМАН — Ну, не умница она у нас? (Целует ее в лоб).

НИНА — Да, я умница.

МУРМАН — Так что обо всем этом пока молчок. Это все между нами, ладно? (Сестры смотрят на него в недоумении).

МУРМАН — Ну... О том, сколько я здесь собираюсь пробыть, и вообще, ладно? Там видно будет.

НИНА — Ах, если бы ты остался у нас, Мурман!

МУРМАН (Смеясь) — Что, туго вам, бедняжки? А отчего бы вам в столицу не перебраться?

НИНА — Да что ты! Кому мы там нужны.

МУРМАН — Отчего же? Молодые, красивые.

НИНА — Ну, Зизи еще молода, конечно... И я думаю, она здесь не останется... Наверное. Но я... (машет рукой). Все уже кончено. Навсегда.

МУРМАН — Нельзя так думать. (Нина снова отмахивается и опускает голову). В общем, на все божья воля, конечно, но так думать нельзя. Не надо.

НИНА — Ах, Мурман! Если бы ты знал! (Утирает набежавшие слезы).

МУРМАН (Привлекая ее к себе) — Ну что, моя родная? Ничего, ничего. Все образуется. Все еще впереди.

НИНА (Горячо) — Это ведь ужас какой-то! Изю дня в день, одно и то же, одно и то же! (Слезы у нее высохли, и она уж и забыла о них). Все одно и то же! Глупейшие режиссеры, отвратительные партнеры, ужасные костюмы... И в этом, в таком театре тебя еще затирают, сажая тебе на голову бездарных, грязных, неграмотных девок! А публика? Я уж и не говорю об этих... этих... хамах... (Не может подобрать слов и брезгливо фыркает). А эти выездные спектакли в деревни, где никто и смотреть на нас не хочет и за автобусом вечно бегут мальчишки и свистят, и собаки за ними... И в дождь, и в жару... И эти ужасные гастроли с гостиницами — в одной меня чуть не укусил скорпион, можешь себе представить! Не говоря уже о клопах и сырости, и как дорого все это обходится, как ужасно кормят, Зизи, бедная, даже схватила кровавый...

ЗИЗИ — Нина, перестань!

НИНА (Отмахиваясь) — Она пролежала в больнице две недели в прошлом году, когда мы были в Батуми на гастролях, съела какие-то баклажаны с мясом и...

ЗИЗИ (Невольно смеясь) — Нина, хватит об этом!

НИНА — Господи, что тут такого? А со мной что было, помнишь? (Мурману). Этим летом поехали мы с бригадой по Западу. Ну и, как всегда, у меня несварение желудка от

тамошней пищи. Пошла в аптеку, взяла какой-то порошок. Выпила. А вечером выездной спектакль. До поселка было не больше часа езды, но мы добирались, наверное, часа три-четыре... Каждые десять минут приходилось останавливать автобус... Искать укромное место... (Давится смехом. Зизи и Мурман тоже смеются). Но самое ужасное, во время спектакля... Ну, это уж я не буду рассказывать...

МУРМАН — Не надо.

ЗИЗИ — Понятно и так.

МУРМАН (Все еще смеясь) — Вот видишь, есть что вспомнить.

НИНА — Чувство юмора, конечно, выручает. Но ты сам увидишь, что это за кошмар.

МУРМАН — Будто я не знаю этот театр.

НИНА — Ну, в твоё время он был МХАТом по сравнению с теперешним положением. Вот приходи сегодня на спектакль.

МУРМАН — Вы играете сегодня?

НИНА — Нет. Но ты приходи. Посмотри на наших премьерш.

МУРМАН — А что за вещь?

НИНА — «Фигаро».

МУРМАН — Чья постановка?

НИНА — Был тут один. Дипломант. (Крутит пальцем у лба). Сумасшедший.

МУРМАН — Ну что ж, посмотрим.

НИНА — Посмотри, посмотри. Есть на что посмотреть. На нашего косоглазого героя-любовника. Лео должен был играть его роль, но его вызвали тогда на пробные съемки, и все полетело.

МУРМАН — Лео — твой муж? (Нина кивает). Ну что ж, в кино сниматься тоже неплохо...

НИНА — Да не берут его! Только зовут на пробы.. И все. Там ведь тоже своих не обидят. Вот и сейчас, ездит туда-сюда...

МУРМАН — А он способный актер?

НИНА (Убежденно) — Способный. Очень. (Пауза). Только характер у него... такой...

МУРМАН — Какой же?

НИНА — Он много пьет... Ну, конечно, не от хорошей жизни... Но он настоящий тиран. Характер такой. Деспот.

ЗИЗИ — Ты преувеличиваешь.

МУРМАН — Ну что ж, характер мужской. Женщины это любят обычно.

НИНА — О да. Женщины его любят.

Пауза.

МУРМАН (Зизи) — А ты что опять приуныла, малышка? (Нине).

Она всегда такая молчаливая?

НИНА (Любовно похлопывая Зизи по колену) — Она у меня такая.

МУРМАН — Любите вы друг друга, верно?

НИНА — Мы с Лео? (Пожимает плечами).

МУРМАН (Он имел в виду сестер, но не имеет ничего против такого оборота разговора). — Гм... Да. У вас хорошие отношения?

НИНА — Как сказать... Очень у него тяжелый нрав...

МУРМАН (Оборачиваясь к фотографии на стене) — Это он? Красивое лицо. Чувственное. Много чувственности. (Рассматривает фотографии, подойдя к ним поближе).

НИНА — Это в нем есть.

МУРМАН — Это немаловажно, поверь мне. Не правда ли, Зизи?

ЗИЗИ (Немного теряясь) — Что?

МУРМАН — Это немаловажно.

ЗИЗИ — Что вы имеете в виду?

МУРМАН — Нет, мне это совсем не нравится: «Что вы имеете...» Б-р-р! Какой холод! Какая суровость! И вообще, брудершафт так брудершафт. Я не собираюсь терять этот законный поцелуй. (Подходит к Зизи и целует ее в губы, потом оборачивается к Нине. Та грозит ему пальцем).

МУРМАН — Это отеческий поцелуй. (Зизи). Скажи мне — «ты».

ЗИЗИ (Безучастно) — Ты.

МУРМАН (Не выпуская ее из объятий) — Какова? Лед! А за ним целая Этна. Я знаю этот тип. Хотел бы я быть моложе, эдак, лет на...

В прихожей раздается грохот. Сначала хлопает дверь, затем валится вешалка, катится ведро и т. п. Слышатся негромкие и незлые проклятия, какое-то бормотание. Через секунду настежь распахивается дверь и появляется Лео, сильно навеселе, но с видом, полным достоинства. По полу он волочит упавшие с вешалки пальто. Рядом с ним стоит, покачиваясь, вдребезги пьяный, очень тщедушный низенький мужчина, рыжеусый, со смертельно бледным лицом и покрасневшими глазами. На нем черный дождевик, запачканный грязью, и ноги по колено в грязи; Лео, очевидно, падал не так часто, его одежда почти в полном порядке. Рядом с худеньким приятелем он выглядит особенно рослым, упитанным, сильным. Чуть грузная мужественность облика Лео подчеркивает, с другой стороны, и поджарую стройность, характерные острые черты лица Мурмана. При появлении новоприбывших Мурман снимает руки с плеч Зизи, но не двигается с места. Лео, присло-

нясь к косяку, с интересом наблюдает. Оживление еще не сошло с лиц женщин и Мурмана. Нина пытается разрядить напряжение.

НИНА — Где ты был, Лео? А мы тебя ждали, ждали.

ЛЕО — Неужели?

НИНА (Замечая пальто, волочащиеся по полу) — Ох, господи... (Бросается к Лео, он лениво позволяет ей забрать их у него).

НИНА — Ну, что вы стоите? Заходите в комнату. Сними ботинки. (Лео не двигается с места).

НИНА (Мурману) — Вот так... Видишь?

ЛЕО — Ах, ах.

МУРМАН (Идет за своим чемоданом) — Я пойду, Нина. Очень было приятно повидаться... Надо идти в гостиницу... Еще забудут там про меня.

НИНА (Лео) — Ну, что с тобой?

ЛЕО — Так, смотрю. Чего же ты не знакомишь нас?

НИНА (Беспомощно, Мурману) — Познакомься... Это мой муж.

МУРМАН — Очень приятно.

ЛЕО — И мне очень приятно. (Жмет ему руку). Моя жена столько о вас рассказывала... Я надеюсь, что мы с вами видимся не в последний раз?

Мурман умеет себя держать в подобной ситуации. Он в меру приветлив, сдержан, неулыбчив. Лео, впрочем, несколько подался от испуганного вида женщины и сознания собственного превосходства.

МУРМАН — Я думаю, что не в последний. Вы извините меня (Нине), но я должен все же навеститься в гостиницу... Огромное спасибо за гостеприимство, до свидания.

НИНА — Ну как же так... (Она в отчаянии оттого, что вечер так неудачно кончается, и ей не приходит в голову, что лучше, что она может сейчас сделать для Мурмана, это дать ему уйти). Как же так! Какой стыд!

Спутник Лео, мирно качавшийся до этого момента на пороге, внезапно вступает в разговор.

СПУТНИК ЛЕО — Нет, Ниночка... Это ты напрасно... Напрасно... Я очень тебя уважаю... Я очень... очень... Но позволь... Это дело чести... (Эта небольшая вспышка оказалась губительной для его сознания, и он рухнул к ногам оцепеневшей Нины и остался неподвижен).

НИНА — Боже мой! (Пытается повернуть его голову и заглянуть в лицо; потом отшатывается и невольно зажимает себе нос).

ЛЕО — Не тронь парня. Он должен выспаться.

Мурман уходит. Его уход замечает только Зизи, она прово-
жает его взглядом.

ЛЕО — Достаньте ему маленькую подушку. Самую маленькую.
НИНА — Кто это такой?

ЛЕО — Это мой гость. (Входит в комнату, отодвигая концом ботинка ноги своего гостя, мешающие закрыть дверь).

НИНА (Без сил опускается на стул) — Ну, ладно. Вот как. Ну, хорошо.

ЛЕО — Мой гость и на полу поспит. Он не гордый. А где же наш великий актер? Сбежал? Фьюить! Ну ничего. Нам и без него хорошо.

НИНА (Негромко) — Ах, свинья.

ЛЕО — Ну, договорились вы? Кто первая будет с ним спать?

НИНА (Так же) — Свинья, свинья.

ЛЕО — Эй, шлюхи! Ну как, договорились, кто первая?

ЗИЗИ — Заткнись!

ЛЕО — Ты... ты, птичка... (Подходит к ней). Ты помолчи.. смотри, какой я большой.. Раз щелкну пальцем, и нет тебя. (Берет ее за руку, Зизи вскрикивает от боли).

НИНА — Не тронь ее! (Бросается к Лео; вся ее материнская любовь к младшей — в этом почти героическом порыве: у пьяного Лео рука тяжелая, но это не удерживает ее. Лео со смехом борется с ней. Повторяется та же сцена, что и в начале действия. Нина плачет, на этот раз навзрыд).

ЗИЗИ (Вне себя) — Это ужас! Ужас!

ЛЕО (Его испугали бурные слезы) — Ну, не хнычь... не хнычь, фу... (Отпускает Нину).

ЗИЗИ — Мерзость!

Зизи уводит Нину в свой уголок, обнимает ее, успокаивает... Уже давно наступил вечер. В комнате почти темно. Лео развалился на кровати, не снимая ботинок. Его «гость», перед тем как опустится занавес, несколько раз вздрагивает во сне и бормочет: «Нет, нет... Это дело чести. Да, чести...»

Все затихает.

ДЕЙСТВИЕ II

КАРТИНА II

Та же комната, что и в первом действии. Она выглядит теперь уютней и чище. Исчезла веревка с бельем. За окнами — чудесный осенний вечер, заходит солнце, и комната освещена красноватым цветом заката, чуть тревожным, чуть печальным. В клубах света розоватые обшарпанные стены теряют свой унылый вид.

С поднятием занавеса становится слышнее сильное итальянское сопрано, поющее *Miserere* из «Трубадура». Это Зизи слушает музыку. Пластинка заезжена, да и проигрыватель не в лучшем состоянии. Зизи сидит на своей кушетке, поджав ноги. На этот раз она выглядит гораздо привлекательней, чем в первом действии, — на ней длинный темный халат, перетянутый по талии широким кушаком, волосы забраны назад и небрежно сколоты.

Входит Нина. Она, наверное, только что умылась, чтоб освежиться после послеобеденного сна. В руках ее — полотенце, и она вытирает лицо и шею, бросает полотенце на первый попавшийся стул, оправляет платье, затем начинает наскоро причесываться. Сопрано в это время делает несколько пронзительных фиоритур.

НИНА — Ох, ради бога, Зизи. Мне три часа трястись в автобусе. (Зизи беспрекословно снимает пластинку, потом вздыхает с подчеркнутым отчаянием).

НИНА — Я же не говорила — выключи. Просто сделай звук потише.

ЗИЗИ (Появляясь из-за комода) — Да нет уж. Я не выношу, когда тихо... Или во всю мощь, или никак. Все это должно греметь.

НИНА — Ну и нервы же у тебя. Счастливая! (Смотрит на часы). Господи! Уже шестой час.

ЗИЗИ — Ничего, ничего. Не опоздаешь. Когда выезд?

НИНА — В половине седьмого. А там надо быть уже к шести. А то набьется полный автобус... Сегодня грузовика не будет, декораций мало, и все едут автобусом. Ты думаешь, кто-нибудь уступит место? Кой черт.

ЗИЗИ (Хлопчет у стола) — Сейчас, выпьешь кофе и побежишь... Ничего страшного. К тому же наши часы спешат, как всегда. У тебя еще целый час впереди. (Они садятся за стол). Да, а как ты там объяснишь насчет Лео?

НИНА — Они же знают, что он на пробных съемках.

ЗИЗИ — Но он ведь должен был сегодня вернуться... Он ведь занят в спектакле.

НИНА — Еще чего! Возвращаться из-за такой ерундовой роли? Да эти два слова может сказать любой рабочий сцены. Любой.

ЗИЗИ — А действительно, кто вместо него поедет?

НИНА — Найдут кого-нибудь. Так им и надо. Будут больше ценить. Он мне так и сказал — «Пусть обходятся без меня, пока я все не выясню, не приеду». Терять из-за такой ерунды роль в кино! Да что ты, бог с тобой.

ЗИЗИ — Не возьмут его в кино.

- НИНА — Погоди каркать. Может и возьмут. (Они пьют кофе и болтают. Чувствуется, что это обычная болтовня сестер).
- ЗИЗИ — Не возьмут. А впрочем, может и возьмут.
- НИНА — Отчего же нет? Он фотогеничен.
- ЗИЗИ — Это не решает дела.
- НИНА — И он способный актер.
- ЗИЗИ — По-моему, он кретин.
- НИНА — Вот если бы он не пил... Ты не знаешь, какой он был, пока не начал пить.
- ЗИЗИ — И шляться по девкам (смеется).
- НИНА — Что поделаешь... Они виснут у него на шее. Мужчина — это мужчина.
- ЗИЗИ (В тон ей) — Скотина — это скотина.
- НИНА — Отчего ты его терпеть не можешь? Он к тебе, кстати, великолепно относится. Он тебя любит. Да, да. И, кстати, это очень поднимает его в моих глазах. (Зизи смеется). Он же к тебе, как к родной.
- ЗИЗИ — Да ну его.
- НИНА — Нет, нет, ты несправедлива. Положим, у него есть свои недостатки, но у кого их нет? И в общем, он все же не лишен...
- ЗИЗИ — Ну что ты мне доказываешь? Что ты оправдываешься? Нравится тебе спать с ним, ну и на здоровье. Ничего такого в этом нет, я считаю.
- НИНА — Но ты считаешь его кретином.
- ЗИЗИ — Мягко говоря.
- НИНА (Игриво) — Что поделаешь! Вот влюбишься в кого-нибудь, тогда поймешь... Любовь зла.
- ЗИЗИ (Меняя тему) — Так все же, кто будет играть в «Учителе танцев»?
- НИНА — Ну как же, Мурман будет играть. Все уже решено. Он уже на коне. Вертит там как хочет. Какой он все-таки молодец! Так и брызжет энергия... Всех уже заморозил. Всегда был такой. Я всегда ему удивлялась.
- ЗИЗИ — А другие роли?
- НИНА — Какие?
- ЗИЗИ — Ну, женские.
- НИНА — Я еще точно не знаю. Официально будет завтра объявлено на худсовете. Думаю, что нас с тобой не обойти. Такие роли — две сестры, две красавицы, изящные, грациозные... (Щекочет Зизи, обнимает ее, та со смехом отбивается). Так что нам с тобой обеспечен великолепный сезон. Господи! Как свежий воздух... Это будет так чудесно... А

потом съездим в столицу с выездным. Мурман уж это устроит. Сыграем там... И кто знает... Кто знает...
ЗИЗИ — Это будет чудесно. (Улыбается своей сестре, лицо которой разгорелось от радостного волнения). И тогда мы уедем отсюда...

НИНА — Навсегда!

ЗИЗИ — Оставим всех. Всех этих скотов.

НИНА — Оставим. Да, да. (Вздыхает) Мечты, мечты.

ЗИЗИ — Несбыточные мечты, ты хочешь сказать?

НИНА — Для меня — да!

ЗИЗИ — А для меня?

НИНА (Ласково) — Не знаю.

ЗИЗИ — Спасибо и на том. Значит, у меня еще есть надежда?

НИНА (Так же) — Ты молода... (Она встает, надевает пальто, берет чемоданчик с гримом).

ЗИЗИ (Полушутя) — Тогда я стану великой актрисой... Непременно, и как можно скорее! И возьму тебя с собой.

НИНА — Непременно.

ЗИЗИ — Ты уедешь со мной?

НИНА — Ну ладно. Хватит фантазировать. Я опоздала. (Роется на туалетном столе). Где же пудреница? О, черт!..

ЗИЗИ — Да вот она.

НИНА — А ты будешь все дома сидеть? Погуляй немножко на воздухе. Ты вся зеленая. Глаза ввалились.

ЗИЗИ (Ласково-снижительно) — Пошла, пошла. (Подталкивает ее легонько).

НИНА — Горе мне с тобой. Ну, сходи куда-нибудь.

ЗИЗИ — А если твой муж приедет? У него ведь нет ключей.

НИНА — Не приедет он сегодня, говорю тебе.

ЗИЗИ — Ты уверена?

НИНА — Уверена.

ЗИЗИ — Ну, хорошо.

Нина выходит. Зизи, оставшись одна, блаженно потягивается, бросается ничком на постель, потом вскакивает и включает проигрыватель, ставит пластинку, закуривает. Стук в дверь.

ЗИЗИ (Негромко) — Проклятье. Ни минуты покоя. (Громко). Да, да. Входите. (Снимает иглу с пластинки, заставляя сопрано захлебнуться снова. Дверь медленно открывается. На пороге Мурман. В руке у него цветок).

МУРМАН — Добрый вечер. Я к вам в гости.

ЗИЗИ (Судорожно проводит рукой по волосам, косится в зеркало) — Это вы?

МУРМАН — Я некстати?

ЗИЗИ — Пожалуйста, входите.

МУРМАН — Я войду. (Входит). А вы чем-то напуганы? Разве вы меня не ждали? Мы ведь вчера договорились, что я зайду к вам в гости. Или мне показалось?

ЗИЗИ — Да, да... Но я думала, вы зайдете позже, вечером, и я (оправляясь от смущения) действительно не ожидала. Мы ведь условились на вечер.

МУРМАН (Садится) — Ну, а я не выдержал до вечера.. Не знаю, почему, но меня что-то несло сюда... Я не мог этому противиться. Надеюсь, вы не сердитесь? (Он подчеркивает это «вы» с самого своего появления; последнее «вы» Зизи сопровождает принужденным смехом).

МУРМАН — Не выпить ли нам на брудершафт еще раз?

ЗИЗИ — Я никак не привыкну...

МУРМАН — Ничего... Это я шутя. (Чуть устало). Вы очень милая девушка. Очень. Знаете, я очень рад, что вы пригласили меня посидеть с вами.

ЗИЗИ — Я налью вам кофе.

МУРМАН — Да, да. Это взбадривает.

ЗИЗИ (Участливо) — Вы плохо себя чувствуете?

МУРМАН (Улыбается Зизи). — Устал от всего. Возраст дает о себе знать. Раньше я не выдыхался так быстро.

ЗИЗИ — Но ведь у вас все в порядке? Нина говорит, что вы уже «на коне».

МУРМАН — На коне? Да, опять в седле. (Смеется). Опять вскачь.

ЗИЗИ (Не сводит с него глаз) — Вы кофе любите сладкий?

МУРМАН — Не очень.

Зизи наливает кофе в чашки. Мурман осматривается, усевшись в единственное кресло бутафорского типа.

МУРМАН — Как приятно посидеть с тобой. Я чувствовал себя таким одиноким.

ЗИЗИ — И я рада, что вы пришли.

МУРМАН — Очень мне было одиноко. Особенно сегодня.

ЗИЗИ — Почему особенно?

МУРМАН — Видишь ли, сегодня день моего рождения.

ЗИЗИ (Почти умиленно) — Действительно?

МУРМАН — И ты, сама того не зная, сделала мне подарок, пригласив меня сегодня к себе в гости.

ЗИЗИ (Пододвигая чашку с кофе) — Если б я знала об этом заранее, я бы приготовила вам подарок.

МУРМАН (Ловит ее руку и целует) — Ну что ты. Ты сама подарок. Ну, давай пить кофе. Да ты мастер... Какой аромат! А гадать ты умеешь? Ты должна уметь.

ЗИЗИ (Кивает) — Так, немного.

МУРМАН — Ты мне погадаешь сегодня. Договорились?

ЗИЗИ — Хорошо.

МУРМАН — А о чем ты хотела со мной поговорить? (Зизи в просительно смотрит на него). Ну, вчера ты ведь так мне сказала — «Я должна с вами поговорить, приходите».

ЗИЗИ (Желая оттянуть решительный момент) — Я это так сказала... Я имела в виду посядим... поговорим...

МУРМАН — О чем?

ЗИЗИ — Ни о чем.

МУРМАН — Ну что ж. (Переворачивает свою чашечку). Так?

ЗИЗИ — Да, так.

МУРМАН — Нина с Лео на выездном спектакле?

ЗИЗИ — Лео еще не приехал со съемок.

МУРМАН (Кивает головой) — Красивый он парень. Хамоватый, правда. Я себе не таким его представлял. Мне казалось, что у Нины муж должен быть непременно добрым, интеллигентным, мягким человеком. (Зизи пожимает плечами). Тебе он нравится как человек?

ЗИЗИ — Да нет...

МУРМАН — Хамоватый парень.

Пауза.

МУРМАН — Ну, расскажи что-нибудь.

ЗИЗИ — Что рассказать?

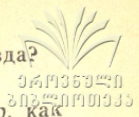
МУРМАН — Расскажи о себе. Чем живешь, кого любишь, кого не любишь... Не хочешь откровенничать со мной? Ты права, права. Хорошая ты девочка. Умница. Я знаю, тебе здесь не сладко, наверно. Несладко, я прав? (Пауза). Тебе бы большую сцену... Тебе бы немножко везения... И ты бы взорвала, прожгла все... Я прав? (Зизи смотрит на него с плохо скрытым волнением). Что тебе этот захудалый театрик, этот городишко, эти дураки вокруг тебя... Ты далеко...

ЗИЗИ (Принужденно улыбаясь) — А вы умеете гадать не хуже, чем на кофе.

МУРМАН — Просто у меня есть глаза, и я вижу то, что написано на лице... (Чуть дотрагивается кончиками пальцев до ее лица. Она не отстраняется).

МУРМАН (Задумчиво) — Мне бы твои годы...

ЗИЗИ — А будущее вы тоже можете угадать?

МУРМАН — Значит, все, что я сказал о настоящем, это правда?

ЗИЗИ — Скажите о будущем.

МУРМАН (С подкупающей серьезностью) — У таких натур, как ты, все зависит от самих себя. Они сами управляют судьбой.

ЗИЗИ (Безучастность тона выдает ее напряжение) — И успешно?

МУРМАН — Мне думается, да.

Пауза.

ЗИЗИ — Как я рада, что вы пришли.

МУРМАН — Разве я мог не прийти? Это чудесно... когда тебя приглашает в гости молодость.

ЗИЗИ — Какие красивые слова!

МУРМАН (Чуть уязвлен) — Я вполне искренен сейчас. (Маленькая пауза). А не пора ли мне узнать о своей судьбе?

ЗИЗИ (Заглядывая в чашку) — Ну, берегитесь. Я буду говорить всю правду.

МУРМАН — Приукрась ее немножко.

ЗИЗИ (Сосредоточенно разглядывает чашку) -- Так вот. Во-первых, у вас одинокое детство... Тяжелая, вернее, беспорядочная жизнь. Характер (смотрит на него) целеустремленный, с самого раннего возраста.

МУРМАН — Верно.

ЗИЗИ — У вас было две... Нет, одна женитьба... Но там все темно... У вас был сильный взлет, начиная, так, с двадцати, может быть с двадцати пяти лет, и уже в тридцать начинается упадок... Все темнее и темнее, и наконец какой-то маленький взлет и полная темнота. (Мурман закуривает, он кажется взволнованным).

ЗИЗИ — Просто крошечная. Вы были больны? (Мурман отрицательно качает головой). На краю гибели?

МУРМАН — Что-то в этом роде. Да, действительно. А дальше что?

ЗИЗИ — Какие-то дороги, тропинки... и... пока все очень бледно. Вы все еще как бы живете в прошлом.

МУРМАН (Он уже немного посмеивается над своим волнением) — А любовь? Любовь там есть? (Зизи, улыбаясь, вертит чашку в руках). Ну как же без любви.

ЗИЗИ — Вы не сердцеед. Впрочем, как будто намечается что-то.

МУРМАН — Вот видишь... Надо только присмотреться повнимательней.

ЗИЗИ — Нет, я думаю, это все же не женщина. Это ^{карьера.} маска?

Большие успехи в лицедействе. Вот видите эту

МУРМАН — Действительно... Неужели будет успех?

ЗИЗИ — Ну, вам не привыкать к успеху.

МУРМАН (Задумчиво) — Как сказать.

ЗИЗИ — Но я вижу, у вас появляются враги. (Продолжает изучать узор).

МУРМАН — А вот к этому мне действительно не привыкать.

ЗИЗИ — У вас есть враги?

МУРМАН — Этого у меня хватало всегда.

ЗИЗИ — Отчего они появлялись? Вы им мешали, или они вам?

МУРМАН — Они мешали мне, потому что я мешал им. И наоборот. (Оба смеются).

ЗИЗИ — Что вам мешало больше всего в жизни?

МУРМАН — Зависть. И некоторые недостатки моего собственного характера.

ЗИЗИ — Какие?

МУРМАН — Угадай, если можешь.

ЗИЗИ — Честолюбие...

МУРМАН (Пожимает плечами) — Слабо сказано.

ЗИЗИ — Алчность?

МУРМАН (Впервые за все это время он по-настоящему искренен). — Да. Жадность, говоря попросту. Жадность к славе, к жизни, неутолимая... Я устал от нее. (Опускает глаза, руки его сжимают одна другую. Зизи порывисто берет его руки в свои. Пауза. Мурман смотрит на нее, тронутый ее участием).

ЗИЗИ (Возвращаясь к чашке) — Ну вот. Пожалуй, это все.

МУРМАН — Что ж, я отгадан. Теперь, когда ты узнала все обо мне, вплоть до самых тайных пороков, мне следует узнать что-нибудь о тебе, чтобы мы были квиты.

ЗИЗИ — Я не знаю своих пороков.

МУРМАН — А достоинств?

ЗИЗИ — Ничего не могу сказать.

МУРМАН — Не хочешь. Это нечестно. Не уходи в скорлупку, Зизи. Побудь еще немного со мной. Кстати, о достоинствах. Я видел тебя вчера в спектакле. Знаешь, очень мило. Очень. (Зизи — вся внимание). Очень мило. Ты очень сценична. Красивый голос. Чуть шероховатый, но это пройдет.

ЗИЗИ — А как я выглядела во фраке?

МУРМАН — Великолечно!.. И потом, ты потрясающе играла веером... Такая редкость, уметь обращаться с вещами на сцене. Это у тебя, наверное, врожденное. Не могла же ты на-

учиться этому в училище или в здешнем театре! (Зизи эти слова доставляют невысказанное удовольствие, она ревниво следит за каждым словом и невольно широко улыбается.)
Только грим ты не умеешь делать. У тебя красивое лицо, а ты делаешь из него какую-то клоунскую рожицу. Тебе и грима-то вообще не надо — чуть подрумяниться, чуть подкрасить губы, и готово. Вот сыграем с тобой в «Учителе танцев». Я научу тебя... Хочешь играть со мной?

ЗИЗИ — Кто бы не захотел?

МУРМАН — А вот многие и не захотят, увидишь.

ЗИЗИ — Испугаются показаться слишком провинциальными рядом с вами?

МУРМАН — Да что ты. Самомнения у актеров всегда хватает. Нет, не потому. Просто меня не любят. В основном мужья — а из-за этого и их жены.

ЗИЗИ — Если вы наших львиц не займете в спектакле, они вам этого не простят никогда.

МУРМАН — Ничего нет приятнее, чем напакостить уездным премьершам; если только есть такая возможность, ее не стоит упускать.

Становится все темнее. Холодные синеватые сумерки залили комнату.

ЗИЗИ (Вставая) — Включить свет?

МУРМАН (Удерживая ее) — Позже. Я люблю засиживаться в сумерках... А ты?

ЗИЗИ — Я тоже.

Пауза.

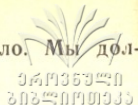
МУРМАН (Закуривая) — И все-таки, что ты имела в виду, когда говорила: «Я вам что-то должна сказать»? Можешь ты мне это объяснить?

ЗИЗИ (Негромко) — Да. Сейчас.

Этот краткий ответ немного настораживает Мурмана, и он бросает внимательный взгляд на Зизи. Та сидит, чуть опустив голову и поджав губы.

ЗИЗИ (Она подбирает слова) — Мне хотелось сказать вам о том... что еще десять лет назад, когда я видела вас в спектакле, я подумала... Я сказала себе — «Вот с кем я хочу играть... Вот с кем я буду играть... Вот с кем я хочу быть». Это было давно, и все успело забыться... Но как только Нина мне сказала, что, возможно, вы приедете и будете играть

здесь, я подумала сразу — иначе быть не могло. Мы должны были встретиться.

Голос ее делается увереннее. Мурман, который думал в начале этой тирады, что понял, куда идет дело, улыбается ей сперва спокойной и чуть снисходительной улыбкой мужчины, привыкшего к женскому обожанию. Но постепенно лицо его теряет это покровительственное выражение и он начинает вслушиваться в речь Зизи.

ЗИЗИ — Может быть, когда-нибудь наши пути разойдутся, но первый шаг я сделаю вместе с вами. И это не только потому, и даже совсем не потому, что вы единственный известный актер, которого я встречаю лицом к лицу — я могла бы пойти к любому из знаменитостей, чтоб предложить им то же самое, но ни один из них не представлялся мне достойным... И вот сейчас, когда я готова была потерять веру в себя, в свои силы, готова была смириться или делать глупость за глупостью, втапывать себя в грязь, а потом вслепую хвататься за первого попавшегося, сейчас, в это время вы сами идете ко мне в руки! Еще не все перегорело, не погибло все, и вы здесь. Я хотела вам сказать о том, что я счастлива... Поверьте мне, это на самом деле так. Хотя все это... (она делает паузу и вздыхает) все это, конечно, звучит слишком высокопарно.

Она умолкает. Мурман, очевидно заразившись ее волнением, нежно, дружески пожимает ей руку, Зизи берет сигарету, и он подает ей огня.

ЗИЗИ — Что же вы молчите? Наверное, я не должна была это говорить. Кто я? Ничтожество в ваших глазах. Маленькая актриска из провинциального театра. (Она чувствует, что произвела на него какое-то довольно сильное впечатление и в общем-то почти добилась своего, но ей нестерпима наступившая пауза, и она торопит его ответ). Вы меня совсем не знаете. Я очень многое могу. Вам будет радостно со мной играть.

МУРМАН — Не сомневаюсь. (Он почти любит ее). Не сомневаюсь. И вы в моих глазах вовсе не ничтожество, вы несправедливо меня обвинили. Вы ведь тоже меня совсем не знаете. (Вдруг смеется). Я тоже заговорил на «вы», ты замечаешь? Такой ты мне трепет внушила.

Мурман встает и начинает не спеша рассказывать по комнате. Зизи следит за ним.

ЗИЗИ — Вы не хотите мне что-нибудь ответить, более внятно?

МУРМАН — Малышка, во-первых, я чувствую себя немного стерянным от всего этого... Право же, я не знаю, чем я все это заслужил... Ну, а говоря по правде, мне немного стыдно.

ЗИЗИ (Неподдельное удивление) — Стыдно? Отчего же?

МУРМАН — Как тебе объяснить...

ЗИЗИ — Говорите!

МУРМАН (Чуть преувеличивая свое смущение и разочарование) — А я ведь думал, что ты хотела признаться мне в любви... (Зизи смеется с видимым облегчением).

МУРМАН (Вторя ее смеху) — Ну как же можно? Такое разочарование! Я чувствую себя сейчас таким болваном... Старым болваном... Ну скажи, хотя бы в шутку, что ты меня любишь.

ЗИЗИ — Я вас люблю, Мурман.

МУРМАН — Спасибо. Звучит неплохо.

ЗИЗИ — Еще чего-нибудь? Просите, я все исполню для вас в такой день.

МУРМАН (Немного неожиданно и для самого себя) — Поцелуй меня.

Зизи стоит неподвижно, они оба словно зачарованы, застыв, как канатоходцы, сделавшие рискованное движение. После довольно долгой паузы Мурман подходит к ней, обнимает ее, и они целуются.

КАРТИНА III

Свет еще не зажигали. В полутьме горят огоньки сигарет. Желтоватый свет, падающий с улицы, освещает уголок Зизи. Мурман сидит на кушетке рядом с лежащей Зизи.

МУРМАН — Странно...

ЗИЗИ (После паузы) — Что?

МУРМАН — Удивительно все это. Ты не находишь? Впрочем, нет. Я с самого начала чувствовал, что это будет. Но не думал, что так.

ЗИЗИ — Как «так»?

МУРМАН — Ну... (Ему не хочется говорить банальность, он ищет слов посвежее. Зизи смотрит на него выжидающе, затем отводит взгляд).

ЗИЗИ — Я тоже не думала, что так это будет. В этой каморке. В этих омерзительных стенах.

МУРМАН — Ну что ты, при чем это? Не надо так.

ЗИЗИ — Не буду.

МУРМАН (Привлекая ее к себе) — Что ты, малышка. **Что ты же**
вочка. Не надо.

ЗИЗИ (Целует его руку) — Я хочу, чтобы все было просто. А ты?

МУРМАН — Конечно, малышка.

ЗИЗИ — Все просто.

МУРМАН — Все просто. Все хорошо.

ЗИЗИ — Перестань меня успокаивать. (Обнимает его. Другим тоном). Зажги свет, пожалуйста.

МУРМАН — Сейчас.

Он включает свет. При ярком свете он выглядит довольно помятым, немолодым. Ворот его рубашки все еще не застегнут.

МУРМАН (Глядя на Зизи с восхищением, она действительно красива в эти минуты) — Какая ты у меня красавица! А знаешь, ты действительно будешь великой актрисой. Ты похожа на Элеонору Дузе. Это судьба.

Зизи благодарно улыбается в ответ. Если что способно привести ее в великолепное настроение, то это — подобные слова.

ЗИЗИ — Да, это судьба.

МУРМАН — Но ты уж меня не забудь тогда. Не забудешь?

ЗИЗИ (Полусерьезно) — Не забуду.

МУРМАН (Снова садится рядом, обнимает ее, целует). — В тебе есть что-то величественное... Да, есть. Не забывай об этом. Ты должна всегда помнить... Ты должна играть людьми, как куклами. Ты это можешь.

ЗИЗИ — А что еще ты мне скажешь?

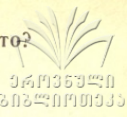
МУРМАН — Пока ничего. Я очень насторожен. Что ты, кто ты... Я не знаю этого. Я запутался. Заблудился.

ЗИЗИ — От слова «блуд».

МУРМАН — Однако!

ЗИЗИ — Ну скажи, скажи мне что-нибудь.

МУРМАН (Задумчиво) — Не знаю... Наверное, время покажет. Может быть, ты и права, нам суждено быть вместе... Прости, я не хочу сейчас быть неискренним, я хочу говорить правду... (Смеется). Единственный раз, в первый раз мне хочется говорить женщине правду. (Сжимает ее в объятиях). Чудо готово свершиться, и я чувствую себя робким, боязливым, мне страшно заглянуть правде в лицо... Ты ли это? Или нет?

ЗИЗИ — Ты хочешь сказать, что всю жизнь ждал кого-то?

МУРМАН — Да. Я не оригинален. Все ждут.

ЗИЗИ — Может быть, я не та, кого ты ждешь. Я это я.

МУРМАН — Не сердись на меня.

ЗИЗИ — Я не сержусь.

МУРМАН — Все впереди. Время покажет. Время еще есть. (Целует ее). Любишь меня? (Зизи молчит). Люби меня. Если бы ты полюбила меня... по-настоящему, ты бы сделала чудо.

ЗИЗИ — Я постараюсь.

МУРМАН — Постарайся, малышка. Это будет спасением, и для тебя и для меня. Ты можешь... Можешь ведь, верно?

ЗИЗИ — Не знаю. Наверное...

МУРМАН (После паузы) — Когда Нина возвращается с выезда ного?

ЗИЗИ — Еще час впереди.

МУРМАН — А когда мы увидимся завтра?

ЗИЗИ — Утром в театре. Я не буду на худсовете, но у меня репетиция.

МУРМАН — А потом... Ты придешь ко мне?

ЗИЗИ — В гостиницу?

МУРМАН — Да. Это тебя не будет коробить?

ЗИЗИ — Не больше, чем эта комната.

МУРМАН — Я буду ждать вечером. Ко мне очень удобно входить, с заднего двора...

ЗИЗИ — Потом договоримся.

МУРМАН (После паузы) — Этот год у меня должен быть удачным. Он великолепно начинается.

ЗИЗИ — А сколько тебе исполнилось?

МУРМАН — О, я старик. Тридцать девять! А тебе сколько?

ЗИЗИ — Скоро будет двадцать пять.

МУРМАН — Прекрасный возраст. Но трудный. Перелом. Сейчас ты все еще не то девочка, не то старая дева... А вот спустя года два ты станешь уже молодой женщиной, сильной, независимой.

ЗИЗИ — Ты в этом уверен?

МУРМАН — Уверен.

ЗИЗИ (Ни на минуту не веря в искренность его ответа) — Что ж, может быть.

МУРМАН — А Нина ведь моя однолетка! Какой между вами разрыв по возрасту!

ЗИЗИ — Мы сводные сестры.

МУРМАН — По отцу?

ЗИЗИ — Да.

- МУРМАН — Я ведь знал вашего отца. Прекрасный был человек. Неудачник большой. Ты его помнишь?
- ЗИЗИ — Смутно.
- МУРМАН — А мать?
- ЗИЗИ — Она нас оставила, когда мне было два года.
- МУРМАН — Где она сейчас?
- ЗИЗИ — Какое это имеет значение? Я никогда ее не увижу.
- МУРМАН — Знаешь, я завидую тебе. Ты выросла на свободе. Под крылышком у сестры. Не знаешь, что такое родительская тиранья.
- ЗИЗИ — Может быть и действительно, все к лучшему.
- МУРМАН — А Нина ведь сущий ангел. Вот кто никогда не будет тираном.
- ЗИЗИ — Ты прав. Для этого она слишком глупа и бесхарактерна.
- МУРМАН — Не суди ее так строго, ты еще молода и не знаешь...
- ЗИЗИ (Прерывает его) — Я не сужу ее. И я никому не позволю судить ее.
- МУРМАН — Она прекрасный человек.
- ЗИЗИ — Я это знаю. Никто этого не знает так, как я.
- МУРМАН — Ты слишком молода.
- ЗИЗИ — Что ты обо мне знаешь?
- МУРМАН — Не сердись.
- ЗИЗИ — Не буду.
- МУРМАН — Бедная Нина. Надо обрадовать ее чем-нибудь. Что у нее за жизнь! С ее мужем...
- ЗИЗИ — Она его любит и все ему прощает.
- МУРМАН — Как и положено настоящей женщине.
- ЗИЗИ — Если хочешь ее обрадовать, дай ей сыграть с тобой. Это у нее сейчас предел желаний.
- МУРМАН — Бедняжка! Какие ужасные партнеры. А ведь она превосходная актриса. Фелисиана в «Учителе» просто создана для нее. Я с удовольствием буду играть с ней.
- ЗИЗИ (После небольшой паузы) — А где сейчас твоя жена?
- МУРМАН — Бог ее знает.
- ЗИЗИ — Почему вы расстались?
- МУРМАН — Долгая история. Не подошли друг другу.
- ЗИЗИ — Я еще не встречала подходящих друг другу супругов.
- МУРМАН — Это иногда встречается. Главная всему причина, конечно, постель.
- ЗИЗИ — Не думаю. Нина с Лео, например...
- МУРМАН — Если бы не постель, они бы давно уже разошлись, поверь мне.

ЗИЗИ — Свинство все это.

МУРМАН — Ты судишь, как школьница. Впрочем, ты иначе не можешь. Опять же по своей молодости. Будь всегда такой, Зизи. Обещаешь? Не меняйся, прошу тебя. На моих глазах столько было превращений.. Столько раз чистота оборачивалась мерзостью, грязью...

ЗИЗИ — Чистота?

МУРМАН — Знаешь, я в душе сентиментальная пансионерка, ждущая неземной любви.

ЗИЗИ — Тебе пора собираться.

МУРМАН — Тебе не нравятся мои признания? (Обнимает ее).
А ведь ты самая целомудренная из всех женщин.

ЗИЗИ — Просто я люблю тебя. (Смотрит на него пристально). Я хочу тебе сказать...

МУРМАН (Не слушая ее) — Ты обещаешь мне быть всегда такой? Чистой, молодой, пылкой... Будешь любить меня? (Волнение снова охватывает обоих).

ЗИЗИ — Я люблю тебя.

Стук двери в прихожей. Лео все же приехал в этот вечер. Мурман едва успевает застегнуть ворот рубашки. Впрочем, он не желает суетиться и встречает появление Лео почти спокойно. Пиджак его лежит комом на стуле.

ЛЕО — Добрый вечер. (Он улыбается, лицо его выражает какое-то удовольствие при виде Мурмана).

МУРМАН — Здравствуйте.

ЛЕО (Заглядывая мимоходом за комод) — А ты чего, заболела, что ли? Голова болит? (Мурману) Вы садитесь, садитесь... Может быть, я нехстати? (Берет со стола кусок пирожного и ест, разглядывая при этом Мурмана).

МУРМАН — Это я, наверное, нехстати зашел... Знаете, сегодня день моего рождения, и не хотелось сидеть одному вечером.

ЛЕО (Весело) — Ну что это вы оправдываетесь... Вот и прекрасно. Посидим, выпьем немного.

Зизи набрасывает халат, пользуясь тем, что мужчины заняты разговором, и встает.

ЛЕО (Мурману, дружелюбно) — Мы ведь с вами совсем не знаем друг друга. Это нехорошо. Верно я говорю, Зизи? Как-никак, коллеги. Вы не возражаете против моей компании?

МУРМАН — Я бы с удовольствием... Только уже поздно. Я и так засиделся.

ЛЕО — Но вы ведь не откажетесь выпить со мной рюмку дру-
гую? Зизи, будь другом, спустись в магазин. Я вижу тебе
уже лучше.

МУРМАН — Лучше я схожу. (Одевается).

ЛЕО — Нет-нет. Не беспокойтесь. Это рядом, в двух шагах. К
тому же, я хочу сказать вам одну вещь... (Улыбается Зизи).
Без свидетелей.

ЗИЗИ — Не время пить.

ЛЕО — Отчего же, крошка? Ну, как хотите. В общем, я могу и
при ней.

МУРМАН — Вы хотите со мной поговорить?

ЛЕО (Жуя) — Угу. Я кое о чем узнал в столице. (Смотрит на
Мурмана, все так же улыбаясь). Хотел с вами посоветова-
ваться... Так, ничего особенного. (Зизи). Я не настаиваю,
можешь слушать.

МУРМАН (Зизи, негромко) — Не бойся, оставь нас на минутку.

ЗИЗИ (Глядя на Лео) — Я ничего не боюсь. (Набрасывает по-
верх халата пальто). Что ж, Лео. Я пойду.

ЛЕО — Постучи там Вале, скажи, что от меня, она сама выберет
вино.

Зизи уходит.

ЛЕО (После паузы) — Ох уж эта Зизи! Стоит оставить ее на
денек без присмотра... (Качает головой). Уж эта молодежь...
Мы в их возрасте были другими. Ну, что поделаешь... Оди-
нокое детство, опять же — театр...

МУРМАН — Что вы хотели мне сказать?

ЛЕО — Что? Ах, да. Знаете ли, я сейчас занят на съемках... про-
бные съемки... (Он играет вилкой, вертит ее в пальцах, и
словно весь занят этим делом, как это иногда бывает с уче-
ником, плохо знающим урок). Ну, был там один актер, из
какого-то Северо-Осетинского театра... Как-то его зовут, Та-
зиев, кажется... Мы с ним партнеры по сцене. Оказалось,
он вас знает. Ну, сами понимаете, зашел разговор... И он
мне рассказал... (Кладет вилку на стол, поднимает глаза на
Мурмана). Он о вас знает от своего друга, который с ва-
ми был в концертной бригаде... Давно, давно. Он мне все
рассказал. Не правда ли, какое удивительное совпадение?
Надо же было мне с ним повстречаться. Что ни говори, а
это судьба, а?

МУРМАН (Спокойно) — Что же такое он вам рассказал?

ЛЕО — Да в общем, ничего особенного: что вы только что из
тюрьмы. Где просидели два с половиной года. Тут я, ко-
нечно, заинтересовался и говорю ему — «Послушай, так, на-

верное, ему не разрешается жить в столице?». «Да, говорит он, — насколько мне известно, год ему не разрешается проживать в больших городах». «Ах, вот в чем дело...», — говорю я... Вот почему я в этот сезон остаюсь без козырной роли.

МУРМАН (Он снова закуривает) — Послушайте, Лео...

ЛЕО (Отмахивается) — Нет, нет... Я еще не договорил. Я человек простой, меня легко запутать... Я сначала должен договорить. Так вот, я и сам знаю, что это не такая уж позорная вещь сама по себе — сидеть в тюрьме. Мало ли отчего туда попадают. Тут все дело именно в причине. Почему вы попали в тюрьму? За жульничество. За мошенничество. Вы украли деньги бригады, вырученные за гастроли. Ну ладно, ладно. Хотели украсть. Хотели украсть, и вас застукали... поймали с поличным. Кругленькая сумма. Где это было?.. Где-то в Сибири... То ли в Иркутске, то ли... ну, неважно. Вас поймали сами же актеры, избили до полусмерти и потом передали дело в суд. Нравы там суровые. Но вы все же легко отделались, а? Два с половиной года — слишком дешево. А теперь вы здесь, и переживаете в нашем маленьком городке — благо столица под боком... И кто бы мог подумать, что слухи дойдут и до нас! Ведь это все случилось далеко-далеко... И под другим именем.

МУРМАН — Теперь можно задать вам один вопрос?

ЛЕО — Я вас слушаю.

МУРМАН — Зачем вам все это понадобилось? Весь этот разговор? Чтобы я отказался играть в пьесе? Неужели из-за роли вы все это затеяли? Насколько я знаю, ролей у вас хватает, вы здесь ведущий актер, и в кино вас собираются занимать... И знаете, я как-то не ожидал всего этого... от вас.

ЛЕО — Отчего же?

МУРМАН — Видите ли... Это не мужской разговор.

ЛЕО — Хорошо, я согласен. Давайте говорить по-мужски. Мне в общем наплевать на эту роль, и вообще на театр. Вот завтра мне пришлют ответ со съемок, начну сниматься в фильме, а там и в другом, третьем... Да и ты в общем здесь у нас не удержишься. Ты после первой же премьеры начнешь хлопотать и выхлопочешь себе место в столичном театре. Кстати, я тебе советую, придумай себе новый сценический псевдоним. Так вот, в чем все-таки дело? Почему я затеял весь этот разговор? Тут все дело в какой-то личной антипатии. Ты уж извини, конечно, но меня тошнит, когда я тебя вижу... Поэтому я тебя попрошу только об одной малень-

кой услуге. Одной маленькой услуге... Я не желаю тебя видеть в моем доме. С моими женщинами. Если ты будешь пай-мальчиком, я тебя не трону... Хоть вверх ногами ходи в театре. Играй все роли подряд. Уж вытерпим как-нибудь... Но если ты... (сдерживается, чтобы не ругнуться) будешь сюда шляться и лапать моих девочек, то уж не обессудь. Не то что играть на сцене, ты по улице не пройдешь. Каждый мальчишка будет кричать и свистеть тебе вслед... Это я тебе запросто устрою. Это провинция, милый мой. А там и до столицы слух дойдет! Куда ты ни сунься...

МУРМАН — Одну минутку... Пойдите.

ЛЕО — Ну что, мой дорогой?

МУРМАН — Я вас понял, кажется...

ЛЕО — Это уже лучше.

МУРМАН — ...и у меня нет выхода...

ЛЕО — Мышеловка что надо.

МУРМАН — ...кроме как принять ваши условия.

ЛЕО — Что верно, то верно.

МУРМАН — Да я и не собираюсь, и не собирался навязываться... Но вы напрасно подозреваете меня в том, что у меня к вашей супруге какие-то особые чувства, а не просто дружеские...

ЛЕО (Снова отмахивается) — «Супруга», «супруга»... Хватит... Да что ты думаешь, слепой я, что ли? (Копирует его вежливый тон). «Вы напрасно меня подозреваете!» А сам ел штаны успел надеть... (Кивает на кушетку Зизи). Смех, да и только.

МУРМАН — Послушай, брось это. Я не позволю так со мной разговаривать.

ЛЕО — Ладно, ладно. Драться я с тобой все равно не буду. Да я на тебя и не в обиде. Я-то ее знаю. Когда на нее найдет, она с кем угодно может спать, был бы...

МУРМАН — Я не желаю этого слышать.

ЛЕО — А я не желаю, чтоб ты с ней спал. Договорились? В этом курятнике хватит и одного петуха. (Пауза). Ну, честно, она первая к тебе полезла, или как?.. На кофе тебе не гадала? Мне интересно, совпадет или нет...

МУРМАН — Ты хочешь сказать, что она твоя любовница?

ЛЕО — Это слишком громко сказано. Так, балуемся иногда. Когда есть настроение. Девчонка дрянь, конечно. Испорчена до мозга костей. Но в ней есть что-то, ты не находишь?

МУРМАН — А Нина об этом знает?

ЛЕО (Грозит ему пальцем) — Но-но. Зачем ей знать об этом? Если ты ей расскажешь, она все равно не поверит, же от нее попадет. Да и не только от нее. Попробуй, если хочешь. Мне даже интересно, что из этого получится.

МУРМАН (После паузы) — Я не верю.

ЛЕО — Чему?

МУРМАН — Что Зизи...

ЛЕО — Что она со мной путалась? (Стук двери в прихожей). А вот и она, легка на помине. Хочешь, мы спросим ее сейчас? Ну, ты ведь не веришь.

Входит Зизи с сумкой, из которой торчат горлышки бутылок.

ЛЕО — Где это ты пропала? Мы тут о тебе говорили.

ЗИЗИ (Смотрит на Мурмана, лицо ее искажено какой-то растерянностью) — Что вы обо мне говорили?

ЛЕО (Мурману) — Ну как, спросить ее?

МУРМАН — Нет, нет. Не надо.

ЗИЗИ — Что не надо?

Мурман не смотрит на нее, он выглядит очень уставшим, словно вся эта история ему смертельно надоела.

МУРМАН — Ничего. Я пойду. Простите меня, но уже очень поздно.

ЛЕО — Не смею вас удерживать. Но одну рюмочку вы все же выпьете с нами? Зизи, детка, достань бокалы. (Зизи не двигается с места, она пристально смотрит на Мурмана в каком-то оцепенении). Ох и ленивая же ты у меня. (Откупоривает бутылку, достает бокалы, наливает). Выпьем. (Мурман еле заметно кивает, все так же не глядя на Зизи, берет бокал. Лео оборачивается к Зизи). Выпьешь с нами, крошка? (Зизи уходит в свой уголок). Не хочет с нами выпить. Ну, тем лучше. Это мужской разговор, и тост тоже... За исполнение наших желаний. И за то, чтобы каждый знал свое место. Вот так-то. Держись подальше от меня, а я уж тебя не трону. Я даже полюблю тебя. Почему бы и нет? (Пьет). Я всех люблю.

Мурман спокойно выпивает свой бокал.

ЛЕО — Теперь можешь идти.

МУРМАН — Да, да. Конечно. Всего вам хорошего. Доброй ночи. (Чуть помедлив, идет к двери, Лео идет его провожать).

ЛЕО — Не вешай носа.

Зизи неподвижно сидит на своей кушетке. Возможно, она думает о том, что иначе и быть не могло, и ни она, ни Мурман не способны на столь сильное чувство, которое стереть мрак и грязь со всего, что было до их встречи... Или, может быть, считает, что это возмездие... Во всяком случае, выражение ее лица, мрачное и жалкое, говорит о незавидном душевном состоянии.

ЛЕО (Возвращается обратно) — Ну и дела... (Хочет). Герой-любовник... (Наливает себе еще вина).

ЗИЗИ (Она вдруг взрывается от этого смеха, встает и выходит к Лео, который, увидев ее, продолжает смеяться) — Что ты ему сказал?

ЛЕО — Ну, я не думал, что с ним так легко будет справиться. Бедняга! Чуть под себя не наделал с перепугу.

ЗИЗИ — Что ты ему сказал?

ЛЕО (Перестав смеяться) — Что ты шлюха. Разве это не так?

ЗИЗИ — Все так. Все так, Лео.

ЛЕО — Может быть, я грубо выражаюсь, зато я не вор. Не мошенник. (Качает головой). Ну и сволочь.

ЗИЗИ (Не слушая его) — Все так. Все верно. А он что тебе сказал на это?

ЛЕО — Ну... это секрет. Мало ли что мужчина мужчине скажет. (Снова покачивает головой). Ах, сволочь... Да ну его. Давай выпьем с тобой. Как бывало. А, крошка Зизи? Мье ведь с тобой друзья. Ну, что волком смотришь? Я ведь должен тебя оберегать... верно? Нет у тебя друга надежней. Нет и не будет. Никогда.

Стук в дверь. Зизи вздрагивает.

ЛЕО (Настороженно) — Да-да!

Никто не появляется. Зизи напряженно ждет.

ЛЕО — Ну что ж, поди открой ему. Открой.

Стук повторяется. Наконец Зизи срывается с места, распахивает дверь. На пороге стоит знакомый нам из первого действия пожилой спутник Лео. Теперь он держится на ногах довольно твердо, но широкая ухмылка и бессмысленный взгляд все же довольно красноречиво изобличают его состояние.

Лео торжествующе смотрит на Зизи, которая от неожиданности не понимает, откуда и как этот человек появился в дверях. Она, застыв, смотрит на гостя. Немая сцена. Лео первым приходит в себя и нарушает молчание громким смехом, который переходит затем в безудержный хохот.

ЛЕО — Ну, чем он не герой-любовник?.. Чем этот плох? Веди его к столу!

Зизи неожиданно начинает вторить его смеху. Наконец истерике Зизи присоединяется и смех гостя, тихий, счастливый. Под общий хохот опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

КАРИНА IV

На сцене никого, если не считать вчерашнего гостя, который спит на маленьком тюфячке у двери, укрытый своим неизменным черным плащом. Он положил голову на свои ботинки.

День клонится к вечеру, пасмурно, сеет мелкий дождь. В комнате снова полнейший разгром, остатки вчерашнего ужина, бутылки из-под вина, неприбранные с утра постели и т. п.

Почти вместе с поднятием занавеса входит Зизи в дождевом плаще. Медленно оглядывает комнату, подходит к столу, садится, придвигает к себе миску с макаронами, ест, трогает ладонью чайник — он, очевидно, холодный, и наливает себе в чашку, предварительно сполоснув ее и плеснув водой в угол. Выглядит она озябшей, невыспавшейся, вялой, как после горького похмелья. Она ест и смотрит перед собой ничего не выражающим взглядом.

В прихожей слышится стук в дверь и раздраженный голос Нины, говорящей: «Ради бога, оставь ты меня в покое!»

Появляются Нина и Лео. Входя, Нина разматывает шарф, швыряет его, сбрасывает туфли, давая выход своему гневу. Лео, в превосходном настроении, подходит к столу, садится, засучивая рукав, с комической ужимкой выуживает из хаоса кусок ветчины, хлеб и начинает есть.

НИНА (Зизи) — Ты не могла хотя бы раздеться? С тебя натекло.

ЗИЗИ — Извини. (Нина на лету подхватывает плащ, который Зизи бросает на пол, что-то укоризненно и угрюмо бормочет, пытаясь рассовать вещи по местам).

ЛЕО (Зизи) — Слыхала новость?

ЗИЗИ — Какую?

ЛЕО — Мы только что с худсовета. Наш герой-любownik получил свою желанную роль. И остальные роли распределили, конечно... А нашим девочкам дали вот это... (Складывает пальцы в кукиш). Нине и Зизи. Подарок от их друга.

Зизи спокойно принимает эту новость.

НИНА — Дрянь! Дрянь. Этого от него надо было ожидать. Змея! Всегда он был таким.

ЗИЗИ (Спокойным тоном резонного возражения) — Но ведь роли распределяет режиссер, Нина.

НИНА — Брось ты! Он вертит всеми как хочет... Просто он не желает играть с нами, потому что ему выгодней играть с этими... коровами, этими уродками... Тем выгодней он будет выделяться на их фоне... Дрянь! Да, этого следовало ожидать.

ЗИЗИ — Но ты ведь совсем этого не ожидала.

НИНА — Я... конечно! Я все же не могла себе представить подобной подлости. Такой мерзости. Такой двуличности...

ЛЕО — Ну-ну... Не злись, детка. А что я вам говорил? Я был прав. Будете теперь меня слушаться?

НИНА (Она садится, руки ее опущены, в голосе сквозит отчаяние) — Ну как он мог? Как он мог? Я не понимаю. Такая... Такая подлость.

ЛЕО — Просто трусость.

НИНА — При чем здесь трусость?

ЛЕО — Только это между нами.

НИНА — Говори!

ЛЕО — Ну, я случайно узнал, что он воришка.

НИНА — Воришка? (Она недоумевает. Зизи внимательно смотрит на Лео).

ЛЕО — И только что из тюрьмы. Только это между нами... Я ему обещал сохранить секрет.

НИНА — Не может быть!

ЛЕО — Тсс... Тихо. Говорю вам... Я ему напомнил об этом вчера. Видели бы вы, что с ним было. Чуть на колени не упал. Просил, умолял, не говори, мол, никому... Отказывался от роли. Но я ему сказал — нет, нет, говорю, не бойся. Играй на здоровье. Нужен мне этот театр. Вот придет телеграмма со съемок... Там уже все на мази. Я сказал им, чтобы в театр присылали телеграмму, пусть лопаются все. «Просим приехать, на роль утвердили». Это будет славный финал.

НИНА — Так отчего же он не захотел с нами играть? Сандро, вонючка этакая, конечно, своих коров не обидит... А он-то, он... Хоть бы слово сказал... Сидит, кивает...

ЛЕО — Ну, перепугался парень. Он мне вчера говорит: «Может, ты не хочешь, чтобы Нина и Зизи со мной играли? Ты мне скажи одно слово...» Я ему — «Да нет, мне все равно». А он: «Нет, — говорит, — лучше не надо».

НИНА — Ах негодяй! Подлец.

ЛЕО — С перепугу это у него. Простительно.

НИНА — Дрянь этакая. Где же он проворовался?

ЛЕО — А ты спроси у него. Только не говори, что от меня знаешь.

НИНА — Ну его. Я больше не заговорю с ним. Никогда.

ЗИЗИ (Лео) — Он сидел в тюрьме?

ЛЕО — Ага. Хотел удрать с деньгами концертной бригады. Поймали, прибили. И на три года. Полгода не досидел, выпустили. Везет поганцам.

НИНА — Ох и дрянь!

ЗИЗИ (Нине) — Что ты так кипятышься? Подумаешь, вор. Сидел в тюрьме. А мы-то все чем лучше? Только тем, что в тюрьме не сидели?

НИНА — Ну, знаешь, хватит. Довольно. Мне твои выверты надоели. (Замечает спящего). Бог ты мой! А этот все спит! Не умер ли он, Лео?

ЛЕО — Отсыпается парень. Перепили вчера.

НИНА — Свинья ты порядочная, Лео. Привадил такую мразь!

ЛЕО — Это я с тебя пример беру.

НИНА — Надо было вытолкать его в шею.

ЛЕО — Чем он тебе не приглянулся?

НИНА — Вшей еще разведет.

ЛЕО — Что ты, это приличный человек. Выпить немножко любит, вот и вся беда. Не мог же я его выгнать в самом деле, человек в гости пришел.

НИНА — Хороши гости!

ЛЕО — Ладно. Твои не лучше.

НИНА (Качает головой) — Да... Мой, действительно, не лучше. Ужас какой. Никому нельзя довериться... Дрянь!

ЗИЗИ — Не больше, чем все.

Она нашла, вероятно, какое-то жалкое оправдание поступкам Мурмана. То, что он смошенничал, само по себе не имеет для нее особого значения, это слова, которые в сущности ничего не меняют. Ей сейчас почти жаль Мурмана.

НИНА — Чем кто, например?

ЗИЗИ — Чем мы, например. Тебе известно, что твой муж изменяет тебе с любой грязной девкой, а ты с ним спишь.

ЛЕО — Грязной девкой? Сказано, между прочим, верно.

ЗИЗИ (Нине, не слушая Лео) — Подбираешь, как нищенка... Что бросят...

НИНА — Замолчи!

ЛЕО — Ну, вы тут поговорите без меня. Поворкуйте. А я пойду посплю. Зизи, крошка, можно в твою постель?

ЗИЗИ (С ненавистью) — Нет.

ЛЕО — Не хочешь — не надо. Просить не буду. Не в моем характере.

ЗИЗИ (Нине) — Посмотри на него... Посмотри на себя... На меня...

Кого мы можем осуждать? Мы ведь сами гнуснее всех... (Лео смотрит на нее настороженно). Ну, что ты молчишь? Что ты молчишь? Расскажи и ей тоже. «Подлец», вы говорите? Вот кто подлец! Подлое животное. Все убивает... все топчет... Всегда наготове! Когда ты хочешь себя оскорбить, осквернить, убить, он тут как тут... А когда ты захочешь жизни... радости... то он тоже тут как тут. Не тут-то было, цап-царап...

НИНА — Что ты мелешь?

ЗИЗИ — Ведь так, Лео? Так? Отвечай!

ЛЕО (Трясет Зизи, схватив ее за плечи) — Дура... дура...

НИНА — Оставь ее, у нее истерика. Боже мой!

ЗИЗИ — Нет, нет! Это не истерика. Это ненависть! Может быть в последний раз... Какое наслаждение... Ненавижу! Ненавижу всех! Ах вы, животные... Бедные... безмозглые... (Хватается за голову, стонет). Но я... Что мне делать с собой! Несчастливая!

ЛЕО — Перестань орать!

ЗИЗИ — Не прикасайся ко мне!

ЛЕО — Ишь, как расшумелась! Цыц ты у меня!

НИНА — Лео... Ради бога...

ЗИЗИ — Пусти меня... Или я...

ЛЕО — Или — что?

Зизи плюет ему в лицо, он чуть отстраняет ее и, очевидно, вне себя, дает ей со всего размаха пощечину, сбивая ее с ног.

ЛЕО — Шлюха!

Пронзительно вскрикнув, Нина бросается к упавшей и, видя, что Зизи в сознании, набрасывается на мужа, тот сразу же ловит ее руки, не позволяя ей колотить его по лицу.

НИНА — Зверь... Зверь... Что ты наделал!

ЛЕО — Не суетись... Перестань. Ничего особенного.

НИНА (В ярости) — Убирайся вон! Убирайся!

ЛЕО (Охотно подчиняясь) — С удовольствием. Сумасшедший дом какой-то. Мало я ей всыпал. Убить ее мало.

НИНА — Убирайся, тебе говорят.

ЛЕО (Выходя) — Подумайте здесь без меня. Подумайте как следует. Эх вы, шлюхи.

Он выходит, и Нина швыряет ему вслед первый попавшийся под руку предмет. Потом она раздражается рыданиями.

НИНА — О господи! Господи! Что же это такое! Когда это кон-
чится!

Зизи встает, подходит к Нине, лежащей на кровати ничком, гладит ее волосы.

Гость проснулся от шума, присел на тюфячке, торопливо обустраивается. Видя, что все затихло, он некоторое время наблюдает за женщинами, затем тихонько ложится снова и засыпает под разговор сестер.

ЗИЗИ (Нине) — Тише... Тише... Успокойся... Ну, прости меня.

НИНА (Целует руку Зизи, которая гладит ее по лицу) — Что ты...

ЗИЗИ — Мне совсем не больно, я больше от страха свалилась.

НИНА (Гневно косясь на дверь) — Зверь... Зверь настоящий... Да как он смеет?

ЗИЗИ — Это я во всем виновата.

НИНА (Сморкаясь) — Ну, положим, ты действительно могла бы сдержаться... Но как он смеет! Как бы то ни было. Этого я ему не прощу, нет.

ЗИЗИ — Успокойся.

НИНА — Покажи-ка лицо. Ничего, ничего. Синяк будет, конечно. Надо сделать холодную примочку. (Встает, начинает рыться в шкафу, ищет бинт и т. п.). Разумеется, не надо было доводить его... Он все-таки мужчина. Ну, покричала, покричала, а плевать уж не стоило.

ЗИЗИ — Прости меня. Хочешь, я попрошу у него прощения?

НИНА — Не-нало, девочка моя. Не будь такой. Дай-ка приладим эту примочку. Думаешь, я не знаю, что он за сволочь? А что из того? Что делать? Разводиться? А другие чем лучше? К этому я хоть привыкла, и то хорошо. Нельзя же без мужа. Особенно у нас... Затрут совсем. И потом, время пройдет... Кто знает, может он остепенится. Не век же ему молодым быть.

ЗИЗИ — Он всего на два года младше тебя.

НИНА — У него характер мальчишки. Такой же обидчивый, такой же сластолюбивый, такой же грубый... Знаешь, он очень похож на ребенка.

ЗИЗИ — Да, да. Наверное.

НИНА — И он очень отходчив. Сейчас он ругает себя на чем свет стоит. Я уверена. Он себя проклинает.

ЗИЗИ — Конечно. (Отходит от сестры, становится у окна).

НИНА — Ну как, больно еще?

ЗИЗИ — Нет, все прошло.

НИНА (Смотрит на спящего) — Как бы нам его разбудить? Посмотри на него, прощу тебя. Уморительно. Как младенец!

- ЗИЗИ — А я не похожа на младенца? У тебя все на младенцев похожи.
- НИНА (Смеется) — Нет, злючка. Ты не похожа. Ты похожа на злого маленького ежа.
- ЗИЗИ — Нина, Нина. (Обнимает ее, целует).
- НИНА — Что, радость моя?
- ЗИЗИ — Прости, если я доставила тебе неприятности.
- НИНА — А давай-ка мы с тобой вкусно поужинаем, потом отправимся в театр. (Смотрит на часы). И хватит нам нюни распускать! (Озабоченно). Сегодня этот дурень играет в спектакле, где он сейчас, хотела бы я знать. Опоздает опять и будет ему нагоняй. Ох горе мое, горе. (Убирает грязную посуду со стола). Ну, что задумалась? Поди-ка лучше, вымой руки.
- ЗИЗИ — Это идея! (Выходит. Нина греет застывшие пальцы над керосинкой, ставит греться чайник. Зизи возвращается).
- НИНА (Кивая на спящего) — Что мне с ним делать?
- ЗИЗИ — Он тебе мешает?
- НИНА — От него пахнет.
- ЗИЗИ — Ты слишком брезглива. Это нехорошо.
- НИНА — Не будить?
- ЗИЗИ — Не буди никого. Никогда. Если спят, пусть спят... (Неожиданно смеется, подняв палец кверху). Никогда никого не будите.
- НИНА (Немного пугаясь) — Что с тобой?
- ЗИЗИ — Ничего. (Принимается за еду).
- НИНА — Не люблю, когда ты оригинальничаешь. Такая ты милая, когда ведешь себя просто.
- ЗИЗИ — Нина, Нина... Что мне с тобой делать!..
В прихожей раздается стук двери... Появляется Лео.
- ЛЕО (Мрачно) — «Приятного аппетита, господа!»
- НИНА — Явился? Бесстыжая твоя душа. Бесстыдник! (Зизи).
Смотри, какое у него лицо... Сейчас будет просить прощения.
Лео действительно кажется расстроенным. Он молча раздевается, садится за стол, подпирает рукой голову, вяло жует.
- ЛЕО — Вот... Захотелось вас обрадовать, иначе не зашел бы. (Сует Нине в руки телеграмму). Как вас не обрадовать. На, радуйся. Читай ее. Читай.
- НИНА (Читает) — «На роль... не утвердили»? Как же так?
- ЛЕО — Ну что, рады?
- НИНА (С упреком) — Перестань... Как тебе не стыдно!
- ЛЕО — А что, я с тем и зашел, чтобы вас обрадовать...
- НИНА — Перестань, Лео... Но как же, почему это произошло?

- ЛЕО — Потому что сволочи везде. На всех сил не хватает.
- НИНА — Но ты ведь был почти утвержден...
- ЛЕО — И вообще, когда судьба повернется к тебе задом, нечего суетиться... Нечему удивляться. Тыфу ты... Ну погодите... Сволочи...
- НИНА (Наливает ему чай) — Попей горячего, согреешься. Тебе покрепче?
- ЛЕО (Смотрит на нее с усмешкой, словно раздумывая, выругаться ему или нет. Наконец привлекает ее к себе на колени) — Дура ты моя!
- НИНА (Не поддаваясь на его ласку) — Оставь меня,пусти!
- ЛЕО (Покорно) — Конечно, конечно. Зачем тебе такой мазила. Такой неудачник. Третий раз не может устроиться в кино. И в театре у него все отобрали. И в рожу ему наплевали.
- НИНА (Сдержав мгновенный порыв погладить его по щеке) — Не говори глупостей, Лео.
- ЛЕО — Кстати, о театре. Я, кажется, играю сегодня?
- НИНА — Да, играешь. И если через двадцать минут ты не будешь в театре, ты не успеешь даже переодеться.
- ЛЕО — Черт, вот дела. Ты сделаешь мне грим? Я провожусь с ним.
- НИНА — Конечно.
- Зизи уходит в свой угол.
- НИНА (Лео, нежно) — Сделай это ради меня... Извинись перед ней.
- ЛЕО — За что? Ты спятила!
- Нина шикает на него. Она начинает собираться в театр. Лео все еще сидит за столом.
- НИНА (Тихо) — Ну согласиись, что ты поступил по-хамски.
- ЛЕО — А она, по-твоему, ангел? Какой мужчина это стерпел бы?
- НИНА (Снова шикает на него) — Ну хорошо, хорошо.
- ЛЕО — И кончили этот разговор. (Встает). Ты готова?
- НИНА — Да. Пошли. (Взгляд ее падает на телеграмму). Негодяи. Подлецы. Там у них круговая порука. А ты все же съездил бы, выяснил, в чем дело.
- ЛЕО — Я-то съезжу. Да какой из этого толк.
- НИНА — Хочешь, я с тобой поеду? Я там знаю кое-кого.
- ЛЕО — Только тебя там не хватало!
- НИНА (Оскорбленным тоном) — Как хочешь.
- ЛЕО — Я уж как-нибудь сам за себя постою. Не нужны мне ваши услуги.
- НИНА — Никто не собирается тебе услуживать.
- ЛЕО — Ну и довольно болтать! Раскудаhtалась.

Они выходят. Долгая пауза. Зизи закуривает, подходит к зеркалу. Около минуты она стоит неподвижно перед зеркалом, затем уходит за комод.

Гость лежит на своем тюфячке, глаза его открыты; когда Зизи удаляется снова в свой уголок, он тихо встает, подходит к столу. Возится с едой, наливает себе остатки вина, пьет, опасно косится за комод... Тихий стук двери в прихожей заставляет его ретироваться. Он снова накрывает себя плащом и делается почти неразличимым в сгустившихся сумерках. Входит Мурман. Оглядывается, в нерешительности делает несколько шагов к комоду и останавливается. Зизи вначале безучастно слушает эти шаги и шорохи, потом она медленно выходит из своего угла, словно догадываясь. Некоторое время Зизи и Мурман стоят молча, глядя друг на друга.

МУРМАН — Я должен был с тобой увидеться. Ну что ты так глядишь! Бедная моя...

ЗИЗИ — Не надо меня жалеть.

МУРМАН — Мне ли тебя жалеть... (Пауза) Я уезжаю, Зизи.

ЗИЗИ — Уезжаешь?

МУРМАН — Я не могу здесь оставаться. Я не хочу. Когда я сегодня отказался от вас на худсовете, мне потом стало так мерзко... Я как будто отравлен. Не гляди так на меня, Зизи. Ты ведь всего не знаешь. Я действительно отравлен. всю жизнь я изворачивался, извивался... валялся в грязи... Зачем? Вот старость подходит, я устал, устал. Я не хочу больше. Я не хочу! Я знаю, я не мог иначе. Иначе это был бы не я. Но сейчас я не могу. Я не хочу! (Пауза) Я уезжаю, Зизи. Это наш последний разговор. Я пришел проститься.

ЗИЗИ — Почему не быть искренним до конца? Ты уезжаешь потому, что боишься Лео. Он тебе не даст покоя. Все просто.

МУРМАН — Он уже успел все рассказать?

ЗИЗИ — Ты хочешь начать все в другом месте. Безопасном, спокойном. Все очень просто.

МУРМАН — Не надо так плохо думать обо мне.

ЗИЗИ — Я не хочу неточностей. Раз это наш последний разговор, пусть все будет открыто. Все это немного смешно, ты не находишь?

МУРМАН — Смешно?

ЗИЗИ — Вся эта история с нами. Два субъекта с подмоченной репутацией хотят найти друг в друге идеал... Два грязных субъекта...

- МУРМАН** — Не надо, Зизи. Ты не должна... Ты не имеешь права так о себе говорить. Ты самая лучшая из всех.
- ЗИЗИ** — Вытри слюни. Ты что, думаешь, я в самом деле имела какие-то дурацкие планы насчет театра в связи с тобой? Я просто хотела с тобой переспать. Неужели ты этого сразу не понял?
- МУРМАН** — Перестань!
- Пауза.
- ЗИЗИ** (Другим тоном) — Уходи, Мурман. Что может быть гнуснее, чем это наше прощание, этот прощальный разговор?
- МУРМАН** — Я не хочу, чтобы ты проклинала... презирала меня. Я боюсь этого.
- ЗИЗИ** — Ты не боишься. Ты ведь отлично знаешь, что девки на это не способны.
- МУРМАН** — Ты не девка.
- ЗИЗИ** — Уходи, Мурман! Это отвратительно.
- МУРМАН** — Я шел сюда с жалкой надеждой... Хотел просить тебя уехать со мной... Но ведь ты не поедешь.
- ЗИЗИ** — Это было бы удивительно! А что, если мне согласиться? Что тогда придет на ум моей судьбе? Это был бы непредвиденный поворот. Впрочем, судьба ни при чем. Судьба не плоха. Это мы дурны. Это мы, мы сами... Мы получаем то, что заслужили. Мы пачкаем себя в чем попало, и все думаем, время еще есть... А потом оказывается, его уже нет... Так скоро?.. О господи, так скоро? Уже? Неужели? Нет сил. (Мурману). Я бы не отпустила тебя так. Я бы нашла силы... И для тебя, и для себя. Но их нет. Нет сил.
- МУРМАН** — Ты их еще найдешь. Без меня. Не для меня, Зизи. Прощай. Ты ненавидишь меня?
- ЗИЗИ** — Прощай, Мурман. Все это чепуха. Ты ведь и сам знаешь. А если ты сейчас уйдешь, не сказав больше ни слова, ты окажешь мне этим большую услугу.
- МУРМАН** — Я знаю, мы увидимся. Я уверен в этом. Прощай.
- ЗИЗИ** (Усмехаясь) — Ну что ж, тогда скажи еще что-нибудь. Скажи мне — «любовь моя». «Любовь моя». Добавь: «Прощай, любовь моя». Это будет изумительно. «Прощай, моя чистая, пылкая, неповторимая». «Прощай, моя любовь».
- МУРМАН** (Спокойно) — Прощай. (Пауза. Он идет к двери, голова его опущена).
- ЗИЗИ** — Мурман!

Дверь закрылась за гостем. Зизи одна. Дождь, очевидно, усился — уже где-то в середине сцены с гостем с потолка начинают падать первые капли в заблаговременно подставленный мной таз. Теперь, в полной тишине, звуки падающих капель стихли и стали отчетливей. Неверный свет уличного фонаря, проникая через окно, освещает лицо Зизи. Она сидит, выпрямившись и глядя прямо перед собой.

ЗАНАВЕС

Перевод автора

Имя Лали Росеба пока не знакомо русскому читателю. «Провинциальная история», написанная тринадцать лет тому назад тогда совсем еще молодой писательницей, публикуется на русском языке впервые.

Лали Георгиевна Росеба родилась в артистической семье. Росеба — псевдоним ее отца, известного театрального деятеля, актера, режиссера, драматурга. Мать — Кетэван Бочоришвили — известная актриса. Не удивительно, что близкий и понятный ей с детства мир театра так удачно воплотился в ее драмах. Я не оговорила, так как помимо «Провинциальной истории» актерской жизни посвящена вторая ее пьеса «Премьера».

Лали Росеба по профессии филолог, специалист французского языка, но ее одаренность и разносторонность проявились и в ее драмах, и в ее игре на сцене, и в ее живописи.

Театр им. Марджанишвили осуществил постановку двух пьес Лали Росеба, причем подряд, что свидетельствует о серьезной заинтересованности театра творчеством талантливого драматурга. Интерес обусловлен, в первую очередь, конечно, высокохудожественностью произведений, хотя в данном случае, мне кажется, следует отметить и готовность театра, который, к счастью, не изменил своему основному назначению — быть театром драматическим, то есть театром, который должен ставить драмы.

Если придерживаться мнения, что целью драмы является проникновение в те глубины действительности, которые часто к нашему же благу сокрыты от нас жизненной необходимостью, и раскрытие глубоко скрытой части нас самих — то есть того, что можно было бы назвать трагическим элементом нашей личности, — нетрудно заметить, что пьесы Л. Росеба, говоря с позиции театра, дают возможность использовать и выявить основные ресур-

сы сценического искусства. Я имею в виду актерские ресурсы, причем не односторонние и поверхностные, а сложные, глубокие, позволяющие «разработку» свойств далеко не лишней и еще присущих человеческой природе.

По мнению Бернарда Шоу, современная драма берет начало с того момента, когда ибсеновская Нора предложила своему мужу присесть и обсудить их брак, то есть вопрос сугубо личный, можно даже сказать — бытовой. Быт! Он существует и никуда от него не денешься. Иногда он достигает значения символа. А иногда превращается в судьбу. Может, только тогда его и следует бояться.

Существование проблем глобальных, политических, государственных не исключает существование проблем индивидуальных. Вернее было бы сказать, что эти проблемы существовали всегда в сложнейшей взаимосвязи и взаимозависимости. Игнорирование внутреннего мира человека, сложных человеческих взаимоотношений, потеря дара страданий и переживаний, ранимости не привели бы ни к чему хорошему. Что касается драматического искусства, боюсь, что оно просто перестало бы существовать, превратившись в «шоу».

В своих произведениях Л. Росеба удается преодолеть поверхностный и стабильный покров чувств и понятий. Она владеет исключительно умело художественными приемами реалистического воспроизведения действительности. Ее персонажи сами носят в себе внутренние предпосылки своего существования: думают, чувствуют и действуют соответственно своей судьбе, говорят естественно. Автор не смотрит на явления и персонажи свысока, не судит их. В ее творчестве мы встречаемся не с выдуманным, тенденциозным, а с подлинным гуманизмом, который учит сочувствию не только сильным и удачливым, но и жалости к несчастным, обиженным, заблудшим и слабым. Это ее позиция — позиция страдания.

Представляя на этот раз пьесу Лали Росеба не зрителю, а читателю, осмелюсь вспомнить строки Хафиза:

«Загнать всем миром в сети птицу сердца

Пытались мы — и не могли никак».

Медея КУЧУХИДЗЕ, режиссер

Армянскому писателю Сааку Манвеляну исполнилось 65 лет.

Начав писать рано, первые свои рассказы и стихотворения он публиковал в армянском детском журнале «Кармир цилер» («Красные восходы»). Затем в армянской и грузинской периодике появляются его произведения: «Беспризорные», «Царь и кузнец», «Зуло», «Тополь» и другие, привлёкшие внимание читателя.

Первая книга Саака Манвеляна «Наши дни» была издана в 1957 году.

Перу С. Манвеляна принадлежит ряд пьес на современную тематику. Плодотворно работая и в области перевода, он познакомил армянского читателя с произведениями Э. Ниношвили, Л. Киачели, Л. Готуа, Э. Кипиани.

Редакция поздравляет юбиляра и желает ему новых творческих успехов.

Саак МАНВЕЛЯН

РАЗНОСЧИК ТЕЛЕГРАММ

●
Рассказ
●

ЭТО произошло в одном из многочисленных отделений связи нашего города. Коллектив сотрудников отмечал юбилей старого почтальона Григора Ивановича Аветисяна или, как все его называли, «Иваныча», уходящего на пенсию.

Многие хорошо знали и уважали этого добродушного человека, больше половины своей жизни посвятившего скромному, но столь необходимому всем делу.

Честного и добросовестного в отношении с людьми Иваныча в работе отличало исключительное трудолюбие.

И выступавшие на вечере сослуживцы юбиляра, а также жители одного из старейших районов города, которых он обслуживал в течение многих лет, единодушно отмечали его честность, исполнительность и акку-

ратность, от души желали ему долгой жизни и счастья.

В заключение слово попросил сам Иваныч. Он поведал собравшимся о волнующих событиях в своей судьбе, одно из которых прочно засело в моей памяти, не давая покоя, пока я не изложил его на бумаге.

Гиго (так звали в детстве Григора) рано лишился родителей. Отца убило молнией. Мать, не перенеся постигшего семью горя, слегла и больше уж не встала. Мальчик остался круглым сиротой. С помощью дяди — рабочего обувной фабрики Адельханова — он устроился на почту. Был Гиго тогда еще совсем маленьким, тщедушным, хотя и не по годам смысленным, бойким парнишкой. Вот тогда-то и перекинул он впервые через свои неокрепшие плечи тяжелую сумку письмоносца.

А вскоре мальчик с гордостью нашупал в кармане шуршащие бумажки — свой первый самостоятельный заработок.

Шли годы. И встретился Гиго с Мариам — девушкой такой же бедной и одинокой, как он сам. Они полюбили друг друга и некоторое время спустя поженились. У них родилась дочка. Назвали ее Цагик¹. Но, подобно нежному полевому цветку, ребенок прожил недолго. Потом появился сын. Вырос, стал ходить в школу. Затем... Затем — началась война. И сын Ашот ушел на фронт.

Это было давно... С тех пор Иваныч заметно постарел, поседел. Лоб его избороздили глубокие морщины. Живые, светившиеся добротой глаза потускнели.

При первой встрече он производил теперь впечатление человека замкнутого, неразговорчивого. Это ощущение усиливал скорбно-задумчивый взгляд, устремленный на собеседника — словно старик хотел проникнуть в душу человека, узнать, чем он живет, о чем думает. Но стоило только поздороваться с Иванычем, обменяться с ним хотя бы единым словом, как лицо его прояснялось, раскрывая в приветливой улыбке сокровища этой богатой души.

¹ Цветок.

Да разве виноват он был в том, что непросто сложившаяся жизнь наложила на него свой роковой отпечаток...

Горькое детство, сумрачное отрочество оставили неизгладимый след в его сердце. Безотрадной оказалась и юность Гуго. И вот, когда, наконец, смог он вздохнуть свободнее, когда в дом, казалось, вошло счастье, началась эта страшная, эта проклятая война...

Обычно, подходя к воротам, Иваныч доставал из кармана пенсне, надевал его, внимательно прочитывал надпись на конверте и только потом, войдя во двор, приветствовал жильцов:

— Добрый день, люди добрые...

Затем, вручив адресату письмо и высказав ему наилучшие пожелания, почтальон с чувством исполненного долга продолжал свой путь дальше.

Говорят, будто несчастливцы — бездушны, злы, эгоистичны и завистливы. Не берусь ни доказывать обратное, ни оспаривать правильность подобного мнения. Однако с уверенностью могу утверждать, что Иваныч не принадлежал к категории таких людей. Человек трудной судьбы, он считал своей святой обязанностью делать добро другим. Сам вкусив мало радости в жизни, старый почтальон старался доставить приятные минуты окружающим. Если ему доводилось слышать о чем-либо хорошем, он спешил поделиться этим со всеми. Купив новую вещь, тут же показывал ее окружающим. Если воробей деловито клевал на мостовой хлебную корочку, обходил его, чтобы не вспугнуть. Как правило, шел в сторону, увидев муравьиную дорожку. Встретив на улице ребенка, первый уступал ему путь. А при виде увлеченно беседующих молодых людей весь преображался, преисполненный уважения к образованному молодому поколению.

Была у Иваныча одна слабость — увлечение театром и кино. Просмотрев интересный фильм или спектакль, он не давал покоя знакомым, уговаривая их непременно сходить в кино или театр.

— Чудесная картина, надо обязательно посмотреть! — убеждал он одних.

— Как, вы еще не были на этом спектакле? Сегодня же пойдите! Обязательно! — уговаривал других.

УДК 82.09
ББК 84.090.92

Когда почтальон впервые заявил о своем желании вместо писем разносить телеграммы, в отделении связи удивились: ведь доставлять телеграммы куда труднее и сложнее, чем письма, тем более человеку пожилому. Разносчик телеграмм обязан, не считаясь со временем и погодой, без промедления вручить ее адресату. Кроме того, тут он непосредственно сталкивается с выражением различных человеческих чувств и переживаний. Конечно, приятно, когда приходишь с хорошей вестью, но не дай бог, если в телеграмме дурное сообщение. Тут нужны крепкие нервы, хладнокровие, выдержка, чтобы не поддаться чужому горю. А разве таков наш Иваныч?

Вот почему никто из сослуживцев не мог понять, что заставило его, старого человека с подорванным здоровьем, взяться за такое нелегкое дело. Но все попытки отговорить его оказались безуспешными.

С новой работой он свыкся быстро. Слегка ссутулившись, с утра до позднего вечера шагал Иваныч по давно знакомым улицам, переулкам, тупикам. Приносил радостную весть, добросердечно улыбался, смело глядя в глаза адресату. Потом, надев свое неизменное пенсне, читал вслух: «Завтра свадьба, просим присутствовать...»

— Спасибо, спасибо, дорогой! — благодарил адресат и расписывался на квитанции.

— Хотя я и не знаком с невестой и женихом, поздравляю! Желаю счастья молодым! — говорил старик, искренне радуясь счастьем других.

— Пожалуйста в комнату, поздравьте с бокалом вина, — приглашал хозяин.

— Во время работы не могу, извините, спешу, — степенно отвечал Иваныч и, коснувшись рукой синей фуражки, вежливо прощался.

— Какой у вас телефон на службе? — спрашивал он нового жильца в соседнем дворе. — Дайте, пожалуйста, номер. Вдруг будет телеграмма, а я не застану вас дома.

— Поздравляю, возвращается ваш сын, встречай-те! — сообщал он в третьем дворе.

Телеграмма с печальным известием глубоко волновала старика. Он хмурился, подходил к адресату с озабоченным видом и старался хоть как-то подготовить его.

— Прошу прощения. На этот раз не могу обрадовать, сие не от меня зависит, — говорил он, словно извиняясь и глотая окончания слов. — Что поделаешь, печаль и радость неразлучные сестры, приходится мириться с этим. На то мы и люди, должны все выдерживать... Эх, если бы вернулся мой Ашот!

Цена чуткость и отзывчивость Иваныча, люди старались отплатить ему тем же. В знойный летний полдень угощали студеным напитком или боржомом из холодильника, зимой, когда сыро и ветрено, потчевали стаканом горячего чая. Но почти всегда старик отказывался от угощения, ссылаясь на занятость.

Кажется, я чересчур увлекся подробностями, так и не объяснив, почему Иваныч отказался от работы письмоносца и стал разносчиком телеграмм. Это как я убедился, имело глубокие корни...

Была лютая зима 1943 года. На фронтах шли ожесточенные бои. Тщетно ожидая вестей от любимого сына, умирала Мариам. Иваныч давно уже получил извещение о гибели Ашота, но скрывал это от больной жены. Затаив горе, старик всеми силами старался крепиться, чтобы Мариам ни о чем не догадалась. Да и что он мог еще сделать? В те дни беда входила во многие дома, разрушала многие очаги...

Иваныч был убежден — стоит Мариам увидеть сына или даже только убедиться, что он жив и невредим, как сна выздоровеет, окрепнет.

Как же быть? Что делать? После мучительных раздумий и сомнений старик, наконец, решился: он отправился в самое отдаленное городское отделение связи и послал оттуда на собственный адрес телеграмму «молнию» следующего содержания: «Жив, здоров, буду через три дня. Ашот». Потом чуть ли не бегом вернулся домой и с нетерпением стал ожидать прихода почтальона.

— Нос у меня что-то чешется. Мариам, никак ^{спра-} достную весть услышим!

Слова эти были сказаны с такой силой ^{веры,} кто он сам был готов поверить в них.

Но больная продолжала лежать неподвижно, с закрытыми глазами. Только изредка она слабо вздыхала и тогда на бескровных губах ее появлялась тень снисходительной улыбки.

Старик понял — жена не верит ему.

«Где же телеграмма? Ведь «молнию» должны были доставить в течение часа!» — думал он, прислушиваясь к малейшему шороху на улице.

Прошел час, второй, третий... Иваныч нервно шагал по комнате, выходил на балкон, вновь возвращался. А телеграммы все не было. Состояние больной ухудшалось с каждой минутой.

Проклиная в душе всех нерасторопных и нерадивых работников, он спустился на улицу. Колени у него дрожали. Он прислонился к ближайшему дереву и устремил вдаль взгляд, полный томительного ожидания.

Наконец показался разносчик телеграмм.

— Слава богу! — обрадовался старик и, не дожидаясь его, поспешил домой.

Но... Что это? Мариам лежала с застывшим лицом и неестественно раскинутыми руками. Она уже не дышала.

Обезумевший от горя старик бросился к кровати, упал на колени и, задыхаясь от рыданий, стал покрывать поцелуями руки жены.

В дверь постучали. Иваныч с трудом поднялся и, крикнув «входите!», бессильно опустился на тахту.

Дверь отворилась, показался человек с кипой телеграмм в руках.

Иваныч набросился на него:

— Бессовестный! Это у тебя «молния» называется?! Так ты работаешь?! Где ты был до сих пор?! Ведь если бы ты пришел раньше!..

— Извините. Я ведь не знал, — оправдывался разносчик. — Думал, телеграмма приятная, кто-то едет домой. Занесу часом позже, ничего не случится. Извините, пожалуйста...

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

С того дня и решил Иваныч разносить телеграммы. В душе его, подобно угольям, тлело безутешное горе. Он не мог успокоиться, что телеграмму не доставили вовремя. «Тогда, — думал он, качая посеребренной головой, — может, и выжила бы моя Мариам или, по крайней мере, умерла бы успокоенная».

Теперь он стоял на трибуне и доверительно рассказывал о своей жизни. Пенсне дрожало у него в руке. Перед ним лежала груда поздравительных телеграмм — от друзей, товарищей, многочисленных знакомых, жителей района.

В заключение была прочитана телеграмма из Министерства связи о награждении заслуженного почтальона почетной грамотой и денежной премией.

Иваныч улыбался, благодарил всех. Но облако печали так и не сходило с его чела.

Перевод А. МХИТАРЯНА и Л. ТИХОНОВОЙ

Владимир ОГНЕВ

ВИДЕТЬ СОЛНЦЕ!

ЕСЛИ бы Нодар Думбадзе написал всего лишь одну повесть — «Я, бабушка, Илико и Илларион», — я все равно считал бы его выдающимся писателем Грузии.

Совершенно очаровательная история в духе неповторимых национальных хроник быта, за которыми стоит лицо нации, ее самые главные черты, свойства характеров, история и будущее.

Да, и будущее. Потому что национальный характер под пером настоящего писателя показывает, каким он будет завтра, а не каким был вчера и позавчера. Найдутся оппоненты — скажут, что это кощунственное утверждение, что характер нации складывается веками. Так-то оно так, но в самом слове «складывается» есть уже три времени. Вчера прорастало в сегодня, а сегодня чревато тем, что приходит на смену существующему... И не схоластикой пахнет в данном умозаключении, а ветром перемен, живым ветром жизни.

И в последующих произведениях Н. Думбадзе любовь к родному национальному типу, Родине вообще, верность ее заветам помножена на реальное чувство времени, перемен, борьбу старого с новым, победу этого нового во имя будущего, во имя лучшего именно в национальном бытии народа.

Сам дитя войны, писатель чуток к перелому сознания, созреванию чувств подростка. Война ведь была не рядовым катализатором «взрослых» чувств, а экстремальным, неординарным прорывом в новое сознание, в доселе немислимый опыт.

И в «Я, бабушка...», и в повести «Я вижу солнце» рассказывается о времени Великой Отечественной войны мальчиком-подрост-

ком, сохранившим, вопреки жестокой реальности тех дней, благородство, добрые чувства, мягкое сердце. На глазах Сосоии героя повести «Я вижу солнце», маленькая горная деревушка Грузии теряет одного за другим своих сынов в войне, похоронные извещения с фронта приходят, как злые, беспощадные вестники человеческого горя, дети заменяют взрослых на трудной работе, но кончается война — и теперь уже повзрослевшие дети начинают свою собственную историю жизни. Жизни, опаленной войной, ранними утратами, но и ранним пониманием смысла жизни во имя других людей.

В повести «Я вижу солнце» много общего с первой замечательной повестью (и фильмом) — мальчик Сосоия, добрый, не лишенный чувства юмора, живет с тетей, учительницей. Начинается война. Великолепно написана сцена проводов на фронт. В ней есть и суровая правда горя, и чувство мужества, и глубокий психологизм. Незабываема сцена, когда духовой оркестр молодых музыкантов под руководством старика-капельмейстера играет прощальный марш. Потом оркестранты складывают инструменты на траву и прощаются с капельмейстером. Они уходят на фронт. Старик «стоял, закрыв лицо руками, а на траве сиротливо валялись инструменты». Прощание с мирной жизнью, надеждами дано как разлука с музыкой.

Но музыка осталась в душах тех, в ком она жила и раньше.

Не было ее в душе бригадира Датико, ставшего дезертиром, предателем, который прячется в лесу, как зверь. Люди отворачиваются от него. Он совершает убийство из ревности, но не в силах жить один, без людей. Пытаясь заслужить прощение, он с риском для жизни спасает слепую девочку, но люди отворачиваются и уходят, оставляя его одного. Народный бойкот, молчаливое презрение страшнее для Датико, чем наказание. Он приходит с покаянием, но и тут люди... не замечают его.

Датико — образ романтического злодея. Форма в повести Н. Думбадзе форсирована в национальном духе. Русскому читателю она представляется, быть может, несколько оперной, что ли. Но так виднее, показательнее трагедийное начало темы преступления и наказания, которое всегда, как мы убедимся ниже, будет волновать писателя. Интересно, что в последующем творчестве тема преступления, убийства или попытки убийства, ложного обвинения в уголовном преступлении, занимая по-прежнему важное место, постепенно освобождается от акцента романтизации поступка, приводящего к тому или иному состоянию героя.

Но вернемся к повести «Я вижу солнце». Трогательные в своей благородной простоте, самоотверженные характеры рисует

Думбадзе в повести. Вот Сосойя и слепая девочка Хатия едут, одолив осла, по деревням, чтобы обменять старое ружье и сапоги покойного отца — реликвию семьи — на хлеб. В одном селе они остановились на ночлег. Супруги, приютившие детей, хотят совершить обмен, хотя им самим трудно жить. Дети видят на стене портреты их сыновей-близнецов в военной форме. И девочка начинает рассказ, который от начала до конца — спасительная ложь: она якобы слышала, что эти близнецы живы и скоро вернутся домой. Мать близнецов плачет от счастья: появилась надежда. Но муж ее понимает, что дети хотят утешить его жену, и благодарен случайным постояльцам. Наутро, когда дети продолжают путь, хозяин возвращает им ружье и сапоги, но отказывается взять обратно мешок с хлебом. «Я не мог больше сдерживать подступивших к горлу рыданий...», — говорит рассказчик, маленький Сосойя. Эта необходимая вставка-новелла о путешествии детей в поисках хлеба оборачивается прекрасной притчей о человеческом участии, о благородстве, которое выручает людей, когда они хранят в душе своей светлое чувство солидарности в беде народной. Свет этого Солнца дороже всего...

Прекрасны картины пробуждающейся любви, трогательно чистой и целомудренной. Ночью Сосойя и Хатия сидят во дворе. Над ними южная звездная небесная высота.

«— Ты ведь красивый, Сосойя?

— Хорошо еще, что ты меня не видишь!

— Тебя я вижу, Сосо, тебя вижу и солнце, а больше ничего... — сказала Хатия...

Я обнял ее за плечи и притянул к себе, и Хатия мягко повиновалась моим рукам. Я опустил ее голову себе на колени и, наклонившись, осторожно поцеловал ее глаза, потом губы, потом шею и опять губы, и мы оба замерли так на какое-то время. Когда я поднял голову, Хатия улыбалась, а по щекам ее медленно катились слезы.

— Хатия!..

— Молчи, Сосойя... — прошептала она.

Я лег на спину у ног Хатии и стал смотреть в небо».

...Я вспомнил другую сцену — в романе «Закон вечности», когда подросток Бачана уводит из села красивую женщину Тамару, чтобы спасти от позора, и та плачет, целуя его, где-то далеко за селом: «— Боже великий!.. Бачана, солнце мое, откуда ты пришел в мою жизнь... Счастье мое, горе мое...» И та сцена заканчивается как молитва, высоко и чисто.

...И еще одна картина. Бачана — известный писатель, переживший много в жизни и встретивший сильную любовь. Жен-

щина эта пережила страшное, ей кажется, она никогда не очистится от грязи... И вот она перед ним на снегу обнаженная... И над ней огненный шар солнца. Символика белизны и красного цвета. Чистоты и жизни. Потом дети, идущие из интерната, остановились как вкопанные: «На поле Самадло голубым прозрачным пламенем горел снег...»

Поэзия способна преобразовать грязь в чистоту. Когда, как сказано у русского поэта, девица «с челкой и пудрой в сантиметр», на чьей блузке «вся дактилоскопия малаховских ребят», вдруг, очищенная слезами, «ошеломив вагон», «чище Беатриче» сбегает на перрон... Или, как говорит другой поэт:

**Женщина от пошлых пятен жирных
штормом очищается сама,
и под кожей в беззащитных жилках
закипают с грохотом шторма.**

Но иногда такое «очищение» — только эффектный уход от трагедии. Н. Думбадзе подымается — над фактом, событием, случаем — к тому закону вечности, который зовется пониманием и сочувствием к боли ближнего... Он не хочет судить одни поступки. Они бывают алогичными, вынужденными, случайными. Он судит человека главным судом — испытанием на человечность.

Поэзия «очищает» человека условно. Жизнь — самым настоящим образом. Здесь, в жизни, идет вечная борьба за душу личности.

Видеть солнце для Н. Думбадзе — постоянно ощущать в сердце звенящую музыку любви к другому человеку, готовность принести себя в жертву, совершить подвиг во имя любви.

Стремясь к закону вечности, ставя философские вопросы бытия, пытаясь разгадать вечные загадки совести и мироустройства, художник не может не соприкоснуться с материалом человеческой истории, выходя на просторы библейских тем, проблем христианства.

«Боже мой, боже мой, зачем ты покинул меня! — прошептал больной, но тут же понял, что слова эти произнес не он и потому бог не услышит их». Это в полубредовом состоянии — Бачана. Его подсознание. Ибо сознание атеиста противится признанию бога.

«Боже праведный, неужели ты не видишь это? А если видишь, то где же твое могущество?!» Это — тетя Бачаны, впавшая в отчаяние. На ее руках больной, нервно потрясенный мальчик, Бачана, родителей которого не осталось на этом свете...

Вот еще один сон Бачаны, взрослого, после инфаркта: он на жеребенке несется к белому храму. Вот он стоит на коленях перед богоматерью с младенцем на руках. «Господь мой, ^{в этот} ~~в этот~~ ^{поду-} ~~поду-~~ ^{мал} ~~мал~~ Бачана, опускаясь на колени...»

В бреду Бачана видит Христа. До этого семь дней он пробирался пустыней. Его жгло немилосердное солнце. Он видит сначала солнце, а потом от него как бы отделяется юноша: «Худошавый, босоногий, голубоглазый юноша глядел на него, и Бачана не мог понять — стояло солнце за ним или сияющий нимб озарял голову юноши».

Вслед за историей подлеца и взяточдателя, посетившего в больнице Бачану, идет разговор об Иуде.

Еще один сон Бачаны связан со «смертью Солнца». Солнце говорит, что оно — «пылающий дух почивших в любви людей».

Рассматривая темы божественного начала в жизни, апеллируя к библейским мотивам, писатель наших дней проецирует их на современное сознание с его трезвым материалистическим пониманием причинности, логики жизненных процессов. Ум бьется в загадках бытия, и библия, ее мифы и апокрифы — только странный, причудливо сохранивший свою власть код «иных начал», как сказал бы Бараташвили. Но сами «иные начала» почти язычески связаны с жизнью земной...

Если проследить вязь смыслов в повествовании о судьбе Бачаны (да и в другом романе, «Белые флаги»), заметим любопытную закономерность: божественное идет рядом с языческим культом Солнца.

Постоянное варьирование белого и красного проходит основной цветовой гаммой «Закона вечности». Символика двух этих цветов олицетворяет на протяжении романа не одно и то же. Один из снов Бачаны: цветущая акация, белый храм и поле алых маков, на котором стоял белый жеребенок. Проснувшись, Бачана видит сестру в белом халате. Сестра считает ему пульс. Бачана «чувствовал, как текла по жилам кровь...» Кровь всегда означает жизнь. Вспомним, как дед Бачаны узнает, что его малолетний внук убил человека. Когда старик понял, что убитый — дезертир Глахуна, убийца, волк, а не человек, дед «вдруг почувствовал, как в его старые жилы из раскаленной руки внука стала вливаться кипучая кровь, как она горячей волной проинкла сперва в грудь, потом в виски».

Белое означает то противоположное жизни, то чистоту, но такую, какой должен обладать солнечный свет, чтобы жизнь стала в полной мере Жизнью.

Высокое, духовное у Н. Думбадзе никогда не абстрактно, надмирно. Когда Бачана спросил Марию: «Это молитва или жалание?», она ответила: «А разве это не одно и то же?»

Библия для художника — кладезь мудрых, отшлифованных мыслей о жизни, а не свод канонов и догм. Дядя Георгий, добровольный смотритель старинной церкви в горах, говорит: «...Когда люди разрушают чужие святилища, взамен должны строить свои храмы, больше и красивее прежних...» Разве это только об «охране памятников»? Конечно, нет. О памяти поколений, нравственном смысле истории, о ведущих идеях человечества. О луче, освещающем путь в будущее...

Вот почему, когда к Бачане приходит в редакцию некий «гуманоид», он говорит писателю: два раза спасали человечество пришельцы с другой планеты — когда царил Содом и Гоморра и когда случился Всемирный потоп. Теперь они решили действовать иначе: они вселяются в души великих людей и через учения гуманистов спасают мир — не в этом ли ряду долг писателя?..

В диалектике мыслей Бачаны о казусе Иуды — та же забота о реальных путях человеческих поступков и стремлений. Бог испытал Иуду, дав ему в руки веревку, и потому «избавил от греха одиннадцать человек». Испытанием было для народа возведение Христа на Голгофу. Народ ждал от меня чуда, говорит бог. Потому и променял меня на вора, от которого не ждал ничего. «Это было второе, преждевременное испытание мною детей Адамовых, и это была вторая ошибка моя». А первая — в том, что дал человеку приют в раю. «Не волею другого, а потом, кровью и верою своей должен прийти в рай человек!»

Внимательнейшим анализом преступления и наказания является по сути роман «Белые флаги». И одновременно философским ракурсом темы вины. Недаром в центре повествования без вины виноватый юноша, Заза Накашидзе. «— Я — Заза Накашидзе, сын Ноя. Я и мой отец дали начало роду человеческому, и с тех пор...» И с тех пор тянется и вьется непрерывная нить вины человека перед другими людьми...

Я думаю, в зародыше этого романа уже таилась мысль о том, что человеческое общество, даже в самом справедливейшем из вариантов, не может представлять пока идеальной модели общезжития. И камера, в которой встретились убийца, взяточник, насильник, невинный и до какой-то степени виноватый, представляет собой как бы модель самой жизни, где тоже все смешалось и не так просто отделить зло заведомое от неумышленного зла, а вину времени засчитать за вину индивида. Парадоксальность ситуации, взятой как предмет художественного осмысления

Н. Думбадзе, заключена в том, что «падшие» судят мир окружающий порой острее и нелюбезнее, нежели те, кто находится по ту сторону тюремной ограды. Как и в том также, что судят они и друг друга беспощаднее и бескорыстнее, чем мы, их «судьи» (а судьи кто? — помните?..).

Разбирая постановку «Обвинительного заключения» (так назван в театре им. Руставели спектакль по роману), искусствовед Этери Думбадзе¹ пишет: «...Тут нас подстерегают неожиданности. Никто — в том числе и мы, зрители, и большинство сидящих в камере — не склонен, видимо, обелять или оправдывать воров и грабителей, достигнутых правосудием и ждущих неизбежного возмездия. Но коль скоро мы замечаем в них хоть какие-то проблески человечности или черты натуры и психологии, располагающие к ним, — гневное осуждение их образа жизни начинает соседствовать в нас с требовательным участием в их будущей судьбе...» В такой позиции критика — глубокое понимание как замысла автора, так и лучших традиций литературы. Великий Достоевский в записках своих с каторги, романах поднялся на такую высоту «очеловечивания», казалось бы, исчерпанной человечности, с такой болью о Человеке писал о преступниках явных и потенциальных, вынужденных и завершающих в тюрьмах путь преступного развития, заложенного в натуре их еще с дней младости, — что показал надолго истинный путь гуманизма в искусстве. Н. Думбадзе шел здесь и от отечественных грузинских традиций и от лучших традиций мировой литературы.

Габриэль Гарсия Маркес в интервью мексиканскому журналу «Сьемпре» говорил: «Чувство солидарности, которое для меня то же самое, что для католиков святое причастие, имеет, мне кажется, вполне ясный смысл. Я хочу сказать, что в каждом из своих действий каждый из нас ответственен перед всем человечеством». В той же степени можно сказать, что «чувство солидарности» есть для художника и чувство родины. Что я имею в виду? Когда, например, дружный самосуд камеры над подлецом, склонявшим к сожительству жену арестованного ранее друга, достиг своего апогея, мы являемся свидетелями не только вспышки нравственных чувств в душах, казалось бы, закоренелых преступников, но и проявления национального характера, которому в высшей степени свойственно уважительное отношение к женщине, святость мужской дружбы... Даже убийство не несет на себе проклятия такого, какое вызывает покушение на честь дру-

¹ Э. Думбадзе, Т. Маргвелашвили. Искусство слова. Слово об искусстве, Мерани, 1981, с. 191.

га, честь женщины. Потому и права, по-моему, Этери Думбадзе когда пишет: «...У зрителя с естественным неприятием и осуждением их личных пороков и заблуждений все время соседствует глубокая симпатия к народам, которых эти персонажи представляют. Человек не сводится здесь к своим порокам, его «человеческий фон» гораздо шире и глубже, а в лучших своих «чертах» и «красках» восходит к народу, его породившему»¹.

В народе происходит «очищение». Не в абстрактной идее всечеловечности и максимах нравственности религий или догм иного порядка. В народе. И в истории. Вера в добро, в его победу, в «белые флаги» доверия к правде общества и его законов — вот какие нравственные доводы предлагает Н. Думбадзе в своей пристрастной и горькой истории одного ложного процесса над безвинным человеком.

Есть две философии, сколько бы ни напускалось тумана на проблему общественного наказания. Одна именуется порой теорией «щепок», которые летят при рубке «леса». Другая исходит из ценности «щепки» настолько, что все моральные, нравственные, политические вопросы проверяет болью живого, какими бы «малыми» ни казались такие понятия, как «слеза ребеночка», или судьба «случайно» срубленной ветки... Вторая философия истинна во все времена, на все времена. Искусство имеет лишь с ней точки соприкосновения.

Пассивное отрицание вины — не путь самоусовершенствования человека и общества. Бачана открыл для себя «закон вечности»: «Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее до бесконечности...»

Такой закон противостоит идее спасения единоличной души, проповедываемой религией христианства. Спор Бачаны с настоятелем Ортачальской церкви святой Троицы Иорамом Канделаки есть спор о том, на коленях или распрямившись должен жить человек. «— Вам-то легко, к вам люди идут на коленях и просят лишь одного — спасения души... — Бачана махнул рукой». И далее: «Вы оперируете универсальной, всеобъемлющей, не обязывающей ни к какой ответственности формулой: «На то была божья воля!» или «Не было божьей воли!» Удобная формула, ничего не скажешь!..»

¹ Э. Думбадзе, Г. Маргвелашвили. Искусство слова. Слово об искусстве. Мерани, 1981, с. 193.

Читая это у Н. Думбадзе, я вспомнил то место в новом романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», где говорится о думе Едигея, героя романа, который так обращается мыслью к богу: «...Когда я обращаюсь к тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через тебя к себе, и дано мне в час такой мыслить, как если бы мыслил ты сам, создатель». И, думая о своем герое, уже автор, с волнением и сочувствием следя за судьбой Едигея, воскликнет: «Как постигнут они (герои романа, люди, подобные Едигею — **Вл. О.**) сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них вдруг оказался бы богом?».

Века и века понадобились человеку, чтобы, отделив от себя судьбу свою, назвав богом власть над собой природы и обстоятельств, он снова возвратился к себе, как источнику — единственному — воли и действия в сложном и запутанном мире!

Советская литература горда именно этим — чувством достоинства личности. Только оно способно увидеть себя в мире, в среде людей, таких же, как ты, сильных и одновременно слабых. Но слабость человека тоже в нем самом! Видеть солнце — значит видеть цель, и видеть не одному, а всем. А кто не видит или видит пока хуже тебя — открыть глаза ему. Чтобы и он увидел солнце...

И если солнце — это «пылающий дух почивших в любви людей», то никогда не оскудеет любовь в этом прекрасном мире!

Лали АВАЛИАНИ

ЛУННЫЙ ИЗБРАННИК

ТАМАЗ Бибилури — мастер поэтической прозы. Поэтичен стиль и его насыщенных лаконичными диалогами маленьких зарисовок («В укромном месте», «Прощание»), и преисполненных «эпической степенности» рассказов и романа («Жалоба», «Помоги! — сказал он»). Писатель добивается этого путем мастерского сочетания таких компонентов, как ритмичность, музыкальность, художественный и эмоциональный язык, приподнятый тон и других, создающих неповторимое звучание его произведений.

По словам Сомерсета Моэма, «прочнее то, что поэтично», не ли верить этому высказыванию, следует признать особую ценность рассказа Тамаза Бибилури «Сын луны» об извечном конфликте между художником и прагматиком.

Как известно, образ луны имеет глубокие мифические корни в сознании грузинского народа. Именно на этом и строится упомянутый рассказ, где трансформированная в соответствии с современностью луна по-прежнему хранит свою «тайную» силу.

Подробнее этого вопроса я коснусь ниже. Сейчас лишь напомню, что сын луны в рассказе Бибилури зовется Георгием. У Иванэ Джавахишвили же читаем, что «в сознании грузинского народа еще со времен язычества святой Георгий занимает место высшего божества — луны».

Возвышенное соседствует с низменным, добро — со злом, сложное уживается с простым, прекрасное с уродливым, смотрящий в небо — с устремившим взор долу. Так велось испокон веков, так будет и впредь...

«И сорняк равно, как роза, освещается лучами»¹, вот и послало провидение злomu, ограниченному человеку сына, подобного «нежному подснежнику на голубом снегу».

Эта контрастность придает необычайную выразительность образам отца и сына.

Отца — своенравного, угрюмого и надменного — не жалуют в деревне. «Он не любил весь мир... не считался с деревней, не нуждался в ней и ей тоже был не нужен». С самого раннего утра и до позднего вечера хлопчет он на винограднике. Но труд не доставляет ему никакой радости, никакого удовлетворения. Не испытывает он и присущей грузинскому крестьянину благоговейной любви к лозе. К вину тоже относится без особого почтения. «Он не пил больше одной бутылки, даже если бы сидел перед открытым квеври».

Все это — и земля, и лоза, и вино — имеет для него лишь утилитарное значение. Такими были и его предки. «Отец и дед человека тоже были злыми и упрямыми».

У человека одно заветное желание — сделать сына своим двойником. Тогда он спокойно уйдет из этого скучного мира, в котором пребывает в постоянном страхе, и все, ради чего трудится денно и нощно, оставит своему двойнику, своему наследнику. Но сын не стал его двойником. Вот тут-то и коренится

¹ Строка из «Витязя в тигровой шкуре» в переводе Ш. Нуцубидзе.

начало конфликта между отцом и сыном — «он боялся своего сына, потому что мальчик рос чужим, с каждым годом все больше отдалялся от отца».

Сына — свою полную противоположность — отец любит мучительной скрытой любовью: «Был в этом мире некто, кто безраздельно властвовал над ним. Этим властелином являлся мальчик. Но никто этого не знал. Не знал и сам мальчик. Не знала деревня. Не знал и сам он».

Отец не смог достичь желанной цели, не сумел «создать» сына по своему образу и подобию, не смог завладеть его чувствами и мыслями («Ему хотелось проникнуть в мысли сына, и в то же время он отчаянно боялся этих мыслей...»). Окончательно убедившись, что перед ним чужой, он замахивается на него. До сих пор отец не поднимал руки на сына. Сын, оскорбленный, решительно отворачивается от отца.

Охваченный ужасом, отец с топором в руках кидается к лозе и безотчетно начинает вырубать ее (лоза ведь имущество, которое он собирался оставить сыну). Оставшись один, он, рыдая, впервые признается самому себе:

«Все для тебя хотел... а тебе ничего не надо...»

В финале рассказа мы становимся свидетелями «очеловечивания» отца: «Земля превратилась для него в безлюдную выжженную планету, на которой была единственная дорога. По дороге шел понурый мальчик, и если бы он не догнал его, то остался бы совсем один на этой безлюдной планете».

Любовь к сыну и страх одиночества вынудили отца побороть свое упрямство и просить у него прощения. Мастерски изображая это состояние, автор вызывает у читателя жалость к своему герою.

В «Сыне луны» чередуются, но в конечном итоге предстают в гармоническом единстве две различные манеры повествования: с одной стороны, романтическая, возвышенная, созвучная с образом сына луны (в общем — поэта), с другой, исполненная жизненной реальности, почти натуралистическая, к которой автор прибегает для изображения отца, этого земного человека.

«В ночь полнолуния мальчик не принадлежал самому себе. Всем его существом как будто управляла неведомая сила. Мальчик боялся ее, но это был страх, наполнявший его приятным блаженством. Подобных ночей он никогда не забывал, но и не открывал никому своей тайны. В полном уединении он предавался чувственному экстазу слияния с безграничной вселенной, с нетерпением ожидая восхода луны».

Изображая отца, автор сознательно меняет стиль: «Угрюмый,

неприветливый, шел он через всю деревню к роднику. Народ у родника расступался, если под струей стоял кувшин — его отставляли. Ни с кем не заговаривая, без извинений, он подходил к роднику и подставлял под воду ладони. Долго, усердно, шумно сопя, кашляя и ругаясь, умывался, плевался, бросая косые взгляды на уставившихся на него людей. И хотя был уверен, что никто не осмелится подойти к нему, все же вызывающе оглядывался по сторонам, с расстановкой пил несколько пригоршней воды и, бормоча про себя, уходил домой.

А вслед ему несло молчанье мужчин и тихие проклятия женщин».

Можно привести массу подобных примеров. Но ограничимся лишь этими. Тем более, что обе на первый взгляд отличные друг от друга манеры повествования объединяет реалистическое видение автора, его ясный, простой стиль. Эта простота и естественность создают естественный, пронизанный светлыми красками фон символике рассказа.

Изображая отчаянное положение, в котором оказался «земной человек», писатель изменяет, точнее, сознательно отказывается от вышеупомянутого приема и ведет повествование о несчастьях отца мальчика (страдание облагораживает человека, и он в этом случае «достойн» высокого стиля) в совершенно иной манере. «Покинутый сыном отец внезапно ощутил страх, он вдруг сжался в комок, безвольно опустился на камень. В эту минуту мир превратился в темный храм, единственная свеча, которая тускло светила в нем, и та оказалась погашенной грешником.

В храме воцарилась тьма».

Эта сама по себе прекрасная метафора представляется мне реминисценцией стихотворения Николоза Бараташвили, что, естественно, совершенно не умаляет ее достоинства.

«Я нашел приют, он вознесся тут — в мертвой пустыне.
Тут светильник был, что векам светил, светит и ныне.
...Где мне снился храм, — уж пустыня там ширится снова...
...Свет отпрянул прочь, и простерла ночь сумрак покров».

(Перевод К. Липскерова).

Единственное блаженство, радость, «священный светильник» отца — его сын.

«Мальчик рос поэтом. Вернее, он потом должен был стать поэтом».

Для Тамаза Бибилури поэзия — небесный дар. Он четко разграничивает поэта и версификатора. Это подтверждается его же

словами из рассказа «У несчастной старухи», когда, описывая
похожего на ряженого среднего брата Гогнаури, он пишет:
«Средний, который не выпускал из рук чонгури и постоянно
находится здесь, в городе, и пишет стихи» (автор не говорит, что
он поэт!).

Мальчик не похож не только на отца, он выделяется и среди односельчан. Народ находит в нем сходство с небесным посланником.

Мир отца скучен, неинтересен. Между отцом и сыном лежит невидимая граница, которую первый не в силах переступить. Мальчику ясны цели отца, но они неприемлемы для него. Он безропотно подчиняется воле родителя, механически выполняет повседневную работу. А отец, чувствуя эту отчужденность, старается отвлечь мальчика от его мыслей — дает ему все новую и новую работу.

Мальчику жаль отца, замкнутого, недоверчивого, нищего духом человека, поэтому он безоговорочно подчиняется ему. Но настала пора прощания с детством, пора становления.

«В мальчике просыпалось чувство протеста, жалость к отцу смеялась враждебностью, и он боялся этой враждебности. Он знал, она скоро пройдет, но все равно страшился этого унижительного чувства».

А отец желал лишь одного — сын должен быть похож если не на него, то хотя бы на своих сверстников. Он боялся, что его, беспомощного и слабого, могут обидеть, боялся, что посчитают ненормальным, лунатиком. И не понимал, неразумный, что ему следует радоваться, ибо жизнь мальчика озарена светом иного мира. Его сын Георгий — избранник луны, сын луны.

Луна — сложный образ-символ, питающийся корнями грузинского фольклора, а также эстетический феномен, относящийся к категории возвышенного.

Поясняя точку зрения Канта о возвышенном («Возвышенным можно назвать грандиозные предметы или явления природы»). Бачана Брегвадзе прибегает к словам американского писателя и философа Ральфа Эмерсона: «Можно подумать, что атмосфера прозрачна для того, чтобы представить человеку вечную презентацию возвышенного в виде светила... Эти посредники прекрасного предстают перед нами каждую ночь и озаряют мир своей волшебной улыбкой» (Б. Брегвадзе «Псевдо-Лонгин и его трактат»).

Каждую ночь, сбросив с плеч тяжкий груз повседневности, мальчик, рожденный для наслаждения прекрасным, спешит на встречу с луной.

Автор приобщает нас к красоте летней ночи, и, пользуясь классификацией Гете, можно сказать, что он «теплыми тонами» (желтым, оранжевым, красным) как бы создает живописное полотно восхода луны: «Вершин хребта уже коснулась желтизна, пожелухлая желтизна. Выходила луна. А вершины между тем желтели все больше, отливали золотом и вот уже пылали раскаленными угольями, и в мареве над пылающей завесой появлялась луна». (Этот пассаж — еще одно свидетельство мастерства писателя, его умения создавать яркие зрительные образы).

Приобщение к прекрасному «не подавляет человека, а возвышает его, пронизывает все его существо сознанием грандиозности вселенной, собственного нравственного величия и чувством самоуважения» (Б. Брегвадзе).

Вспомним, что приобщенного к величавой предрассветной тишине мальчика переполняет «чувство самоуважения»: «Мальчик стоял и слушал тишину. Он понял, что и тишину можно слушать. Это была предрассветная тишина, и мальчик вспомнил слова бабушки: перед рассветом замирает даже река.

...И в этой тишине мальчика охватила необъяснимая гордость».

Поэтому ему так желанны вечная красота луны и безмолвие ночи. Луна обостряет в нем восприимчивость к прекрасному, приобщает к ритмам природы, выявляет его подлинное «я».

«Мальчик знал, что там, на луне, недавно побывал человек, но от этого она не утратила своей таинственности и загадочной красоты. Он был очарован ею, как обычно бывает очарован театром зритель, который знает, что на сцене, окутанной мраком, восходит ненастоящая луна и ненастоящие деревья отбрасывают таинственные тени летней ночи. Знает и все же ждет чуда. И для мальчика эта луна не была настоящей и деревья не были настоящими. Все было как будто выдуманным, нереальным, более красивым, чем в действительности, далеким, недостижимым.

...И что всего сильнее манило его к себе, так что он не мог противиться этой силе, была мысль о луне.

...Мысль о луне — совершенно иная, столь же таинственная, как и она сама, столь же наивная и преходящая, как лунная ночь».

Тамаз Бибилури показывает процесс формирования в мальчике поэта («Мальчик еще не знал, останется ли эта ночь с ним, как большая тайна, или он завтра же кому-нибудь расскажет о ней»). Мальчик еще не поэт, но он поэтически воспринимает такие, казалось бы, «прозаические» картины, как мчащийся в ночи поезд или падающие в саду груши.

«Вдалеке показался поезд — поле как будто осветилось светлячками, нанизанными на невидимую нить. В памяти мальчика на мгновение возникла знакомая картина — перелет светлячков через ночное поле. Но сейчас ему хотелось одного — по-дойти поближе к поезду... В сердце мальчика засела маленькая грусть по уходящему поезду». Эта «маленькая грусть по уходящему поезду», которую каждый из нас, наверное, испытал в свое время, вызвала у меня ассоциацию с прекрасным стихотворением одного французского поэта-символиста. Называется оно «Маленькое несчастье августа» и рассказывает о гибели воробья.

Художественно фиксируя ритм ночного безмолвия, автор как бы прибегает к синтезу музыки и слова: «С ущелья подул ветерок, и в саду с дерева упала груша. Потом упали еще две, одна за другой. Мальчик не раз видел падающие груши на утренней траве, но никогда не слышал, как они падают на землю, и не знал, как это звучит в ночной тиши. Снова подул ветерок, и снова попадали груши. Как будто кто-то отбивал монотонный ритм. Удар... тишина... продолжительная тишина. Удар — один, другой, третий... снова тишина... Под конец новый порыв ветерка и снова воцаряется тишина».

Мальчик прощался с детством. Теперь он мог осмыслить то, что раньше приводило его в трепет. Сознание его сформировалось, чувство уверенности подавило беспочвенные страхи. Он преодолел страх перед ночным лесом и кладбищем. И теперь был свободен. Эта свобода помогла ему побороть страх перед отцом. Конечно, мальчик не отказывается от отца, он прощает его. Об этом свидетельствует финал рассказа: «—Что теперь будем делать? — спросил отец. — Сначала поставим хижину, — ответил мальчик. Они сидели спиной друг к другу».

Эта картина в определенном смысле символична. Здесь же отмечу, что примирение сына луны с земным человеком не противоречит традиционному грузинскому пониманию поэзии:

**По земным иду дорогам,
Сын небес, рожден в народе...**

(Перевод В. Звягинцевой)

**Дитя падений и высот,
Я жизни отголосок...**

(Перевод Б. Пастернака)

К поэтическим строкам Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели я бы добавила еще одно высказывание. Это слова Тициана Та-

01.0035944
202-1110133

бидзе: «Голубой цветок» в Грузии имел красный стебель. грузин небо и земля всегда были едины...»

Последние строки рассказа говорят именно о гармоничном единстве «земли» и «неба» и, вместе с тем, о раскрепощенной воле одержавшего победу поэта...

«Не покладая рук мальчик до самого захода солнца мотыжил, а в сумерках отправился домой. У огромного валуна присел на пригорок. Он ждал появления луны».

Я была бы не до конца искренней, если бы не указала на единственную, с моей точки зрения, фальшивую фразу в рассказе. Удивительно зримо рисует автор восприятие мальчиком ночного пейзажа. Прекрасен последний аккорд: «Поезд кричал на все поле, и перед мальчиком с грохотом прочосились вагоны. Сотрясалась лунная ночь». И совершенно неожиданно, психологически неоправданно желание мальчика: «Хоть бы когда-нибудь мне полететь на луну!».

В эпоху космонавтики об этом, наверное, мечтает каждый обыкновенный мальчик. Но ведь Георгий как раз необыкновенный мальчик! (Именно это и огорчает его отца). И разве сам автор не выразил его сокровенных мыслей — «там побывал человек, но луна не утратила своей божественной недосыгаемости!». Это как раз та обостренная восприимчивость к прекрасному, которой так щедро наделил писатель своего героя.

А наш современник «луноликий» Георгий — потомок того хевсура, который взывал к луне:

Эх, счастливая луна,
Ты все знаешь про землю,
Если спрошу у тебя, может поведаешь
Об одном крае?

(Перевод подстрочный).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ НАРОДНОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

НАД научным освещением актуальных проблем поэтики много работают исследователи национальных литератур нашей страны. В частности, в грузинском литературоведении в последнее время наблюдается повышенный интерес к проблемам поэтики стиха. Так, например, только за последние два-три года издано несколько монографий, посвященных различным вопросам стихосложения. Однако народное стихосложение до сих пор остается наименее изученной проблемой грузинского литературоведения и фольклористики. В этом отношении особый интерес вызывает новая монография кандидата филологических наук Дж. Бардавелидзе «Грузинское народное стихосложение» (Тбилиси, издательство «Мецниереба», 1979, на грузинском языке).

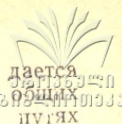
В течение последних двадцати с лишним лет Дж. Бардавелидзе систематически, целенаправленно и плодотворно изучает поэтику народного стиха. Им опубликован ряд работ по данной проблематике. Такие исследования ученого, как «Акцентные особенности грузинского народного стиха», «Вопросы грузинского народного

стихосложения (рефрен, рифма, строфа)», «Размеры грузинского народного стиха (шайри и фистикаури)», «Роль исполнения в сложении народного стиха» и другие являются значительным вкладом в грузинскую фольклористику в целом.

Новая монография Дж. Бардавелидзе — результат многолетних разысканий автора в области структуры грузинского народного стиха. Фактически в этой монографии впервые грузинское народное стихосложение стало предметом специального всестороннего изучения. До последнего же времени вопросов народного стиха касались главным образом в связи с другими проблемами литературного стиха.

Рецензируемая монография состоит из введения, восьми глав и краткого резюме на русском языке.

Во введении дан обзор истории изучения грузинского народного стихосложения, указано на все сколько-нибудь значительные исследования ученых, начиная от первого грузинского поэтического трактата «Чашники» («Проба») Мамуки Бараташвили и кончая работами современных авторов, показан вклад каждого из этих ученых в разработку данной проблемы. В новой своей книге исследователь поставил себе целью углубленное, комплексное изучение древнейших форм народного стихосложения, его эволюции от простейших до сложных и совершенных поэтических форм. Отдельные главы монографии посвящены вопросам взаимоотношения стиха и песни, историко-сравнительному изучению народного стихосложения, выяснению специфики, функции и роли различных компонентов стиха: (рефрен, строфа, рифма). В пос-

ледних двух главах исследуется ритмическое строение пословиц и особенности стихосложения грузинских заговоров.

Наиболее важным достоинством рассматриваемой работы следует считать тот факт, что при изучении того или иного компонента народного стиха неизменно прослеживается путь его исторического развития от генезиса и до современного состояния.

Как известно, сравнительно-историческое изучение стиха может осуществляться в двух основных направлениях, отличающихся друг от друга как по своим целям, так и по методике. Одно из этих направлений — лингвистическое, которое в соответствии с языковедческими интересами осуществляет сравнительно-историческое изучение структуры стиха. Сущность второго направления заключается в литературоведческом изучении истории его генезиса и эволюции. Конечно, такое деление стиховедения весьма условно, но оно дает более ясное представление о предмете и его истолковании. Исследователь прав, когда отмечает, что «у нас не может быть правильного представления о генезисе и эволюции стиха, если мы удовлетворимся только лишь лингвистическим анализом и не выясним фольклорной среды». Нельзя не согласиться с ним и тогда, когда он подчеркивает необходимость знания среды, в которой исполняется стихотворение, и его конкретные функции.

При определении основных этапов эволюционного развития стиха и его соотношения с песней автор основывается на материалистическом марксистско-ленинском понимании истории искусства вообще. Исходя из такой методически правильной предпосылки, в монографии подробно анализируются многочисленные

фольклорные материалы, дается цельное представление об наиболее универсальных путях развития стиха.

Одной из его основных особенностей на ранних ступенях развития является хоровой характер исполнения. В то отдаленное время личность исполнителя еще не выделялась из хора, у нее еще ограничены способности индивидуального творчества. Хотя каждое произведение (песня) первоначально, безусловно, зарождается в голове отдельно взятого индивида, окончательно оно отшлифовывается и слагается как самостоятельное художественное произведение только в коллективе (в хоре). Здесь фольклорное произведение еще находится в состоянии синкретизма: танец, музыка и словесный текст выступают в единстве, нерасчлененно, как нечто цельное. Только в последующей стадии развития начинается процесс их дифференциация. Чем древнее народная песня, тем проще ее словесная ткань. Учитывая эти закономерности, исследователь вполне резонно отмечает, что народный стих невозможно изучать в отрыве от музыки, от мелодии. В этой связи очень важной и интересной представляется развиваемая автором мысль о том, что в наиболее древних песнях мелодия превалирует над словесным текстом. Только имея в виду песни сравнительно позднего происхождения, мы можем говорить о примате текстовой части.

По справедливому замечанию Дж. Бардавелидзе, для верного определения природы грузинского стиха большое значение имеет сравнительное исследование метрики различных диалектов и говоров грузинского языка. Грузинский народный стих представляет собой сложный поэтический феномен. Он возник не на каком-

го определенном диалекте. В его формировании активное участие принимали жители всех уголков Грузии, каждый из которых внес значительный вклад. Поэтому исследователь особенностей народного стиха всегда должен иметь в виду это обстоятельство.

Глубоко изучив взаимоотношения стиха и песни на различных этапах развития фольклора, ученый приходит, на наш взгляд, к справедливому выводу о том, что оба эти феномена — стих и песня — возникли одновременно, в одинаковых условиях и исконно были тесно связаны между собой. Кстати, древнейшая традиция песенного исполнения стиха довольно хорошо сохранилась и до наших дней в некоторых районах Грузии — в Сванети, Хевсурети, Земо-Рача.

Таким образом, известное теоретическое положение о том, что народный стих предназначен не для декламации, а для песенного исполнения, подтверждается и грузинскими фольклорными материалами. Если в глубокой древности мелодия доминировала над текстом, то в последующие эпохи постепенно обогащалась текстовая (словесная) часть песни, все более выдвигавшаяся на передний план. Эту эволюцию автор прослеживает на примере развития основных компонентов стиха: рефрена, строфы и рифмы. Исследуя в сравнительном плане песни разных уголков Грузии, он обнаруживает следующую весьма интересную картину: в грузинской народной поэзии мы встречаем стихи самых различных форм и структуры, и такое разнообразие говорит о многовековом и сложном процессе эволюционного развития. Это подтверждается и при изучении отдельных компонентов стиха. Так, например, тонкие наблюдения

Дж. Бардавелидзе над рефренами и припевами приводят его к истокам грузинской народной поэзии. Подробный анализ поэтики сванских «саперхуло» («танцевальных»), хевсурских «мтиблური» («покосных»), гурийско-аджарских «надури» («коллективных-трудовых») и других служит наглядным подтверждением сложной структуры народной поэзии.

Аналогичную картину отмечает автор и в эволюционном развитии рифмы: в грузинской народной поэзии встречаются почти все виды рифмы, имеющиеся и в профессиональной письменной литературе. Рядом с многочисленными поэтически отшлифованными рифмованными стихами мы здесь имеем древнейшие фольклорные стихи без рифмы. В этом отношении исследователь обнаруживает особо ценные и многочисленные материалы в сванских песнях, в хевсурских покосных и в некоторых трудовых песнях гурийцев и мингрельцев. Здесь много стихов без рифмы. А ее отсутствие в этих песнях говорит о их несомненной архаичности. Именно в сванской народной поэзии исследователь находит такие образцы песенных текстов, в которых прослеживаются эмбриональные формы рифмы. Фактически же в сванской народной поэзии рифма сравнительно позднего происхождения.

Монография Дж. Бардавелидзе «Грузинское народное стихосложение» содержит и целый ряд других интересных выводов и положений по поэтике народного стиха. Все они, вместе взятые, дают цельное, правильное представление о генезисе и эволюции грузинского народного стиха, о духовном богатстве народа, свидетельствуют о том, как трудовой народ в течение тысячелетий соз-

давал недостижимые образцы словесного искусства. Желательно было бы издать эту монографию и на русском языке, чтобы она стала достоянием всесоюзного читателя, ибо многие положения

книги, несомненно, окажутся полезными и для специалистов, занимающихся изучением фольклора других народов.

Сергей ЗУХБА, Шота САЛАКАЯ

«И СЧАСТЛИВ Я, ЧТО ЗДЕСЬ РОЖДЕН...»

В ВЫШЕДШУЮ на русском языке книгу стихов Нодара Гурешидзе «Со-причастность» (изд. «Мерани», Тб., 1980) вошли произведения, созданные поэтом в разные годы и переведенные такими замечательными мастерами слова, как М. Светлов, Евг. Евтушенко, В. Луговой, Ю. Лурье, В. Гофман, Ю. Ряшенцев, Н. Генина, Я. Гольцман и другие.

Несмотря на небольшой объем, сборник дает цельное представление о лучших произведениях автора, вступившего в пору творческой зрелости.

Его стихи проникнуты пафосом великих свершений, глубоким лиризмом, неподдельной любовью к родине и гордостью гражданина:

Бьется гулко тревога,
Бьется сердце в груди,
Нами сделано много,
Много дел впереди.

Эти строки из стихотворения «Автобиография» могут послужить своеобразным прологом к книге, выражающим ее общий настрой.

Порою поэт, лучше чем кто-либо иной, как бы одним штрихом способен выделить деталь, характерную для его творчества. Оценка Нодаром Гурешидзе своей поэзии лаконична. Его стихи — «то нежные, то грубоватые». Но в этой лаконичности — преемственность большой поэзии: «дыхание тех, кто в наследство нам дал небес высоту и молчание скал».

Возвышенная, самозабвенная любовь к родному краю у Н. Гурешидзе сродни поэтико-философскому восприятию природы Важа Пшавела. Она позволяет поэту услышать, как «Миндия беседует с листвою», «И встать перед землею на колени», принять как высшую награду: «Пусть хвою на меня осыплют ели», а взамен обрести великий дар:

И в ветерке еще сыром
и колком,
Уж различать, чем дышит
новый день.

Любовь к родине, сознание своей принадлежности к ее талантливому народу и долг поэта слились для Нодара Гурешидзе воедино:

И счастлив я, что здесь
рожден,
Что Грузии рассвет
Меня разбудит,
сбросит сон:

— Трудись,
грузин,
поэт!

Воспевая край,

Где плечи синих ледников,
Где чудо вешних роц,
Где, как поэт, потоки слов—
Бросает капли дождь,—
поэт создает яркие, сочные
образы, своеобразную манеру
письма, позволяющие ему те-
перь уже самому выступать
продолжателем богатых тради-
ций грузинского стиха:

Мы завещаем будущей любви
свои святыни, небеса свои—
все то, что было и пребудет
с нами,—

родную речь и
«Вепхисткаосани».

Не случайно книга Н. Гурешидзе названа «Сопричастность». Духовный мир поэта удивительно естественно вобрал в себя интерес к «вечным» темам и постоянную готовность ответить на запросы своего времени. Ему до всего есть дело. Его волнуют и безоблачное небо над планетой, и японец Ватанабе, сделавший себе ха-ракири в знак протеста против присутствия американских войск в Японии, и проблемы человеческого общежития по законам доброты и справедливости:

Я повторять хотел бы вновь
и вновь,
взволнованный прекрасною
судьбою:
пусть доброта, и братство,
и любовь,
как песня, наполняют мир
собою!

Широта охвата тем не создаст пестроты, порой даже, казалось бы, простая пейзажная зарисовка размерена, наводит на размышления и пере-

ходит в философское обобщение, как это, например, имеет место в стихотворении «Встреча с Шалвой Надибандзе на Дальнем Востоке»:

Сто Арагви, видно, уместится
В полноводном сумрачном
Амуре,

Но Арагви —
вспыльчива, как птица,
И резва,
как пляска под чонгури.

Сядем, друг,
подставим ветру лица,
Поглядим на волны —
кто же знает,—
В море ли седой Амур
стремится

Или же оно
в него впадает.

Грузию называют второй поэтической родиной русских поэтов. Имеющие глубокие корни традиции содружества русской и грузинской поэзии оказывают благотворное влияние и на творчество грузинских поэтов.

Взаимообогащение литератур возможно лишь тогда, когда эстетический феномен одной национальной культуры проникает в другую, и наоборот.

В истории русско-грузинских литературных взаимосвязей таких примеров немало. Поэзия Нодара Гурешидзе не исключение. Выработав собственный стиль, она впитала не только свой национальный, но и поэтический опыт русской классики. Не знаю, насколько верными могут быть сугубо личные впечатления, но все же приятно, когда в творчестве современника обнаруживаешь лермонтовскую глубину («Пока могуч над Картли солнца свет»), брюсовскую четкость («Белый Бакуриани»), граж-

данственность Маяковского. Это подтверждается и русским переводом книги.

Но самое большое ее достоинство в том, что она смогла передать аромат грузинского стиха, волнующий образ лирического героя, его сопричастность нашим заботам и радостям:

Не время дремать
В этой жизни, печальной
и краткой,
Не время стоять в стороне
И вздыхать терпеливо,
Ведь кто-то тебя

В этот миг покупает
А кто-то тебя
В этот миг предает торопливо.

Дай волю коню
И поводья отбрось
напоследок —
Пусть хлещет в лицо
Темно-синяя душная грива,
Пусть ветер теснин ударяет,
Порывист и едок, —
Не сдерживай, всадник,
Стремленья, полета, порыва!

Иосиф КУМСИШВИЛИ

ГРУЗИЯ — В СУДЬБЕ ПОЭТА

ЮРИИ Карский известен русскому читателю, живущему в Тбилиси, не только как переводчик, но и как самобытный лирический поэт, запомнившийся по оригинальной и красочной звукописи, по цветности слова.

В своем оригинальном творчестве он смог подметить точные и типологические детали быта нашего города. Влюбленный в реальность, поэт отображает все то, что несет современная жизнь.

Ритмический стих Ю. Карского близок к песенному началу. Окрыленность его строки просится на музыкальное переложение. Социальная заданность убеждает и характеризует поэта как гражданина.

Концовка каждого из его стихотворений, как заключительный

аккорд, доносит до читателя зримый и вполне сложившийся конкретный образ, утверждающей сутью подытоживающий тематическое и смысловое содержание стиха.

Социальный быт сегодняшнего дня, радость прихода весны, половодье, судьбы поэтов и Грузии в судьбе каждого из них — отправные точки размышлений поэта. Его юношески-взволнованный голос впечатляюще, с жизнеутверждающей силой подытоживает правоту тех идей, которыми поэту необходимо поделиться с читателем.

Ученик М. Рыльского, под чьим чутким и внимательным руководством созревало и крепло его творчество, росло его мастерство переводчика, он своими произведениями выявляет связь, роднящую общность, присущую украинской и грузинской культурам. Тема братства народов, несомненно, находит отклик в его стихотворениях, где судьба поэта — мера ценности судьбы народа.

Ю. Карский принадлежит к плеяде тех поэтов, которые про-

шли войну, разделив тяготы тех трудных лет.

Новая книга Юрия Карского «Песня летит сквозь годы» (издательство «Мерани») — своего рода отчет его жизни и творчества, его поэтических раздумий, дань тому народу, который в годы войны стал его опорой.

Еще в студенческие годы, в Киеве, Ю. Карский переводил Пушкина на украинский язык. Его перевод Н. Бараташвили явился определенной вехой его творческой жизни.

Первая его книга «Великое содружество», изданная в Грузии, была с интересом встречена общественностью. Большинство стихов, вошедших в последний сборник поэта «Песня летит сквозь годы», было опубликовано в местной периодической печати. Собранные вместе, они составили содержание сборника, который, несомненно, найдет отклик у читателя, которому дорога Грузия и люди, живущие в ней.

Открывает книгу цикл стихов, посвященный Ленину. Прекрасно понимая всю сложность избранной темы, поэт со всей ответственностью подходит к социаль-

ному заказу, который ставит перед ним время. В стихотворении «Ленин во всем...» он говорит:

**С ним встречаем утренние зори,
С ним вершим мы каждую мечту,
На границе он с бойцом в дозоре,
С часовым он замер на посту...**

Много стихов в сборнике посвящено Тбилиси.

**Со склона песнь летит на склон,
Она гремит у берегов
В кругу пятнадцати знамен,
В кругу пятнадцати веков!**

Тема прошлого Грузии раскрыта в таких стихотворениях Ю. Карского, как «Полководец Багратион», «Пушкин на Военно-Грузинской дороге», «У домика в Сурами», «Лесе Украинке», «Владимир Маяковский», «Дом на Коджорской», «Молодость Никола Бараташвили».

В этих стихотворениях Ю. Карский взглядом нашего современника проникает в прошлое, осмысливает его с позиций сегодняшнего дня.

Михаил РАЗМАДЗЕ

ВРЕМЯ, УШЕДШЕЕ В КНИГУ

В ДЕКАБРЕ 1852 года Аполлония Сабатье получила письмо, содержащее стихотворение с посвящением «Той, которая слишком весела...» Ни подписи под стихами, ни сопроводительных строк. Первая половина стихотворения рисует нам женщину МИРА ИНОГО: «Головка твоя, жесты, весь вид прекрасны, как прекрасный пейзаж; смех играет на твоём лице, как свежий ветер в ясном небе». Это уже не экзотическая креолка, не плотская мечта о знойных тропиках. Не сопричастность, а РАЗЪЕДИНЕНИЕ. Главными мотивами выступают здесь ЗДОРОВЬЕ и тела и духа женщины, недоступной поэту, ее ВЕСЕЛЬЕ и ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ, ощущения, тоже недоступные ему, откуда и горечь финала: желание «наказать» веселый нрав и «радостную плоть» той, которая слишком весела, ядовитым общением с надломленным современником. Речь идет о первом из девяти стихотворений, отправленных Бодлером Сабатье анонимно, речь идет о том недостающем звене, долженствующем завершить многогранную тему ЖЕНЩИНЫ в «Цветах Зла». После философского «ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ ВЫЛЕПКИ ГЕНИЯ», после «сестер»-лесбиянок, после экзотической стихии плоти, воплощенной в стихах к Жанне, поэту не хватало чисто духовного идеала, СВОЕЙ Беатриче.

С Сабатье поэт познакомился еще в период «былого величия» (до 1844 г.), но близких отношений у них не было. В дальнейшем они изредка встречались. Было в этой женщине нечто ободряющее. Дело в том, что парадокс Аполлонии Сабатье заключался в самом ее оптимизме: находясь на содержании банкиров, Аполлония стихийно искала пути к духовному совершенству, сохраняла и оберегала в себе здоровое, «плебейское» начало, была близка к природе и наивно верила в потусторонний мир; всей своей сущностью она, казалось, говорила поэту: ничто под луной не вечно, а значит и все уродства, зло, зависть, пороки. Бодлер, для ко-

Продолжение. Начало см. в № 3.

того социального всегда было важнее метафизического, видела в Аполлонии еще и залог грядущего раскрепощения женщины, ее потенциальные духовные возможности. Вот почему невзрачный кто ищет в цикле Сабатье какие-то признаки «религиозного перерождения Бодлера», кого смущает некоторый реквизит католического культа, присутствующий в этих стихах, литургические интонации и органичные аккорды в оркестровке строк. Не следует, однако, забывать, что речь идет о Беатриче, связанной как с дантовой традицией (не только «Ада», но и «Рая»), так и с мечтой о ее грядущем явлении человечеству. Да, это молитвы грешника, но обращены они не к богу образов и соборов, а, как сказано в сонете «Духовная заря», к БЕССМЕРТНОМУ СОЛНЦУ, Солнцу преображения.

К первой половине пятидесятых годов относится и цикл, посвященный Мари Добрен. Речь, естественно, идет не столько о прототипах любовной лирики Бодлера, сколько о «локализации» в партитуре «Цветов Зла» конкретных и типовых женских образов. Вместе с тем, не мешает и знать «первоисточник», вокруг которого и на основе которого потом делались **ОБОБЩЕНИЯ**.

Мари Добрен (1827 — 1901) — актриса, достаточно известная в истории французского театра. Первые ее сценические успехи связаны с театрами Монмартра и Порт Сен-Мартэн, где она выступала в жанре феерических и музыкально-драматических представлений, а также в водевилях. В период своих дебютов Мари особенно отличилась в сказочной пьесе «Златокудрая красавица», о чем Бодлер вспомнит в стихотворении «Непоправимое»: «Иногда я вижу в декорации дешевого театрлика, оглушенного медью оркестра, фею, зажигающую в небе ада чудодейственную зарю. Существо, сотканное из света, золота и газа, побеждающее огромного Сатану; однако сердце мое — театр, где всегда ожидаешь, и всегда тщетно, явление крылатого Существа...» На этом спектакле, где Мари играла фею, низвергающую Сатану, они и познакомились в 1847 году. Впоследствии, часто меняя театры и гастролируя за рубежом, актриса Добрен сыграла и немало серьезных ролей, в том числе Эльмиру в мольеровском «Тартюфе».

Несмотря на давнее знакомство, Мари вошла в интимную жизнь Бодлера лишь в 1854 году, но осталась в ней недолго, предпочтя ему его друга Банвиля, связь с которым оказалась более прочной. Поэт Банвиль, победивший Бодлера в жизни, не выдержал с ним, однако, соперничества в поэзии. Такие пьесы, как «Прекрасный корабль» или «Приглашение к путешествию», не только украсили любовную лирику «Цветов Зла», но и вошли в золотой

фонд мировой поэзии. Кстати, «Приглашение к путешествию», сколько сусально переведенное Дм. Мережковским, стало популярным в России романсом. Наши бабушки и дедушки ча на гитарах и мандолинах, выводили:

Голубка моя,
Умчимся в края,
Где все, как и ты, совершенство,
И будем мы там
Делить пополам
И жизнь, и любовь, и блаженство

Сблизившись с Мари, поэт отметит в письме к Сен-Виктору, знакомому лигератору: «М-ль Добрен из тех, кто бывает то добрым, то злым — по воле ветра, нервов, подъема или спада настроения». Эту разновидность женщины Бодлера назову условно КАПРИЗОМ. Не просто женщина-ПЛОТЬ (Жанна) или женщина-ДУХ (Аполлония), а нечто более усложненное, «по воле ветра» меняющее свою суть, с одной стороны, и, напротив,—нечто легковесное, ускользающее, неохватное. Тропическому пейзажу Жанны, где богатая растительность источает экзотические ароматы, устойчиво прекрасному пейзажу Аполлонии, где вечно торжествует ясная погода, противопоставлен особый, «северный» по своей окраске, пейзаж Мари: «Иногда ты схожа с прекрасным пейзажем, обжигаемым солницами осенних туманов... О, как снешь ты, залитый дождем пейзаж, пламенея в лучах грозового неба! Опасная женщина... хватит ли мне сил обожать снега твои и заморозки, сумею ли извлечь из беспощадной твоей зимы более острые радости, чем лед и железо?» Зима, заморозки, но и туманы, но и дожди. Образы ТРЕЗВОСТИ, но и образы СПЛИНА. Все это, однако, именно ПЕЙЗАЖ. Сама Мари — ЯД, но тот, что убивает медленно и сладострастно, как дурман. Дурман вин, например. Зелень глаз Мари — омут, контрастирующий с «чернильным» взглядом Жанны и синим окоемом Аполлонии.

Вместе с тем Мари — не только женщина СПЛИНА. Как и Жанна, она зовет поэта в страну ИДЕАЛА, однако если родина Жанны более естественна, хотя и далека, то царство Мари утопает в роскоши зеркал, золота и шедевров антиквариата: «Там — все порядок и красота, роскошь, покой и сладострастие». Женщина КАПРИЗА, она же и женщина СТИХИИ, отсюда сравнение ее с КОРАБЛЕМ, детищем самой вольной в глазах Бодлера стихии — моря. Если Жанна — пальмовый остров в океане, то Мари — непосредственное движение его вод. Походка — скольжение корабля.

везущего в своих трюмах роскошные ткани, корабля, послушного медленному, размеренному и ленивому ритму умиротворяющей волны. Фигура — нечто скульптурно укрупненное и круглая шея, плноватые плечи; массивное горло, напоминающее «шкаф», своеобразный тайник, где припрятаны драгоценные вина, духи и напитки, «вызывающие бред рассудка и сердца»; благородные ноги Мари причудливо напоминают поэту «двух ведьм», опускающих в глубокую вазу «черный фильтр», а ее крепкие и гибкие руки приобретают, в итоге, форму «двух удавов».

Монументальность Мари не в силах, однако, скрыть органически присущее ей и глубоко упрятанное противоречие, выраженное сочетанием чего-то, идущего от ДЕТСТВА, с чем-то, отшлифованным ЗРЕЛОСТЬЮ. Женщина-ребенок. Гигантша-подросток. Эти внешне взаимоисключающие друг друга понятия — свидетельства духовной и нравственной незрелости Мари, разлада ее ФОРМЫ с ее СОДЕРЖАНИЕМ. Если Жанна — видение из прошлого, воспоминание, если Аполлония — предвестие будущего, символ «духовной зари», то Мари — настоящее, так как ее красота одновременно и произительна, и ущербна.

Вернемся, однако, к намеченным вехам. Уже на первом этапе работы над книгой практически заявлены все ее темы. Наряду с социальной проблематикой, скрупулезным анализом современных пороков и осмыслением роли и места женщины в природе и в обществе Бодлер ставит вопрос и о так называемых ВЕЧНЫХ темах. Так возникает философский поток книги, неразрывно связанный с проблемой КРАСОТЫ.

К сожалению, многие исследователи творчества Бодлера часто ограничивают философский поиск поэта категориями или «чистой» эстетики, или эстетики в узком смысле этого слова. Всемирно известная пьеса «Падаль», создававшаяся на раннем этапе его творчества, красноречиво опровергает эту узость. В мягких лучах восходящего солнца поэт увидел на повороте дороги разлагающуюся падаль. Поражает не только контраст между зарождающейся красотой природы и уродством разложения одной из ее составных частей. Поражает логика поэта, утверждающая закономерность этого круговорота, ибо однажды сотканное из мельчайших частиц ЦЕЛОЕ должно, когда наступит срок, на эти же мельчайшие частицы расчлениваться, возвращая на «алтарь великой Природы» все, что возникло из праха: «Формы стирались, превращаясь в мечту, в мучительный набросок, забытый на холсте и который художник старается по памяти завершить».

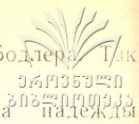
Солнце сушит падаль, работу его довершает рой насекомых, стан мух. Рядом с поэтом его любимая, шире — явление красоты

живой. Беспощадны слова поэта: «Вот так же и вы, звезда моих очей, солнце сущности моей, вы — ангел и страсть моя — уподобитесь этим отбросам, жуткой отраве сей!». Из праха в прах снова в ФОРМУ. Таков беспощадный закон созидания: «Тогда, о красота моя! Скажите червям, которые зацелуют вас в могиле, что я сохранил и форму, и божественную суть своей разложившейся любви!»

Как видим, памятью о законе вечного круговорота, художнику надлежит оберегать ВЕЧНОСТЬ путем «сочленения» расчлененного. Так поступают мудрые совы в одноименном сонете той поры. Они неподвижны, ибо размышляют. Так поступают и пламенные влюбленные (сонет «Смерть любовников»), зная, что посмертно их комната блаженства не останется пустой, что Ангел, войдя в нее, вернет «зеркалам их мерцание, а страсти — огонь». Художники, мудрецы, влюбленные — герои философского цикла «Цветов Зла». С них поэт предлагает брать пример тем, кто стремится к совершенству, а совершенство это, во-первых, НЕЗАВИСИМОСТЬ (сонет «Кошки»), во-вторых — неутомимый ТРУД (сонет «Скверный монах»).

Несмотря на богатство и разнообразие заданной тематики, Бодлеру казалось, что пишет он книгу только о пороках, отсюда возникшее в 1846 году название «Лесбианки». Революционные месяцы, наступившие после февраля 48-го, кардинально меняют замысел поэта. Он усиливает прежде всего тему БУНТА, обогащая этим пафос своих городских зарисовок: от абстрактной грезы, трепещущей на дне стакана, поэт переходит к конкретной социальной поляризации мира бедноты (порода Каннов) и мира богатства (порода Авелей); сосуществования между ними быть не может. Бескомпромиссной критике подвергается и образ бога, покровителя Авелей, так как именно он, бог церквей, узаконил социальное неравенство и на основе его воздвиг храм современных пороков. Бог Бодлера не только кровожаден и циничен; он еще и великий клеветник, скомпрометировавший Сатану, этого мрачного, но благородного демона, свалив на него все собственные злодеяния. Вот почему поэт, отрекшись, как святой Петр, от Христа, божьего сына, обращает свои молитвы к Сатане, тому, кто «вместе со Смертью, своей старой и верной любовницей, зачал Надежду — безумную прелесть!». Итак, доказан союз «породы Авелей» и кровожадного небожителя против «великого множества» всех обездоленных. Естественно, концепции Бодлера не хватает научной стройности марксистских манифестов, но пишет она огнем праведного гнева и проникнута живым духом народного мятежа. Так не пишут «элитар-

ные» поэты, к числу которых так любят причислять Бодлера. Так
ишут народные трибуны.

Как мы уже знаем, революция 1848 года обманула надежды поэта; пафос ее захлебнулся в демагогии буржуазных политика-нов. Этим и объясняется то обстоятельство, что социальная тема-тика второй вехи (рубеж 40—50-х гг.) проникнута не только опти-мистическим пафосом мятежа. Продолжается и сумрачное стро-тельство бодлеровского города. Восторги и надежды смыли сви-щовые дожди, их развеял свирепый ветер, их впитал густой и ядо-витый парижский туман. На этом этапе возникает всемирно извест-ная серия СПЛИНОВ, расширяется регистр городских зарисовок, усиливаются и личностные мотивы одиночества поэта в бездушном городе неравенства и юдоли.

На втором этапе из городских зарисовок исчезает мотив СОЛН-ЦА. Город Бодлера окутывают густые и влажные туманы. Резни-ка Мглы стирает контуры пейзажа, а косые нити дождей штриху-ют само изображение. Ход часов (ВРЕМЯ) и звук колокола (СМЕРТЬ), нечто тихое и нечто громовое, их непрерывный дуэт — единственный шумовой фон в этих «сплинических» зарисовках. Во всем остальном звук как бы «убран»: изображение, утопающее в чем-то размытом и млечном, молчит. Лишь изредка оно бессильным жестом акцентирует свое присутствие. Удивительное молчание, ког-да тиканье часов принимаешь за колокольный звон, а удары паба-та фиксируешь только зрением. Поэт объявляет себя «королем дож-дливой страны», королем, который СКУЧАЕТ. Ничто не радует его: ни дичь, убитая на охоте, ни сокол, послушный его приказам, ни баллада, сочиненная любимым шутом, ни красота придворных дам, даже вид «умирающего напротив его балкона народа». Король — живой труп, в жилах которого не кровь, а «зеленая вода Леты». Дело в том, что ЖИВАЯ МАТЕРИЯ превратилась в ГРАНИТ, гранит, «застывший в глубине мглистой Сахары», но, возможно, и не в гранит вовсе, а в «старого сфинкса», издающего странные звуки «в лучах заходящего солнца». Солнце теперь только заходит, ибо «ску-ка приняла пропорции бессмертия».

ТУМАН и МГЛА — вечные спутники ДОЖДЯ на этом этапе творчества Бодлера. Неба не видно; оно служит лишь «отверстием», откуда низвергаются не столько ливень, сколько «черные дни», те, что «грустнее ночей». Земля лишилась своей тверди, превратилась в «сырой застенок» с «гнилым потолком», косые же нити дождя на-поминают «решетки огромной тюрьмы». НАДЕЖДА, опора челове-ка, ПОБЕЖДЕНА, а если и жива, то лишь в облике «летучей мы-ши», ибо в людских черепах поселилось «проклятое племя пауков». И проходят в душе поэта «похоронные дроги, без дробн барабана,

без музыки». Это час, когда просынается ТРЕВОГА, мучительное и деспотическое чудовище, это час, когда колокола возвещают капитуляции, о победе материи над духом. Бодлер вывешивает флаг, но он у него не белый, а ЧЕРНЫЙ. Черный флаг ВЕЧНОГО БУНТА. Будь осторожен, читатель, не пессимизмом проникнута эта картина. Флаг ведь не белый. Он ЧЕРНЫЙ.

Король дождливой страны парализован... огромным количеством воспоминаний. Он еще молод, но ему кажется, что живет он на свете «целое тысячелетие». С ним происходят удивительные метаморфозы. То он превращается в антикварный КОМОД, набитый векселями, стихами, любовными записками, отчетами о процессах, нотами каких-то старинных романсов; то становится КЛАДБИЩЕМ, над которым и луна не желает взойти, где лишь черви гложат останки некогда любимых людей; то он ощущает себя старым БУДУАРОМ, где стоят букеты увядших роз, где разбросаны вышедшие из моды одежды, где висят жалобные пастели и бледные полотна Буше, вдыхая запахи раскупоренных флаконов. В ладонях у короля его собственный череп. Череп или египетская пирамида? Пирамида или глубокая пещера? Пещера ли? Нет. БРАТСКАЯ МОГИЛА. А месяц, когда происходят все эти метаморфозы, носит гордое название ПЛЮВИОЗ, что в календаре великой Революции обозначает конец февраля и начало марта. Чем занят Плювиоз? Он низвергает мглистую стужу на проклятый и богом и чертом город, сеет смерть в кварталах бедноты, дразнит останки «бледных обитателей кладбища». Отсырели дрова, «простудились» часы-ходики в квартире поэта. Остается только гадать на старых сальных картах, доставшихся в наследство от старухи, «болевшей водянкой». Что говорят карты? Они ведут беседу червового валета с пиковой дамой, беседу о прошлом, о том, как любили они в годы свои молодые.

Так что же произошло в городе Бодлера? Во мгле еще слышен набатный голос колокола. Он, правда, устал, постарел в постоянных сражениях, оглох от собственного звона, но продолжает стоять на посту, «как старый солдат в карауле». Он верит еще в грядущую победу, как верит старый гвардеец в звезду своего полководца, как верит монах в догматы своей религии. С поэтом сложнее. Что-то «треснуло» в его душе, голос его ослаб, превратился в густой и протяжный вопль, вопль раненого, забытого отступающим и плавающего «в собственной крови». Еще одна революция всколыхнула город Бодлера, укрепила надежды одних, вскормила иллюзии других, но вышла из схватки побежденной. Остатки разбитого войска хоронили без труб и барабанов, пленных сажали в тюрьмы, раненых бросали в пути. Сплины Бодлера. Не реквием ли это по павшим бойцам? И реквием тоже.

ли, от голода, унижений и проклятий. Дайте и нам отдохнуть, хотя бы по ту сторону жизни.

Городская тематика второго этапа будет выглядеть не полной, если не подключить к ней ряд сонетов сугубо личного характера, поскольку сам образ МУЗЫ ПОЭТА не лишен социальной окраски. Муза Бодлера — такая же, как и он, нищенка, она не «несчастлива», как иногда говорят о ней в плохих русских переводах, она именно БЕДНЯЧКА. От постоянного недоедания она совсем исхудала, когда наступают холодные дни — она постоянно простужена; глаза ее «полые», а цвет ее лица «попеременно отражает то безумие, то ужас». Не романтическая поза этому виной, не культ «томления» или «бледноликости». Наоборот — ей бы очень хотелось «вдыхать ароматы здоровья», изъясняться чистыми и прозрачными «античными силлабами», находясь под покровительством Феба, «отца песен», и Пана, «повелителя урожая». Увы, «лазурь небес» не превратилась в «золото». Приходится «продавать себя»: то «служкой в церкви», читая молитвы, в которые «не веришь», то под куполом цирка «акробатом паташак» демонстрировать номера, щекоча «селезенку обывателю».

Стихи второй вехи возникли в основном накануне или чуть позже самого «черного дня» в жизни поэта — захвата власти Наполеоном III и создания Второй империи, иначе говоря — в период особой гражданской активности Бодлера. Наряду с социально заостренными зарисовками важное место занимают философские искания и размышления на эстетические темы.

Если изъясняться очень кратко, то главный объект философской лирики Бодлера — человек, а эстетических раздумий — творческая личность. Не отступая от идеи вечного круговорота в природе, одной из частиц которой является и сам человек, поэт ищет и нечто более емкое и конкретное в качестве оценочного критерия в разговоре о человеке. Мы уже знаем какое глубокое впечатление оставило в душе Бодлера морское путешествие в Индию. С тех пор мотив МОРЯ (корабля, волн, островов) — постоянная единица измерения в его поэзии, особенно когда речь идет об ИДЕАЛЕ. Море — «зеркало», в котором человек «созерцает свою душу», ибо разум его, как и дух моря, — соленая «горькая бездна». Называя человека «неразрывным братом моря», поэт находит ему высокое гуманистическое воплощение, подчеркивая этим исходное величие и мощь его. Но море — не только неукротимая стихия; оно и символ вечной борьбы, вечного разгула страстей, как великих, так и низменных, как создающих, так и разрушающих. Человек, как и море, — «вечный борец», ибо

никто не в силах «измерить бездны» в его душе, как не в силах «сосчитать все морские богатства».

Морем, как свободной стихией, проникнута и подавляющая часть любовной лирики поэта (циклы Жанны Дюваль и Мари Добрен), мощной волной вливается море и в рассуждения об искусстве, особенно когда речь идет о музыке, ибо она — «морской прибой», уносящий человека в лазурь БЕССМЕРТИЯ и, одновременно, ввергающий его в штормовую бездну ОТЧАЯНИЯ. И идеал поэта в искусстве связан с величием страстей (тоже морская тема); Бодлер влюблен в крупные формы, ему противно «рукоделие» художника Гаварни, мастера модных вишенок, его шокирует «мелководье» томления чахоточно-романтических дам и кавалеров. Если уж страсти, то такие, какие под стать титанам из «Вечной ночи» Микеланджело, если уж кровь, то пусть проливает ее леди Макбет, ибо идеал поэта «красного цвета». Пусть, наконец и в итоге, — над человеком посмеются «могильные черви», эти «житейские философы» и «дети гнили». Главное — он жил, человек, жил на гребне взрывной морской волны, жил, боролся и страдал, а значит, СОЗИДАЛ.

Уже на рубеже 40—50-х гг. в философской лирике Бодлера появляется острое ощущение ВРЕМЕНИ. Ощущение это всегда ТРЕВОЖНО, ибо время «съедает жизнь» и «глохнет нам сердце», ибо время пугается «кровью, которую мы теряем». Особенно сильно осознание уходящего времени в стихах, посвященных теме искусства. Только смерть художника способна дать оценку его творению, жизнь же дает лишь НАДЕЖДУ на то, что «зародившиеся в мозгу цветы» посмертно расцветут. Ценить время означает ценить ТРУД. Вот почему в сонете «Трубка» Бодлер сравнивает творца с ПАХАРЕМ: «Дымлю я, как печь, — говорит трубка, — на которой готовится пища к возвращению пахаря». Итак, первый враг творца — само ВРЕМЯ. Но есть и второй, глубоко запятанный в нем самом. Это нетерпение, порождающее НЕНАВИСТЬ, а она — «бочка бледных Данаид», на дне которой демон (он же и Время) «сверлит дырки», чтобы ее содержимое впустую вытекало. Ненависть похожа и на «горького пьяницу», чья жажда не знает границ, стоит ему лишь пригубить глоток, однако, поясняет поэт, пьяница в итоге «свалится под стол», ненависть же еще прочнее овладеет человеком. Ненависть несовместима с высокими помыслами. Вот почему коварное Время так часто пользуется ею, чтобы не дать созреть «цветам в мозгу».

А теперь нюансы, внесенные на последнем этапе работы над первым изданием. Нюансы, или, скорее, точки над «и». Расплыв-

1953
010333

чатый мир экзотического идеала, красочно воплощенный в циклах Жанны Дюваль и Мари Добрен, в ряде сонетов, пропитанных ароматом тропиков, требовал идейной локализации, уточнения и оправдания, поскольку речь шла о расплывчатости ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ. Дело в том, что страна эта находится «дальше, чем Индия и Китай». Буржуазное окружение рисуется поэту в виде «черного океана уродливой цитадели», где грязь и «лужи образованы из наших слез», где ВСЕ — «укур, преступление, боль». «Черному океану» противопоставлен «океан иной», где «голубизна и ясность» столь же «глубоки и прозрачны, как девственность». Мир ЧИСТОТЫ и СВЕТА, ибо море — «возвышенная колыбельная песня», дарующая нам утешительный сон после «тяжких трудов». Имя этой морской стране — ВОСПОМИНАНИЕ, «ароматный рай детской любви, невинный рай быстротечных восторгов». Страна, которая всегда с тобой, убежище твое, надежда. \

Тема ВОСПОМИНАНИЯ пронизывает не только линию идеала, но и сплина. Изображение мира сплина, о чем уже шла речь, потребовало и некоторых разъяснений. Нужна была более четкая позиция. Кто он, автор «сплинов»? Кто он, свидетель своего времени? Не «фальшивый ли аккорд в божественной симфонии»? Возможно. Но главное не это, главное — принять на себя ОТВЕТСТВЕННОСТЬ и, осудив других, иметь мужество осудить и себя, обнажая крайности: «Я — рана и кинжал, оплеуха и щека, телега и колесо, жертва и палач... вампир я для собственного сердца». «Прожорливая прония», поселившаяся в душе поэта, — не помощник, ибо облик ее — «жуткое» искривленное зеркало, отражающее нищету». Зачатый злом, он — жертва зла, ощущающая «ужас во зле». Наступают времена года, когда сама природа празднует ТРИЗНУ. Это конец осени, зима, «грязь ранней весны», это времена, «убаюкивающие» поэта. Тогда его «сердце и мозг» «заворачиваются в саван из пара», напоминающий ГРОБ. В просторах «огромной степи» шествует БЫЛОЕ, и «душа широко расправляет свои крылья», как ВОРОН. Однако ощущение приближения конца (смерти), увы, — отнюдь не обещание покоя. Поэт знает, что и в могиле покоя не будет. Над ним паук «продолжит ткать свою паутину», змея рядом станет «выводить малышей», а волки «оглушать жутким криком» окрестность. И призраки людей «зашепчутся рядом» — «женоподобные ведьмы», «похотливые старцы», смутные и преступные элементы. Покоя не будет, пока живо ЗЛО

В цикле, описывающем пороки, Бодлер искал нечто общее, другими словами — кратчайший путь к выявлению главного, по-

скольку разрозненные сцены и богатая в своем разнообразии техника, применяемая им для их фиксации, создавали впечатление своеобразного паноптикума без генеральной идеи. Чтобы полностью расставить здесь точки над «и», нужна была обобщающая метафора, получившая свое раскрытие в стихотворении «Игра».

Сочными и точными мазками рисует Бодлер обстановку игрального дома. Зеленый стол окружили призраки, «лица без губ», «губы без цвета», «челюсти без зубов», лица разные, но движение пальцев одинаковое; они сведены одной и той же судьбой РИСКА. Одни «на карту ставят» «былую честь», другие — красоту, а знаменитые поэты — «свой кровавый пот». Под «грязным потолком» в «выцветших креслах», затаив дыхание, за игрой наблюдают бывшие львицы порока, «престарелые куртизанки». Игра идет на «краю зияющей пропасти». Играют те, кто «предпочитает смерти страдание, а небытию — ад». Порок — кровавая игра, схватка с риском за право пребывать в аду.

Обогащаясь на завершающем этапе и философский «поток» книги, но здесь не столько уточнялись изначально занятые поэтом позиции, сколько зарождались новые удивительные как по форме, так и технике шедевры: сонеты «Соответствия» и «Красота», стансы «Маяки» о кумирах Бодлера в мире живописи, «Воспарение» и «Благословение» о судьбах поэтов и поэзии, развернутое философское повествование о поездке на остров Кифера. Созданные на третьем, завершающем этапе стихотворения до конца исчерпали сложный и извилистый замысел книги.

30 декабря 1856 года Бодлер подписывает следующий документ:

К О Н Т Р А К Т

Гг. Пуле-Мальасси и Эжен Де Бруаз; книготорговцы и издатели из Аленсона, с одной стороны, и Шарль Бодлер, литератор, с другой, пришли к следующему решению:

Г-н Бодлер продает гг. Пуле-Мальасси и Эжену Де Бруазу два произведения, первое «ЦВЕТЫ ЗЛА», второе «ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СМЕСЬ».

Г-н Ш. Бодлер обязуется сдать «ЦВЕТЫ ЗЛА» 20 января наступающего года, а «ЭСТЕТИЧЕСКУЮ СМЕСЬ» — к концу февраля.

Тираж каждой книги составит ТЫСЯЧУ экземпляров.

В качестве оплаты г-н Ш. Бодлер получит за каждую отпечатанную книгу, проданную или непроданную, 25 сантимов,

другими словами — одну восьмую часть от цены, зафиксированной в каталоге гг. Пуле-Мальасси и Эжена Де Бруаза.

Г-н Ш. Бодлер обязуется нигде в другом месте не публиковать, в какой бы то ни было форме, всего или части из содержимого этих двух книг.

Г-н Ш. Бодлер сможет передать свои права другому издателю лишь в том случае, если гг. Пуле-Мальасси и Эжен Де Бруаз, располагая в своем магазине незначительным количеством нереализованных экземпляров, откажутся от переиздания вышеназванных книг или одной из них.

С Огюстом Пуле-Мальасси (1815—1878) Бодлер познакомился в конце сороковых годов. Сын аленсонского печатника, Огюст приехал в Париж на учебу накануне революции 1848 года. Убежденный сторонник анархо-социальных идей Прудона, он принимает активное участие в политической жизни столицы, издает социалистическую газету, пишет радикальные памфлеты, сочиняет политические трактаты по теории революции. Июньское восстание он, как и Бодлер, встречает в стане пролетариата, за что попадает в тюрьму. Освобожденный по ходатайству друзей, Мальасси, продолжая учебу, возвращается в литературных кругах Парижа, где и сближается с Бодлером. Общие политические убеждения и литературные интересы обусловили дружбу будущего издателя и будущего автора «Цветов Зла». Смерть отца, наступившая в 1850 году, ускорила возвращение Мальасси в родной город, где ждала его фирма. Как глава фирмы и основатель местной газеты «Журналь д'Аленсон» Мальасси во многом опирался на сотрудничество со старыми парижскими приятелями-литераторами. В 1855 году сестра Огюста вышла замуж за Эжена Де Бруаза, ловкого коммерсанта и далекого от подлинных интересов литературы человека. Новый компаньон с недоверием относился к начинаниям образованного и утонченного Мальасси, в чем не раз придется убедиться Бодлеру. К дальнейшей деятельности Мальасси мне еще не раз придется вернуться. Здесь же, думаю, уместен краткий комментарий к заключенной сделке.

В буржуазном делопроизводстве избегают стандартных договоров, предпочитая им более «гибкие» и удобные формулировки. Несмотря на дружбу с Бодлером, Мальасси, не без влияния Де Бруаза, надо полагать, от покупки рукописи отказался. Он предлагает 25 сантимов за каждый проданный (или непроданный) экземпляр, что составляет, как мы видели, ВОСЬМУЮ ЧАСТЬ, следовательно — издателем достается 1 франк 75 сантимов за каждый проданный том. Если весь тираж будет распродан, то они

оприходуют 1.750 франков, автор же, правда в любом случае, ограничится 250 франками. Вторым выгодным для издателя пунктом следует считать сохранение за собой права переиздания книги, если это будет выгодно ТОЛЬКО им, т. е. если львиная часть первого издания будет реализована. Лишь в случае явного провала автор может искать себе другого издателя. На таких условиях и были проданы «Цветы Зла». Что же касается «Эстетической смеси», то речь идет о критических статьях Бодлера, появлявшихся в разные годы в периодике. Их объем, как, впрочем, и объем «Цветов Зла», в контракте не указан. Бодлер предложил эту книгу, до конца не обдумав ни формы ее, ни содержания. Впоследствии «Эстетическая смесь» была аннулирована в пользу более обширного замысла, который лишь частично был осуществлен при жизни поэта.

4.

Первое издание «Цветов Зла» поступило в продажу 25 июня 1857 года. Издатель Пуле-Мальасси обычно реализовывал свою продукцию в Париже через книжную лавку Ланье, пользовавшегося репутацией добропорядочного и даже «католически ревностного» коммерсанта. Такая вывеска в какой-то мере успокаивала и Бодлера, который в процессе подготовки рукописи к изданию предчувствовал возможность скандала. Еще в декабре 1856 года, буквально за несколько дней до подписания договора, он пишет издателю: «Меня вполне устраивает Ваше намерение приступить к делу лишь в ФЕВРАЛЕ... тогда мы сумеем совместно скомпановать порядок содержания «Цветов Зла», — СОВМЕСТНО, слышите, ибо вопрос этот важен. Нам необходимо включить в книгу только исключительно хорошие вещи... Ваше слово ПОПУЛЯРНОСТЬ очень меня позабавило. Знаю, популярности не будет, зато будет всеобщий разнос, который вызовет любопытство...» Бодлер скандальной репутации себе не желал; он просто знал, что новизна в искусстве «безнаказанно» не проходит. Что же касается «любопытства», то это уже намек издателю: дескать, книгу раскупят, убытка не будет.

В январе 1857 года парижский Трибунал атакует роман Флобера «Мадам Бовари», обвиняя автора не меньше и не больше как в пропаганде ...адультера. Флобер был оправдан. Помогла императрица Франции. Ей роман понравился. В конце года в печати появится восторженная рецензия Бодлера на это творение, но, когда судили Флобера, поэт понимал, что нечто подобное может случиться и с ним. Это опасение вскоре подтвердит и Теофиль

Готье, которому Бодлер решил официально посвятить «Цветы Зла». Ознакомившись с рукописным вариантом текста посвящения, осторожный Готье подчеркнул то место в тексте, где грывалось слово «порок». Он, как отмечает в письме к издателю Бодлер: «...мне очень хорошо объяснил, что посвящение — не изложение убеждений... что не стоит привлекать внимания к скабрёзной стороне книги, разоблачая ее этим». В печатной редакции из посвящения убрано все то, что так или иначе намекало на изображение пороков.

Несколько встревоженный реакцией Готье, поэт обращается к одному из редакторов официального еженедельника «Монитор», принадлежавшего Фульду, министру императорского двора. В письме к Мальасси читаем: «...я беседовал с Тюрганом о случае, когда я или мои друзья будем нуждаться в защите в вопросе о так называемых опасных книгах... Он сказал мне: заведите знакомство с МЕРИМЕ. ОН В ЭТИХ ДЕЛАХ ВСЕСИЛЕН». Проспер Мериме был сенатором и считался «личным другом» Наполеона III.

Не прошло и десяти дней после поступления в продажу «Цветов Зла», как хозяин лавки, где продавалась книга, пишет Мальасси: «Сегодня я отправил экземпляр «Цветов Зла» барону д'Идевилю, который сказал мне, что книгу эту собираются арестовать». Письмо от 4-го июля. Барон же был лично знаком с Бийо, министром внутренних дел, а тот, после «провала» с Флобером, решил, очевидно, взять «реванш» и этим доказать свое рвение по части защиты общественной морали.

Министру, однако, нужен был дополнительный предлог, короче говоря, нужен был борзописец, который со страниц авторитетного печатного органа предупредил бы об опасности книг, подобных «Цветам Зла». Борзописец, естественно, нашёлся. Им оказался Гюстав Бурден, литературный обозреватель «Фигаро». Начало бурденовского доноса, выдержанное в кокетливо-ироническом стиле, гласит: «Г-н Шарль Бодлер вот уже на протяжении пятнадцати лет считается огромным поэтом в глазах маленькой кучки индивидов, тщеславие которой изливалось в изрядной спекуляции этим именем, представляя его как бога или примерно...» Немного дальше, желая быть объективным и даже доброжелательным, автор отмечает: «Никогда еще так безрассудно не расходовались столь блистательные качества поэта». Но тут же добавляет: «Порою сомневаешься, здоров ли г-н Бодлер психически; порою же и сомневаться в этом не приходится...» В том, очевидно, что он и вовсе не здоров. Что творится, господа! У нас даже сумасшедшие не только сочиняют, но и публикуют свои сочинения! Наш критик, однако, продолжает: «Жуть сочетается здесь с низостью; отталки-

вающее ищет союз с заразным... Эта книга — больница, ^{откры-}тая всем ветрам умопомрачения, всей гнили сердечной...» ^{Перевод} жу буквально, но никак не могу взять в толк, что кро- ^{илюстрация} таким сочетанием, как «сердечная гниль». Но Бурдена увлекают не только стилистические парадоксы. Он прямо указывает на стихотворения, которые следует прежде всего изъять. И делает он это достаточно искусно: «Посередине всего этого четыре пьесы — ОТРЕЧЕНИЕ СВЯТОГО ПЕТРА, затем ЛЕСБОС и два стихотворения, названные ОКАЯННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ — четыре шедевра страсти, искусства и поэзии; но следует сказать, даже необходимо сказать: если можно понять двадцатилетнего поэта, которому могли бы прийти в голову подобные сюжеты, то ничто не извиняет тридцатилетнего автора, опубликовавшего столь чудовищную книгу».

Как видим, Бурдена шокирует не только лесбийская тема, но и финал богоборческого стихотворения «Отречение святого Петра», где есть такая строчка:

От Христа отрекся Петр.. И правильно поступил.

Имперская Фемида впоследствии лишь только «пожурила» поэта за подобные вольности с религией, стихотворение, однако, не запретила. В те годы юристы любили проявлять либерализм по части божественного. Это было модным проявлением якобы независимости правосудия от церкви. Лицемерная буржуазная Фемидка как бы подчеркивала, будто она не борется с тем или иным мировоззрением, а стоит лишь на страже морали. Лесбиянок Бодлеру запретили, но тут же разрешили отречься от Христа. Вместе с тем, неверно думать, будто буржуазное правосудие запрещало сексуальную тематику вообще. Очень скоро в записке к своему адвокату Бодлер отметит: «Я бы мог составить целую библиотеку из современных книг, которые не преследовались и которые не обращают внимания читателя, как моя книга, на УЖАС ВО ЗЛЕ. Уже тридцать лет, как по части скабрёзности литература пользуется у нас полной свободой. И это вдруг хотят наказать в моем лице. Справедливо ли это?.. Тот или иной сюжет, занимающий Бодлера и инкриминируемый ему теперь, преспокойно разрешался Беранже. Кого из них вы предпочитаете? Поэта скорби или поэта веселья, УЖАС ВО ЗЛЕ или легкомыслие, УГРЫЗЕНИЕ СОВЕСТИ или нескромность?» Бодлер был абсолютно прав. Секс как легкое удовольствие, небрежное кокетство, бездумную забаву, секс канкана и оперетты — пожалуйста! Кому из служителей правосудия не были знакомы (и не понаслышке) будуары актрис, альковы проституток, порнографические рисунки и даже фотографии, спокойно продававшиеся в ро-

де бы тайком. Секс как забава — пожалуйста! Но не дай бог, если это ощущение «УЖАСА ВО ЗЛЕ».

Рецензия Бурдена ничуть не удивила Бодлера. Первоначально он отнесся к ней с полным равнодушием. Дело в том, что критики редко обращали на него внимание, а те немногие фрагменты, посвященные ему в общих обзорах, были, как правило, отрицательными. Когда, например, в 1855 году журнал «Ревю де Де Монд» опубликовал развернутую подборку из девятнадцати стихотворений под общим названием «Цветы Зла», на нее неожиданно откликнулись сразу два критика. Луи Гудаль в том же «Фигаро» отмечал, что в стихах Бодлера он увидел «...досадное скопление навязчивых идей, банальные претензии, золотушную поэзию». Тогда это прилагательное от слова «золотуха» было очень модно, когда речь заходила об инфантильности в искусстве. Второй критик по фамилии Дюранти определял Бодлера как человека «...с холодным расчетом, который пользуется приемами дешевой таинственности и ужасов с целью удивить публику. Это литературное трюкачество эдакого пещерного жителя, придерживающегося в тени, как угрозу, несуществующие книги...» Как видим, у Бурдена были предшественники.

Через несколько дней, однако, смысл рецензии в «Фигаро» окончательно прояснился Бодлеру. В гневном письме к издателю читаем: «Быстро спрячьте, но СПРЯЧЬТЕ ХОРОШО, все издание; у вас должно быть 900 экземпляров в несброшюрованном виде. У Ланье сегодня еще было 100; эти господа сделали удивленный вид, узнав, что я собираюсь спасти 50. Я их отнес в надежное место... Итак, остается 50 на пропитание ЦЕРБЕРА СПРАВЕДЛИВОСТИ. Вот что значит ПОСЫЛАТЬ ЭКЗЕМПЛЯРЫ В «ФИГАРО»!!! Вот что значит не хотеть серьезно ОБЕСПЕЧИТЬ КНИГЕ ХОД. По крайней мере у нас осталось бы утешение... распродав все издание за три недели, и слава после процесса, выпутаться из которого, впрочем, не так уж трудно... Арест пока не имел места. Обо всем этом я узнал... через Леконт де Лиля, который, увы, прозевал целых пять дней. Я убежден, что все это злоключение имеет началом статью в «ФИГАРО» и дурацкую болтовню, Страх сотворил зло». Письмо это датировано 11-м июля, статья Бурдена вышла 5-го, а 6-го следовательно Шестой палаты парижского Трибунала Шарль Камюса-Бюссроль заводит личное дело на Бодлера и его издателей. Через день министр подписывает и ордер на изъятие, или, как тогда говорили, арест книги.

О конкретных шагах юстиции Бодлер, как мы уже видели, узнает лишь 11-го. Пока же до него доходят только смутные слухи, и он спешит 9-го успокоить мать: «...книга, название которой

«Цветы Зла» говорит само за себя, проникнута зловещен и хо- лодной красотой; она создавалась яростно и терпеливо. Впрочем, доказательство ее ценности — в тех нападках, которым она подвергается. Книга отвергает людей в ярость. Мне отказывают во всем, в наличии замысла и даже в знании французского языка. Плевать на всех этих дураков, ибо знаю, что книга со всеми своими достоинствами и недостатками проложит себе дорогу в памяти образованного читателя наряду с лучшими стихотворениями В. Гюго и Т. Готье, даже Байрона... Распространили слух, будто меня собираются преследовать; но ничего не будет. Правительству, на руках которого ужасные выборы в Париже, не до преследования одинокого психа». На этот раз политическое чутье изменило Бодлеру. Вот именно выборы, в результате которых министр Бийо рассчитывал остаться в кабинете, и усугубили рвение возглавляемой им юстиции.

Как мы уже знаем, 11 июля поэт побывал в лавке Ланье и унес оттуда 50 экземпляров «Цветов Зла», чтобы спрятать их в «надежном месте». Асселино признается в своей книге о Бодлере, что этим «надежным местом» была его квартира. Через три дня издатель тайно переправляет в Париж оставшиеся у него 200 экземпляров, а не 900, как предполагал Бодлер. Началась нелегальная распродажа книги.

Нетрудно догадаться, в каком шокированном состоянии находилась мадам Оник, вдова сенатора и генерала, в ожидании столь позорного для ее сына процесса. Он всегда вел себя аморально, считала она, но до сих пор как-то удавалось «стирать белье в семье». Теперь же сын ее прославится на всю страну как автор аморальной книги! После смерти генерала поэт старался как-то «красить вдовство своей матери — значительно чаще навещает ее, регулярно пишет ей письма, продолжая вместе с тем сохранять известную дистанцию. Он знал свою мать. Знал и свою слабость к ней. Невзирая на обиды и унижения любил ее. Успокаивая мать, поэт отнюдь не обольщался возможностью приобрести пусть скандальную, но все-таки СЛЯВУ. Во-первых, скандальной славы он не хотел, поскольку и так был уверен, что книга «проложит себе дорогу». Во-вторых, времена героических процессов, когда подсудимый становился обвинителем, безвозвратно прошли. Судебные инстанции Второй империи вели дело так, будто речь идет о малолетних ослушниках, будто наказывают лишь за «шалости». Бодлер присутствовал на процессе Флобера и видел, как зангрявали с писателем служители правосудия, как разглагольствовали о «святом» праве писателя быть объективным и лишь только потом утверждали и свое «право» защищать невежественные читательские

массы от дурных влияний. Лицемерная и попаторевшая на «аморалках» буржуазная Фемида превращала подобные процессы в мелкие происшествия. Бодлер не хотел быть героем такого варварского романа, поэтому-то и процесса не хотел.

Поэт разрабатывает рациональный план действий, преследующий КАК МАКСИМУМ отмену процесса вообще; КАК МИНИМУМ — полное оправдание в результате судебного разбирательства. Консультация с Теофилом Готье, имевшая место 11 июля, конкретно ничего не решила. Бодлер надеялся с помощью друга подключить к делу императрицу — Готье был вхож в ее салон. Ведь выручила же она Флобера! Судя по всему, осторожный Теофиль не рискнул преподнести августейшей особе «Цветы Зла» и просить ее заступничества. Думаю, он поступил правильно. «Цветы Зла» — не «Мадам Бовари», не роман про «бедняжку» Эмму, которая вконец запуталась в личной жизни и которую женское сердце и пожалеть может. Вместе с тем, видно, Готье кое-что обещал, поскольку Бодлер считает его «подключенным» к делу.

Вторым движением было использовать такое мощное оружие, как пресса. Рецензия Бурдена убедила Бодлера в отрицательных результатах критического выступления. Значит, нужны положительные рецензии в не менее авторитетных печатных органах. Ежедельник «Монитор», находящийся в руках министра Фульда, с которым поэт был лично знаком еще через каналы генерала Ошика, показался самой подходящей площадкой для нанесения первого критического залпа в свою пользу.

Не теряя времени, на следующий же день (12 июля), он пишет записку литературному обозревателю этого еженедельника Эдуарду Тьерри: «Я встретил Тюргана и спросил его, намерены ли вы дать рецензию на ЦВЕТЫ ЗЛА. Он ответил мне: ДА, КОНЕЧНО. Прежде всего, так ли это? Если так, то обращаюсь лично к Вам с просьбой как можно скорее сделать это. Вы окажете мне, уверяю Вас, редкую услугу, ибо меня собираются ПРЕСЛЕДОВАТЬ и мне очень нужен человек, и как можно скорее, человек одновременно и остроумный и образованный, который обратил бы внимание на то, что в ЦВЕТАХ есть несколько стихов, написанных на хорошем французском языке». Эдуард Тьерри действительно обладал теми качествами, на которые рассчитывает в письме Бодлер: он был не только хорошим критиком, но и тонким дипломатом, умеющим ладить с министром Фульдом и лавировать в лабиринте хитросплетений высокопоставленных персон.

Тьерри не подвел. 14 июля, в желаемый поэтом «вторник», еженедельник «Монитор» опубликовал первую хвалебную рецензию: «Смелость, мрачная галлюцинация, необыкновенные красоты

и постоянная скорбь. Скорбь оправдывает здесь все, все прощит и отпускает... Лишь раз в жизни создаются ЦВЕТЫ ЗЛА, шедевр обнаженной и дикой действительности, книга высочайшего и жестокого мастерства, лишь раз в жизни (если это сумеешь), ибо повторить такое невозможно». Критик и не желает с кем бы то ни было полемизировать на предмет «морали», поэтому и вручает «Цветы Зла»... под непосредственное покровительство Данте». Растроганный Бодлер тут же отвечает Тьерри: «Наконец Вы «стомстили» за меня этим шалопаям!.. Ваша статья и остроумна, и дипломатична... О, как я Вам благодарен за то, что Вы настояли на этой огромной скорби, которая, и на самом деле, — единственная мораль книги!»

Рецензия Тьерри произвела эффект взорвавшейся бомбы. Такого от Фульда, хозяина «Монитера», министр Бийо не ожидал. Ведь Тьерри, используя авторитет своего печатного органа, фактически сводил на нет усилия его борзописца Бурдена. То, что без разрешения Фульда такая рецензия вряд ли могла бы появиться, Бийо, конечно, знал. Быстро реагирующая на события Фермида, приступившая к иску по распоряжению своего министра, тут же на какой-то момент заколебалась. Судебный исполнитель, которому предстояла именно 14-го (в день появления рецензии) конфискация остатка тиража «Цветов Зла», в лавку Ланье явился лишь 17-го. Назревал явный конфликт между министрами (Бийо и министром юстиции Аббатуччи), с одной стороны, и еженедельником «Монитер», т. е. с самим министром двора, — с другой.

Бийо незамедлительно атакует, пуская в ход уже проверенное оружие — нажим на остальную прессу. Нажим, он же и просьба. Нет-нет, господа, я не запрещаю; речь идет лишь о незначительной задержке, пока идет следствие по делу автора. Расчет Бийо оказался верным. Бодлер через посредничество своего друга Асселино уже вел переговоры о второй положительной рецензии. Писать ее должен был Оревилли, критик и литератор католической ориентации. Дескать, даже католики и те ничего аморального в книге не видят, — как бы подчеркивал поэт, вовлекая в дело Оревилли, которому, кстати, «Цветы Зла» искренне понравились, и он был готов через видный еженедельник «Ле Пен», с которым сотрудничал, поддержать их автора. Честная и доброжелательная рецензия Оревилли и на деле вышла, но... после процесса. Редакция предпочла уважить Бийо, не обижая при этом и Оревилли. Ту же участь разделили Асселино и критик Деламои. Их положительные рецензии тоже вышли, но опять-таки после процесса. Таким образом, намерение Бодлера объединенными усилиями четырех рецензентов дать достойный отпор Бурдену и предстать в глазах

серьезной критики ОБРАЗЦОВЫМ автором своего реального воплощения не получило. А ведь эпитет «образцовый» опровергал бы обвинение в «аморальности»; не может же «образцовый» сочинять «аморальные» книги. Допустить такое обернулось бы со стороны юстиции в открытый вызов всей современной культуре. Поэт рассуждал правильно, но ведь и Бийо не дремал: Тьерри проскочил, остальных он задержал.

О конкретных мерах министра Бийо поэт узнает лишь 20-го июля, а это с некоторым опозданием объяснит ему проволочки в редакциях. Итак, нужно действовать! Прежде всего следует лично напомнить о себе Фульду. В пространным письме между неуклюжими реверансами (плохо удавалось ему подхалимство) и благодарностями за оказанные министром услуги вдове генерала Оника, т. е. его, Бодлера, матери, когда вопрос стоял о назначении ей персональной пейсии, выделяем, наконец, интересующие нас пассажи: «МОНИТЕР» напечатал прекрасную рецензию г-на Эдуарда Тьерри на мою книгу «ЦВЕТЫ ЗЛА», которой предъявлено обвинение. Г-н Эдуард Тьерри с достойной похвалы осторожностью дает понять, что моя книга адресована небольшому кругу читателей; он хвалит исключительно и только ее литературные качества, увиденные и отмеченные им, и дает прекрасное заключение, говоря, что наличие ОТЧАЯНИЯ и СКОРБИ — ЕДИНСТВЕННАЯ, НО ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНАЯ МОРАЛЬ книги, о которой речь... Вчера я намеревался направить свои объяснения г-ну Хранителю государственной печати, но тут же подумал, что подобное обращение может быть воспринято как почти что признание своей вины, я же не чувствую себя виноватым. Наоборот, я очень горд, что создал книгу, вызывающую лишь страх да ужас по отношению ко Злу... Если нужно будет защищаться, я сумею это сделать достойно... прошу Вашей защиты, насколько таковая возможна, у Вас, который умом еще больше, чем положением, является естественным защитником литературы и искусства! А литература и искусство, к сожалению, никогда не бывают в достаточной степени защищенными».

Мотив об «элитарности» книги Бодлер внушит и своему адвокату. Как видим, и в этом письме он нацеливает Фульда принять этот мотив на вооружение, отсюда и придуманная поэтом «достойная похвалы осторожность», будто бы проявившая себя в статье Тьерри. И здесь поэт был прав. Правосудие ведь защищало широкого читателя, т. е. народ, от порчи со стороны «аморальных» литераторов. Элитарность же, как и аристократизм, вызывала невольное уважение со стороны чиновничества, людей, главным образом, буржуазного происхождения. Под элитарностью подра-

зумевались таинственные круги, за спиною которых, кто знает, возможно стоят представители императорской семьи, например, принцесса Матильда, дочь Наполеона III, принимающая в своем салоне отдельных представителей литературы и искусства. Правда, с Матильдой поэт не был знаком, но Готье был вхож в ее салон, а ведь ему, «чародею французской словесности», посвящены «Цветы Зла». Итак, Фульду следовало польстить, отметить его ум, приобщить его к той элите, для которой, якобы, Бодлер пишет. Ведь только он в силах повлиять на отмену процесса, он, который уже доказал, что стоит на стороне «Цветов Зла», раз дал добро рецензии Тьерри.

2 августа состоялась встреча Бодлера с Шарлем Камюса-Брюссролем. Матери поэт напишет: «Сегодня я встретился со следователем. Допрос длился три часа. Впрочем, чиновник произвел на меня весьма приятное впечатление». Уточним, впечатление скорее двойственное; слово «приятное» предназначалось для мадам Оник. Правда, внешне все выглядело мило. Чиновник придерживался непринужденного тона светской беседы, проявил некоторую осведомленность по части эстетики, пытался даже льстить Бодлеру как поэту и критику. Он, оказывается, следит за всеми его выступлениями в печати. Однако это была лишь первая фаза трехчасовой беседы. Дальше следователь стал постепенно переходить на официальный тон, перечислив 13 названий, подлежащих запрету. Накануне процесса в письме к мадам Сабатье поэт уточнит два из них: «Могли бы Вы подумать, что эти несчастные (я говорю о следователе и прокуроре) посмеют осудить среди прочего и два стихотворения, сочиненные мной для моего дорогого Идола («ВСЯ ЦЕЛИКОМ» и «ТОИ, КОТОРАЯ СЛИШКОМ ВЕСЕЛА»)? Это последнее досточтимый Сент-Бёв считал лучшим во всей книге».

В отношении стихотворения «Вся целиком» поэту удалось убедить следователя в несостоятельности его доводов. Что же касается второй пьесы, то в ее финале говорится о желании поэта «ВЛИТЬ СВОИ ЯД» той «которая слишком весела». Следователь цепко ухватился за эти строчки, проявляя при этом осведомленность в области не только творческой, но и личной жизни Бодлера. Десять лет спустя, выпуская в Бельгии сборничек стихов, куда вошли все запрещенные пьесы, поэт сделает специальное примечание по этому поводу: «Судьям казалось, что они обнаружили в двух последних стансах одновременно и крестообразный, и порочный смысл. Серьезность книги подобные шуточки исключала. Но ЯД, символизирующий здесь СПЛИН или МЕЛАНХОЛИЮ, оказался криминалистам слишком упрощенной идеей. Пусть же

их сифилитическая интерпретация останется на их совести». Сид
гласитесь, человек, намкнувший Бодлеру на такое, вряд 9441035200
произвести на него «весьма приятное впечатление». 2022010333

О лесбианском цикле следователь и спорить не стал. Это уже нарушение уголовного кодекса. Более терпимым оказался юрист, когда речь зашла о богоборческих мотивах, сатанических гимнах и даже открытых революционных призывах. Он, оказывается, знал о революционной активности Бодлера в период 1848-50 гг., он, оказывается, даже недавно прочел в журнале «Рабле» воспоминания Дельво об обстановке тех лет. Действительно, в мае месяце журнал печатал этот материал, где были и такие строки: «Мы выслушивали с религиозным трепетом и искренне аплодировали стихам, которые читал нам Бодлер, хотя не были они ни приятными, ни нежными, ни гуманными в обычном понимании этого слова; но они захватывали, увлекали, будили мысль».

Вернувшись после допроса домой, Бодлер садится за обстоятельное письмо к матери. Письмо это — своеобразное подведение итогов сложившейся ситуации: «Возьмите в библиотеке Оуфлера номер «Монитера» за вторник 14-го числа: Вы там найдете блистательную похвалу в мой адрес... г-н Аббатуччи по поводу этой статьи ходил объясняться с г-ном Фульдом, говоря ему: «ПОЧЕМУ ВЫ ХВАЛИТЕ КНИГУ, КОТОРУЮ Я СОБИРАЮСЬ ПРЕСЛЕДОВАТЬ?» Теперь Вам, надеюсь, ясно, что стал я причиной конфликта трех министров. Г-н Фульд попал в положение, когда все обязывает его меня защищать. Пойдет ли он на это до конца? Весь вопрос в этом. Г-н Бийо до того взбешен, что отдал распоряжение НЕ ГОВОРИТЬ ОБО МНЕ в еженедельнике «Пен» Но ведь это СОВЕРШЕННО НЕЛЕГАЛЬНО, ибо я еще не приговорен; всего лишь предупрежден... Итак, со мной: г-н Фульд, г-н Сент-Бёв, г-н Мериме (который не только прославленный литератор, но и единственный представитель литературы в Сенате) и г-н Пьетри, обладающий большим весом, и как г-н Мериме — близкий друг императора. МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ЖЕНЩИНЫ. Хорошо было бы втянуть в это дело принцессу МАТИЛЬДУ; но как это сделать — ума не приложу».

Мы уже знаем о возникновении заминки между министерством внутренних дел и министерством юстиции, знаем, что неожиданный клин вбил между ними Фульд, министр двора; знаем и письмо Бодлера к Фульду, в котором сквозит желание заставить его «пойти до конца». Бийо же, инициатор всей этой затеи с осуждением книги, нажимая на прессу, действительно обходил закон, и это был козырь в пользу Бодлера. Но только. Вместе с тем, побывав у следователя, поэт понимает, что процесса теперь ему уже

не избежать, что Фульд остановился на полпути, а возможно, да же полностью выбыл из игры. Оставалась, однако, надежда на его положительную роль в ходе процесса. Что же касалось остальных «союзников», то все они поэта подвели. Сент-Бёв, авторитетнейший критик эпохи, ограничился лишь некоторыми замечаниями в письменном виде и разрешением адвокату цитировать их в защитной речи. Сам на суд не явился. Пьетри, префект парижской полиции, кому Бодлер отправил свою книгу с автографом, вообще никаких мер не принял. И принцессу Матильду «завербовать» не удалось. Но самой, пожалуй, неприглядной оказалась позиция, которую занял Мериме. В письме к мадам Ла Рошжакелэн, через которую действовали друзья Бодлера, он уже после процесса сообщил следующее: «Я не принимал никаких шагов, чтобы помешать сжечь поэта, о котором Вы мне пишете, если не считать моих слов одному министру о том, что лучше было бы сначала сжечь других. Полагаю, Вы имеете в виду книгу под названием «Цветы Зла», очень слабую, совершенно не опасную, где есть несколько искорок поэзии, как это иногда случается с бедным мальчиком, не знающим жизни и чувствующим себя от нее усталым, потому что какая-то гризетка сбежала от него к другому. Я не знаком с автором, но уверен, что он и наивен, и честен; вот почему я не хотел, чтобы его сожгли». Читая такое, приходишь к мысли, что прославленный писатель попросту не удосужился прочесть книгу или, возможно, лишь мельком просмотрел две-три странички. Трудно, конечно, обвинить Мериме в «незнании жизни», но вот в недобросовестности, проявленной к младшему брату, наверно можно.

5.

Смирившись с мыслью о неизбежности процесса, Бодлер нанимает адвоката в лице Гюстава Шэ д'Эст-Анжа. Личность не столь уж талантливая, сколь влиятельная благодаря родству с генеральным прокурором Франции. Защитника уговорили знакомые: не исключена возможность, что и сам Фульд был к этому причастен. Так или иначе, а Бодлеру стало ясно, что без его помощи юрист не справится с защитой или же поведет дело в нежелательном для чести автора «Цветов Зла» направлении. Адвокаты эпохи считали частичное покаяние, идущее в паре с известным самоунижением, эффективным средством воздействия на суд, что, естественно, поэта не устраивало. В подробной записке под названием «Указания моему адвокату» Бодлер разрабатывает программу защиты, сочетая в ней элементы своего подлинного эс-

тетического кредо с тактическими увертками, иначе говоря — неискренность с дипломатией. В «Указаниях» можно выделить четыре тематических узла: аргументы в пользу книги, изложение некоторых (не всех, конечно) пунктов своей авторской концепции, движение собственных обвинений в адрес юстиции и, наконец, тонкая критика как апелляция к патриотическому долгу империи.

Обвинение квалифицирует книгу как АМОРАЛЬНУЮ. На каком основании? Основания нет, поскольку нельзя, с точки зрения элементарной эстетики, осуждать книгу только за то, что 13 стихотворений из 101 обвинению не понравилось. «О книге, — разъяснит адвокату Бодлер, — необходимо судить во ВСЕЙ ЕЕ СОВОКУПНОСТИ (в ансамбле) и тогда наружу выступит вся ее УЖАСАЮЩЕ состоятельная мораль». Но так поступить обвинение не хочет, вернее, не умеет. Зато оно желает быть «снисходительным», лицемерно спекулируя на либерализме по отношению к творцу. Поэт объясняет адвокату: «...я не вижу никакой похвалы себе, когда, прикрываясь «снисходительностью», мне вменяют в вину лишь 13 из 101 пьесы. Напротив, в моих глазах такое «снисхождение» — весьма прискорбный факт. Имея в виду именно СОВЕРШЕННЫЙ АНСАМБЛЬ своей книги, я сказал следовательно: моя единственная вина состоит в том, что я делал ставку на универсальный интеллект, поэтому не предварил книгу предисловием с изложением своих литературных принципов и выделением столь важного вопроса, каким является вопрос МОРАЛИ».

Фраза, сказанная следовательно, — образец не только неискренности поэта, но и сарказма, в обличье которого разоблачается невежество так называемых судей. Ни на какой там «универсальный интеллект» Бодлер не рассчитывал, когда работал над «Цветами Зла». Еще в 1851 году он пишет матери следующее: «Книга моих стихов? Несколько лет тому назад такая книга создала бы человеку репутацию. Она наделала бы чертовски много шума. Сегодня, однако, и условия и обстоятельства изменились». Как видим, слово «репутация» сочетается здесь с выражением «чертовски много шума», другими словами, речь идет о СКАНДАЛЬНОЙ репутации. Изменились ли действительно обстоятельства? Да, конечно. В сороковые годы, например, можно было рассчитывать не просто на скандал, как теперь, а на скандал типа премьеры «Эрнани» Виктора Гюго, скандал, прокладывающий новые дороги в искусстве. Тогда «универсальный интеллект» встретил Гюго с неприятием, перешедшим в прозрение. В 1857 году поэт знает, что на такое ему надеяться нечего, но и верит, что Время, когда его поймут и оценят, настанет. Знал ли Бодлер, что он, рожденный в

ХІХ веке, был уже поэтом века ХХ? Возможно. Ведь старший его современник Стендаль применительно к себе был в этом уверен.

Об апелляции к элите мы уже рассуждали, но адвокату недостаточно было сослаться лишь на общие соображения. Бодлер предлагает ему более веский аргумент: «Книга продается, если учесть общее снижение цен на книжном рынке, по достаточно высокой цене. Одно это уже убеждает в том, что я не обращаюсь к толпе». Далее поэт указывает адвокату на непоследовательность юстиции, судящей по отдельным стихотворениям, а не по ансамблю. Обвинение, например, осуждает стихотворение «Лесбос» и пьесу «Отречение святого Петра». Где оно было раньше? Ведь стихотворение «Лесбос» было издано в антологии Жюльена Лемера «Поэты любви» еще в 1850 году, а «Отречение святого Петра» печатал журнал «Ревю де Пари» в октябре 1852 года. Почему в разрозненном виде эти пьесы не казались «аморальными», а, попав в книгу, вдруг ими оказались? Хороша логика обвинения, у которого столь короткая память!

Особое место в аргументации занимают примеры из современной литературы, на которые следовало сослаться адвокату. Мы уже видели, как ловко подключил Бодлер к разговору о «вольностях» Беранже. Что греха таить, не любил автор «Цветов Зла» этого популярнейшего поэта-песенника, считал, что он спекулирует на народных чаяниях и чувствах и, вместе с тем, угрожает мелкобуржуазной пошлости. Исторически он, конечно, неправ, однако, если встать на почву его новаторской эстетики, то и ничего удивительного в этом нет. Еще семь лет тому назад в статье о творчестве Пьера Дюпона, народный талант которого он считал ОРГАНИЧЕСКИМ, Бодлер пояснял свое неприятие Беранже: «Я ненавижу его, этого великого человека, порожденного суровым лицезмерием времен Консульства, который ухитрился вознаградить народ, отдавший ему свою любовь, лишь плохими стихами, — стихами, ничего общего не имеющими с поэзией, стихами неуклюжими и плохо сконструированными, полными варваризмов, солонизмов, но, увы, и гражданственности, и патриотизма». Это финальное «УВЫ» весьма примечательно: Бодлер ничего против гражданственности не имеет. Напротив, прощает же он, например, Огюсту Барбье издержки мастерства, когда отмечает: «Когда поэт, не всегда ровный, воспеваает в пламенных строфах святую святых восстания 1830 года, болеет бедами Англии и Ирландии, то, невзирая на плоскость рифм, на плеоназмы, на незавершенность периодов, искусство вступает в нерушимый союз с моралью и общественной пользой». В сущности, неприятие Беранже увязывается у автора «Цветов Зла» с комплексным неприятием всего,

в чем, так или иначе, сквозит буржуазная психология; он не бьет Беранже, ибо Беранже — любимец мелкобуржуазной элиты той эпохи. И еще один немаловажный момент. Не приводил бы Бодлер примеров из Беранже, если бы во время всей этой возни с осуждением его книги песенник не умер (16 июля). Мысль эту подал поэту журналист Вейо: «Скажите им, если будете вынуждены защищаться, что когда целый народ справляется о здоровье этого несчастного, никому не дано право преследовать «Цветы Зла». Сказано это было накануне смерти великого песенника. Вскоре сенатору Беранже были устроены государственные похороны, так что этим все с него «списывалось». Значит, цитируя «скабрёзные» примеры из песен великого человека, Бодлер ничем не мог ему повредить, зато себе находил «оправдание». Добавим, наконец, что к пассажи, посвященному Беранже, поэт делает для адвоката приписку: «Не следует, однако, злоупотреблять этим аргументом».

Уже «вдогонку» к «Указаниям» (начало августа) Бодлер предлагает своему адвокату и второй пример: «...не забудьте уродств из «Падения ангела»... Речь идет о драматической поэме Альфонса де Ламартина, относящейся уже к позднему периоду творчества этого видного поэта, одного из основоположников французского романтизма. В поэме действительно есть куски, которые при желании можно выдать за образцы откровенного садизма, а ведь Бодлера в этом тоже обвиняли. В отличие от Беранже, автор «Цветов Зла» высоко ценил этого первопроходца романтизма, обновившего французский стих, открывшего новые источники вдохновения. Правда, Бодлер, как и молодой Маркс, резко отзывался о политических амбициях великого романтика, особенно в годы Второй республики. Потерпев полное политическое фиаско, стареющий Ламартин и на поприще поэзии уже не мог вернуть себе тех подлинно поэтических качеств, которыми обладал в молодости. Тем не менее французская Академия, приняв его под свой купол, вручила ему лицензию на бессмертие, следовательно — сделала его неуязвимым в глазах служителей правосудия. Как пример с Беранже, так и пример с Ламартином прощают Бодлеру его дипломатические увертки; ведь мог же он воспользоваться огромным количеством примеров из текущего литературного процесса. Однако это означало бы «топить» своих собратьев по перу, компрометировать их перед Фемидой и, возможно, спровоцировать этим параллельные процессы.

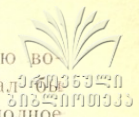
Апелляция к элите находит себе подтверждение и в изложении авторской концепции. Как мы уже видели, поэт придавал особо важное значение этой увертке. Во что бы то ни стало, а книгу

следовало отгородить от широких читательских масс и этим приглушить острые обвинения. «Существует несколько моралей. — Укажет он адвокату. — Существует позитивная и практическая мораль, установлениям которой каждый обязан подчиниться. Существует, однако, и мораль искусств. Она ничего общего не имеет с первой, и со дня сотворения мира искусство доказало это. Существует также несколько СВОБОД. Есть свобода для ГЕНИЯ, и есть весьма ограниченная свобода для шалопаев». Вопрос поставлен остро: или вы, господа, шалопан, или же принадлежите к элите. Кстати, слово «гений» на языке эпохи употреблялось и как синоним к понятию ТАЛАНТ. Конечно, не все в этом заявлении идет от «дипломатии»; Бодлер не лгал, считая права искусства в области обновления моральных ценностей и расширения духовных свобод как нечто само собой разумеющееся. В этом направлении он и трудился. Сегодня нас не эта мысль смущает; смущает лишь беспардонность стилистического оформления. Но не забудем, для кого она предназначена и какую цель преследует.

В пылу сражения Бодлер отказывается и от своих лучших качеств поэта, в частности от новаторства «Цветов Зла». Он не хочет выделяться из общего потока поэтической продукции эпохи, предпочитает оставаться поэтом традиционным, поэтом «как все»: «Я повторяю, о книге следует судить во всей ее совокупности. Богохульству я противопоставляю порыв к Небу, похоти — цветы платоники. С тех пор, как существует поэзия, все поэтические сборники составлялись именно так. Иначе как составить книгу, долженствующую выявить БРОЖЕНИЕ УМА ВО ЗЛЕ». Нет, конечно, до Бодлера сборники стихов так не составлялись. В лучших случаях их объединяла общность настроения, реже — тематики; в массе же своей это были именно лирические сборники, написанные по разному поводу. «Цветы Зла» — книга циклов, явление уже нашего, XX века. Отказываясь от собственного вклада в развитие мировой поэзии, Бодлер озабочен лишь одним: вывести из-под удара то, что обвинение квалифицировало как «богохульство» или «похоть». Наряду с этим поэт пытается под «БРОЖЕНИЕМ УМА ВО ЗЛЕ» представить судьям пусть плоскую, зато доступную их пониманию МОРАЛЬ: борьбу ума со злом.

Более конкретно выступают обвинения, предъявленные Бодлером министру внутренних дел Бийо. Поэт обвиняет высокого сановника сразу по двум статьям: ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ и УРОН, НАНЕСЕННЫЙ ЗАЩИТЕ. Первое подразумевает нажим на прессу под влиянием рецензии Эдуарда Тьерри.

Второе обвинение поэт обосновывает следующим образом: «...Несколько дней тому назад я высказал г-ну следователю свое

опасение, как бы шум об аресте книги не повлиял на добрую волю тех, кто, найдя в ней нечто, достойное похвалы, пожелал высказаться. Г-н следователь ответил мне: «Каждый имеет полное ПРАВО защищать Вас в любом печатном органе без исключения». Действительно, право на защиту существовало, так что формально и в первом, и во втором случае министр Бийо выступал как нарушитель, но, как уже заведено в лучшем из буржуазных миров, правым оказывался сильнейший. Бодлер понимал, что в этом вопросе он может одержать лишь моральную победу.

Как я уже упоминал, день прихода к власти Наполеона III был определен Бодлером как самый ЧЕРНЫЙ день в его жизни. В этом ключе и следует воспринимать «кость», брошенную режиму поэтом: «Новая наполеоновская власть, отличившись на поле брани, должна теперь искать отличий на поприще литературы и искусства». Так и видишь на расстоянии десятилетий, с какой сардонической улыбкой записывал эту фразу поэт. Под такую заявку можно и волю себе дать: «Что же это за мораль, осторожная, заикающаяся, дразнящая, стремящаяся не меньше не больше как к СОЗДАНИЮ КОНСПИРАТОРОВ даже в тихой пристани МЕЧТАТЕЛЕЙ?». Вопрос, разумеется, чисто риторический. Однако он содержит изрядную силу обличения, если принять наивную позу, позволив себе «страшное» предположение: «Подобная мораль способна подвести нас к выводу: ВПРЕДЬ БУДЕМ ПИСАТЬ ЛИШЬ УТЕШИТЕЛЬНЫЕ И УГОДНИЧЕСКИЕ КНИГИ, ДОКАЗЫВАЮЩИЕ, ЧТО ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ ДОБРЫМ И ЧТО ВСЕ ЛЮДИ СЧАСТЛИВЫ». Здесь, очевидно, следовало бы просто душно усомниться, после чего выразить робкую надежду на некое «прозрение» режима. Не тут-то было. Разъяренный поэт мощным ударом кулака заканчивает свою мысль: «Омерзительнейшее лицемерие!»

Совершенно неожиданно для поэта и, естественно, для министра Бийо газета «La Croix» публикует за четыре дня до процесса рецензию Эдуарда Геппа на «Цветы Зла», где есть очень важное для Бодлера место: «Художник прежде всего, и художник серьезный, стихи его обращены к очень узкому кругу читателей... Несомненно, книга его — одна из самых прекрасных, каких уже давно не было». Под «узким кругом» критик подразумевал, конечно же, не то, чего добивался Бодлер от юстиции. Сделаем короткое отступление.

В середине прошлого века французская поэзия переживала очередной кризис роста. Новые художественные ценности, вносимые Бодлером, стали давать свои всходы лишь четверть века спустя. Эпоха романтизма уходила в прошлое. Вместе с ней уходил

и прежний читатель, ценитель высокой эмоциональности, знаток просодических тонкостей, поклонник риторического блеска. Место его занимал «реалистически» мыслящий потребитель искусства, сматривающий поэзию не как духовную пищу, а как повод к излиянию своей сентиментальности. От поэта стали требовать удовлетворения «душещипательных» порывов, броской красоты, галантно-го остроумия. И критик пошел другой. Не ревностный страж алтаря Музы, а доверенное лицо потребителя, рекомендуемое лишь то, что в моде, что хорошо продается, что обязательно ему, потребителю, придется по душе. Буржуазная пошлость диктовала свои законы. Им подчинялись поэты, жаждущие славы. Их защищали критики, стремящиеся к материальному благополучию. Но век свой доживал и подлинный ценитель поэзии. Его-то и имел в виду Эдуард Гейн, неброский, но честный литератор, когда писал, что «Цветы Зла» обращены к «очень узкому кругу». Критик смотрел в прошлое, туда, где еще умели ценить пусть чужое, но объективно ПРЕКРАСНОЕ. Оценил же Сент-Бёв, романтик «первого призыва», «Цветы Зла»; не авангардист наших дней, а сам «вождь» романтического движения Виктор Гюго через несколько дней поздравит Бодлера с «приговором, вынесенным ему правосудием Наполеона III» и при этом добавит: «Ваши ЦВЕТЫ ЗЛА сияют ослепительным блеском звезд». И этот «узкий круг» имел в виду Эдуард Гейн.

Приближался день судебного разбирательства. С помощью знакомого типографа Бодлеру удастся собрать в крохотную брошюру четыре положительные рецензии во главе с отзывом Эдуарда Тьерри, чтобы раздать ее всем заинтересованным в его деле лицам. Таков ответ поэта на нажим министра. Остальное повисало в воздухе. От Фульда — ничего вразумительного, неясна и позиция Мериме (нам уже ясна), Сент-Бёв обнадеживает, но и увильчивает. Готье от «вербовки» принцессы Матильды отказывается. В эти дни Бодлер встречает своего «идола», свою несостоявшуюся Беатриче; он наносит ей визиты, обедает с ней и ее содержателем, бельгийским банкиром Моссельманом. 18 августа, т. е. за два дня до процесса, он пишет ей пространное письмо, из которого важно выделить следующие строки: «В прошлый четверг я видел своих судей. Не скажу, чтобы они были красивы; они в высшей степени уродливы; и души их должны соответствовать их лицам. У Флобера была императрица. Мне же не хватает женщины. Пришла в голову странная мысль — просить Вас через Ваши связи и каналы... довести до одной из этих голов хоть одно благоразумное слово... Послезавтра утром состоится слушание дела, в четверг. Чудовища эти зовутся: председатель — ДЮПАТИ, прокурор —

ПИНАР (опасный), судьи — ДЕЛЕВО, ПОНТОН д'АМЕКУР, НАККАР».

Сабатье проявила добрую волю, но ее «канал» выходил лишь на Беллейма, возглавлявшего кассационную палату Трибунала. Чиновник этот, однако, уже вмешаться не мог, поскольку дело вот должно было разбираться. Отметим также некоторые неточности в списке «чудовищ». Дюпати лишь исполнял обязанности председателя, а «опасный» Пинар был тогда еще заместителем прокурора. «Опасным» Пинар назван потому, что полгода тому назад обвинял Флобера и, как говорится, уже проявил себя в деле, а если и «спасовал», то ведь не перед Флобером, а перед императрицей. Пинар продолжал восхождение по служебной лестнице: к старости он даже издаст отдельной пухлой книжкой свои обвинительные речи. Он не включит в нее, однако, ни речи против Флобера, ни речи против Бодлера. Постеснялся, что ли? Или надеялся, что история забудет и т.о. и другого, а его, Пинара, вспомнит? Зря не включил. Ведь все равно история его вспоминает, но только в связи с Флобером или Бодлером.

Утром 20 августа в Шестой палате парижского Трибунала состоялось слушание дела о «Цветях Зла». К сожалению, протоколом судебного разбирательства мы не располагаем. В героические дни Парижской Коммуны в здании Трибунала был пожар и значительная часть архива сгорела. Свидетельства, оставленные другим поэтом Асселино и писателями д'Оревилли и Шанфлерн, пришедших «болеть» за Бодлера, по разным пунктам противоречат друг другу. В одном, однако, сходятся: судьи были заняты своими разговорами и практически не слушали ни объяснений автора, ни защитительной речи Шэ д'Эст-Анжа, который скрупулезно придерживался «Указаний», ни даже Пинара. Отметим и такой немаловажный факт: на суд не явились издатели, ни Пуле-Мальасси, ни его компаньон Де Бруза. Почему? Ответ не может быть однозначным, поскольку протокол не сохранился. Не упоминают об этом ни сам Бодлер, ни его свидетели. Вполне возможно, что издатели воспользовались правом письменного заявления, что равносильно покаянию и готовности заранее исполнить касающийся их пункт приговора.

Свою обвинительную речь Пинар закончил следующими фразами: «Будьте снисходительны к Бодлеру, человеку смятенному и неуравновешенному. Будьте снисходительны и к издателям, спрятавшимся за его спиной. Но, приговаривая хотя бы несколько строк из книги, вы утвердите этим предостережение, необходимость которого крайне насущна». Как видим, бурденовское усомнение в «здравом смысле» автора «Цветов Зла» выступает здесь в не-

сколькo смягченном виде — «неуравновешенный». Пинар, говоря в заключительной части своей речи о «нескольких» пьесах, в начале ее назовет цифру 11. Читатель помнит требование следователя запретить 13. Выходит, Бодлеру удалось отстоять два названия (обо одном я уже говорил).

Призыв обвинителя к «снихождению» был услышан, и, поскольку Пинар, предварительно требуя запретить 11, в конце речи обобщил это число словами «хотя бы несколько», то в приговоре судьи ограничились лишь ШЕСТЬЮ пьесами, полагая, очевидно, что для «предостережения» и этого довольно. В частности, были спасены все стихотворения, квалифицированные как «оскорбление религиозной морали», включая самое острое из них — «Отречение святого Петра». Бодлер был прав, требуя от юстиции последовательности. Судьи учли это: раз в свое время пьеса эта «проскочила», то и теперь можно закрыть на нее глаза, а вкупе с ней и на остальные, менее острые по идее. Зато были взяты во внимание все пьесы, квалифицированные обвинением как «оскорбление общественной морали и благочравия», потому что они «...неминуемо способствуют возбуждению инстинктов своим грубым реализмом изображения, оскорбляя этим целомудрие», а также потому, что «...книга, озаглавленная «Цветы Зла», содержит развратные и аморальные пассажи и выражения».

Итак, шесть стихотворений: «УКРАШЕНИЯ» (№ 20), «ЛЕТА» (№ 30), «ТОИ, КОТОРАЯ СЛИШКОМ ВЕСЕЛА» (№ 39), «ЛЕСБОС» (№ 80), «ДЕЛЬФИНА И ИППОЛИТ» (№ 81) и «МЕТАМОРФОЗЫ ВАМПИРА» (№ 87). Первые две пьесы должны были быть наказаны за то, что в живописи именуется «ню» (обнаженное женское тело). Смотреть, оказывается, можно, — Рубенса, Делакруа, а вот читать об этом нельзя. В третьем и последнем стихотворениях судьи усмотрели цинизм вперемежку с садизмом. В остальных наказывалась сексопатология. «Снихождение» не дорого обошлось издателям. На них наложили штраф в размере 200 франков, автора оштрафовали на 300. Сам писал — плати больше. Для нищего поэта это были, конечно, деньги. Но главное было в запрете печатать где бы то ни было целых шесть гениальных стихотворений. Запрет наносил большой урон единому ансамблю «Цветов Зла». Без этих пьес книга становилась похожей на красавицу, которой ампутировали ногу. «Комедия закончилась в четверг», — подытожит Бодлер в письме к Флоберу.

Комедия. В творческом плане она обернулась в подлинную драму творца, достигшего совершенства всех звеньев в ансамбле творения и вынужденного «совершенствовать» то, что в совершенстве уже не нуждалось, «компенсировать» то, в чем не было никако-

го смысла. Возникла абсурдная ситуация: чтобы «компенсировать» старую книгу, нужно было написать НОВУЮ и через нее от старой отказаться, само ее существование перечеркнуть. Поэту себе следующую аналогию: А. С. Пушкин публикует поэму «Цыгане», ее осуждает аракчеевский трибунал за то, что Земфира поступила аморально в отношении к Алеко, иначе говоря, автору разрешат публиковать эту поэму, но при условии, что он выбросит из нее песню «Старый муж, грозный муж...», а также сцену тайного свидания Земфиры с молодым цыганом. Если подсчитать, то не так уж много стихов придется убрать, заменяя их, предположим, усилением идеи о несовместимости цивилизации с первозданным укладом. Но ведь это уже будут не «Цыгане», скажет читатель. И правильно скажет. Конечно, А. С. Пушкин напишет «Онегина», что сильнее «Цыган», но ведь жалко «Цыган», которых никакие новые редакции уже не восстановят. Забегая вперед, скажу, что Бодлер попытается «компенсировать» шесть запрещенных пьес и создаст 32 новых стихотворения, которые, невзирая на все их совершенства, не смогут восстановить ни прежний замысел, ни прежнюю структуру.

Понимали ли судьи, что творили? О, если бы понимали... Тогда, став на их классовые позиции, разделив их желание увековечить власть буржуазии на веки вечные, можно было бы и понять зловещий смысл творимого. Ведь Бодлер расшатывал не их политический фасад; он пробирался к ним с черного хода, раскрывая всю глубину порока в их интимном укладе, проникая к ним в спальни, где жил хищник во всем естестве своего отчуждения к загнанной жертве. Респектабельные банкиры, породистые светские львицы, галантные сановники, благонравные матроны, витиеватые философы позитивизма — сколько блеска, лоска, золота, драгоценных камней! И лжи. И лицемерия. Лицемерие, но не то, в обличье которого шли к своей цели растиньяки и сорели, а лицемерие, глубоко врожденное и ставшее «второй натурой», карало автора «Цветов Зла».

Вторая империя оказалась тем стоком, куда политиканствующая буржуазия слила всю накипь от постепенно потухающих революционных страстей отчаявшихся и сбитых с толку народных масс. Наступила не просто реакция. Наполеон III не был Николаем I царем, глубоко убежденным в «спасительной» миссии самодержавия. И солдафоном он не был. Он был честолюбивым паразитом и возвел паразитизм в степень великой идеи. Он выводил страну из хаоса, ее действительно охватившего в результате бездарного правления бурбонов и орлеанов, в результате противоречивых мер периода Второй республики. Он выводил страну из хаоса, но

как? Путем непрерывных колониальных захватов, в дыму милитаристической истерии, в угаре шовинистических страстей, путем грабежа чужого сырья, эксплуатации дешевых людских ресурсов заморских территорий, путем привития не только буржуазии, но и трудовым массам, оболваненным посулами скорого всеобщего благоденствия, идеи превосходства французов над другими народами.

При чем, скажете, здесь судьи? А судьи как раз при том. Судьи стояли на страже интересов быстро обогащающейся буржуазии, а тот, кто обогащается, и деньги тратить хочет. Не на филантропию, конечно. Это дело синих чулков и бессильных старцев. А на свои удовольствия, на насыщение своего зверя, на свой подленький мелкобуржуазный развратик, исподтишка организованный изощренной коммерческой системой полуборделей. Наступил, по выражению Блока, «век не салонов, а гостиных, не Рекамье, а просто дам». О нет, это не был разврат знаменитых либертинов ушедших лет старого режима, не тот, о котором писали Ланкло или Казанова, Ротклиф де ля Бретон или маркиз де Сад. Это были не римские оргии, торжество не только секса, но и раскрепощенной мысли. Это был именно развратик, небольшие шалости, которые себе позволяли деловые люди, образцовые отцы семейства, примерные патриоты. Превыше всего МОРАЛЬ, а ее нарушает тот, кто описывает «неприличные» позы, употребляет «неприличные» слова, рисует «неприличные» страсти. ПРЕДУПРЕЖДАТЬ нужно таких, снисходительно карая при этом, дабы неповадно им было лезть в чужую постель. Такова мораль из пресловутой буржуазной морали.

Вернемся, однако, к Бодлеру. Результаты процесса свергли его в бешенство. Кое-кого это удивляет и сегодня: дескать «снисходительность» не только суда, но даже прокурора налицо (всего лишь шесть стихотворений, всего лишь 300 франков штрафа). Конечно, после процесса поэт еще не ощущал того драматизма сугубо творческого свойства, который ждал его впереди. Бесило прежде всего, отношение к нему как к ТВОРЦУ (в человеческом плане он другого и не ждал) со стороны имперского правосудия, со стороны этих «чудовищ». Будто судили не автора, на протяжении многих лет «яростно и терпеливо» создававшего творение, а мелкого хулигана, теперь уже, в роли подсудимого, ничуть не опасного. У судей полностью отсутствовал какой бы то ни было интерес к сути и к значению разбираемого дела. Поэта сделали козлом отпущения, ибо возникла необходимость ПРЕДУПРЕЖДАТЬ. Бесило, во-вторых, отношение литературного «олимпа», не пожелавшего вмешаться хотя бы из принципа. Радовало, конечно, присутствие д'Оревилли, мало знакомого ему человека и эсте-

тически чуждого писателя, но собрата честного, благородного, со-
знающего свою ответственность перед литературой. Естественным
было присутствие дружков Асселино и Шанфлери, таких же, как
он, литературных «пролетариев» (речь не о масштабах таланта,
а о судьбе). Да и слушать его не стали! Скоты! Наконец, «столь
невысокий штраф» отнюдь не оказался «пустячком» в условиях
вконец расшатанного финансового положения поэта.

В феврале этого года он сообщал матери: «...Когда ты имел
несчастье залезть в долги, то они постоянно растут, увеличивая
все расходы. Эта простая истина известна всем беднякам, наделавшим долги. И я чувствую, что пока не выплачу все до еди-
ного гроша, жизнь моя будет напоминать мне ад. Этим я обязан
Вам, но это не значит, что я Вас меньше люблю». В июне, гото-
вя к изданию «Цветы Зла», он вынужден был обратиться за по-
мощью к министру просвещения: «Хотя доходы от моего труда
никогда не покрывали все мои потребности, до сих пор они позво-
ляли мне не прибегать к прошениям, всегда столь неприятным мое-
му характеру, — сегодня, однако, срочная нужда заставляет меня
обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой о поддержке
из фондов, отведенных для науки и литературы». То немногое, что
удалось выручить от «Цветов Зла», ушло на покрытие «неотлож-
ных» долгов (были разные «категории» долгов у поэта); вырвать
что-нибудь у издателей, продающих остаток по двойной цене и
нелегально, также не удавалось. Конечно же, эти 300 франков
можно было как-нибудь достать. Сильней оказалась обида: с ка-
кой стати, скоты, я должен вам деньги платить! Поскольку и так
унижаться пришлось, он прибегнет еще к одному унижению. На-
пишет той женщине, которой ему не хватало. Свое письмо к им-
ператрице он закончит следующими словами: «...Штраф, увеличен-
ный несуразными расходами, превышает возможность вошедшей в
поговорку поэгической бедности, и, поощренный примером уваже-
ния ко мне со стороны людей, столь высокопоставленных (намек
на Фульда — Г. О.), и, вместе с тем, уверенный, что Сердце Им-
ператрицы открыто для жалости... я решил прибегнуть к ласковой
доброте Вашего Величества с просьбой заступиться за меня перед
гном Министром Юстиции». Что ж, «открытое к жалости сердце»
милость свою явило, но от принципа все же не отказалось: штраф
был сведен до 50 франков с оттяжкой на шесть месяцев.

Окончание следует

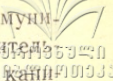
Владимир МЕРКВИЛАДЗЕ

СОКРОВИЩНИЦА ЛЕНИНСКОГО НАСЛЕДИЯ

БОГАТЕНШЕЕ идейное наследие В. И. Ленина — живое революционное учение, надежный компас международного коммунистического и рабочего движения, всего прогрессивного человечества, всех борцов за мир, демократию и социализм. Ленинизм сегодня не только теория и политика, но и живая действительность, широкая социальная практика.

Одной из особенностей современного мирового развития является именно то, что миллионы людей планеты овладевают великими идеями ленинизма и строят свою жизнь согласно этому учению. Прямым результатом этого являются глубокие революционные преобразования в ряде стран, грандиозные освободительные движения, достигнутые трудящимися победы в борьбе против социального и национального угнетения. Ленинизм — верное оружие идейного воспитания масс, упрочения их революционной веры. Он обогащает духовный мир людей труда, помогает им разбираться в событиях, действовать активно и принципиально.

Живым олицетворением ленинских идей является построение в нашей стране развитого социалистического общества, в которое вложены ум и труд всех поколений советских людей, их мужество и самоотверженность, знания и опыт.

Ленинизм творчески развивается международными коммунистическими и рабочими партиями, обогащается опытом строительства социализма и коммунизма, борьбы трудящихся стран капитала и национально-освободительного движения. Как интернациональное учение он все шире распространяется среди трудящихся масс всех стран, превращается в мощную материальную силу и оказывает решающее влияние на мировое развитие.

На протяжении своей титанической теоретической и организаторской деятельности В. И. Ленин написал сотни книг и брошюр, тысячи статей и писем, выступал с докладами и речами. Он оставил мировому революционному движению, строителям социализма и коммунизма богатейшее литературное наследие. Достаточно сказать, что число опубликованных на русском языке работ, принадлежащих перу В. И. Ленина, уже превысило десять тысяч. Труды Владимира Ильича печатаются в нашей стране на 118 языках народов мира, в том числе на 66 языках народов СССР. На языках народов мира издано свыше 15 тысяч книг и брошюр В. И. Ленина. Общий тираж советских изданий собраний Сочинений, избранных произведений, сборников и отдельных работ вождя партии и народа превышает 560 миллионов экземпляров.

В СССР осуществлено пять изданий Сочинений В. И. Ленина. Особенно широкое распространение получили четвертое и пятое издания. В пятое издание Сочинений вошло 8703 работы, в том числе впервые опубликовано 1073. Вышло уже четыре дополнительных тиража этого издания. Регулярно на нескольких языках большим тиражом издаются отдельные теоретические работы В. И. Ленина. Большим спросом у читателей пользуются издававшиеся многократно избранные произведения В. И. Ленина в трех томах. Важнейшие теоретические труды Ленина систематически выпускаются в нашей стране большими тиражами на многих языках в виде отдельных книг и брошюр. По числу переводов работы В. И. Ленина занимают первое место в мире. В настоящее время на земле нет ни одного уголка, куда бы ни проникли книги В. И. Ленина, где бы их ни читали люди труда.

«На свете не было и нет человека, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — труды которого имели бы такое распространение, какое имеют произведения В. И. Ленина... Тиражи ленинских книг исчисляются сотнями миллионов экземпляров. Их читают, по ним учатся жить и бороться люди во всех странах, на всех континентах»¹.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, с. 561.

Ленинские произведения вооружают трудящихся всех стран мира знанием законов общественного развития, уверенностью в победе социализма. Поэтому переводы произведений В. И. Ленина на языки народов мира и их издание массовым тиражом стали важнейшей практической задачей коммунистических и рабочих партий всех стран.

Мощным призывом участников Московского международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года стало обращение ко всем коммунистам, ко всем борцам за социалистическое преобразование общества, ко всем сторонникам прогресса и мира:

«Изучайте труды Ленина! В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир. Знакомство с ними помогает молодому поколению яснее увидеть революционные перспективы нашей эпохи. Шире пропагандируйте достижения ленинизма, успехи социалистических стран, коммунистических партий, всех революционных сил!»²

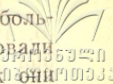
Весь ход современного мирового развития убедительно доказывает силу величайших революционных преобразований ленинизма, вооружающего трудящихся, марксистские партии единственно правильным, проверенным жизнью революционным учением.

* * *

В. И. Ленин пристально следил за деятельностью революционных социал-демократических организаций Кавказа и в своих трудах широко освещал основные проблемы его социально-экономического и политического развития, выдвигал боевые задачи партийных организаций края. В трудах вождя содержатся многочисленные характеристики и оценки фактов и событий, происходивших в Грузии и во всем Закавказье. В произведениях В. И. Ленина насчитывается свыше 300 писем, высказываний и пометок, которые непосредственно относятся к Грузии и грузинским деятелям.

Революционные социал-демократические организации Грузии и Закавказья, возникшие под непосредственным влиянием русского революционного рабочего движения, поддерживали постоянную и тесную связь с В. И. Лениным и с созданным им Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который являлся прообразом нашей партии.

² Документы международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 года. М., 1969, с. 481.

Уже с середины 90-х годов прошлого века в Грузии с большим интересом знакомились, изучали и широко пропагандировали такие работы Ленина, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Фридрих Энгельс», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», прокламация «К рабочим и работницам фабрики Торнтона». На известную работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» почти сразу после ее выхода впервые была напечатана рецензия в грузинской газете «Квали», в которой подчеркивались высокий научный уровень этого произведения и необходимость его изучения. Она явилась по существу первым в России откликом на этот труд Ленина. Интересно отметить, что в 1897 году при провале батумского социал-демократического кружка у одного из его руководителей И. Лузина был найден составленный им конспект произведения В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Именно после ознакомления с работой Владимира Ильича «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» ученик Тбилисской духовной семинарии И. Джугашвили в 1898 г. сказал: «Я во что бы то ни стало должен увидеть его».

В феврале 1904 года в Женеве по инициативе В. И. Ленина при Центральном Комитете РСДРП была создана специальная комиссия по изданию социал-демократической партийной литературы на грузинском и армянском языках. Комиссия имела группы содействия в Берлине, Женеве, Лейпциге, Мюнхене и Париже. Вскоре на грузинском языке за границей вышли Программа и Устав РСДРП, а также резолюции II съезда, написанные В. И. Лениным. Были переведены на грузинский язык и изданы также прокламации ЦК РСДРП «О войне», «Первое мая», «О месте бунда в партии», «Об отношении к учащейся молодежи» и другие, принадлежащие перу Владимира Ильича.

Несмотря на жесточайшие преследования, большевикам Закавказья удалось не только распространить в массах идеи ленинских трудов, но и широко организовать их переводы и издание. Огромную роль в этом сыграла Авлабарская нелегальная типография — замечательный образец большевистской техники и конспирации. Здесь, в подземелье, на грузинском, русском, армянском языках многотысячным тиражом печатались труды В. И. Ленина и партийные документы.

Еще весной 1903 года в Женеве вышла известная работа В. И. Ленина «К деревенской бедноте», повсеместно вызвавшая большой интерес. В ней наглядно разъяснялись злободневные вопросы крестьянства и пути их разрешения. Женевская грузинская группа перевела ее на грузинский язык, но издать ее тогда за границей не удалось.

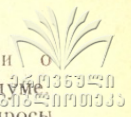
III съезд Кавказского Союза РСДРП, состоявшийся в мае 1904 года, принял специальное постановление о переводе этой работы на грузинский язык и о внесении в нее некоторых дополнительных данных в соответствии с местными условиями. Брошюру перевел Ф. Махарадзе, и в марте 1905 года она была издана в Авлабарской типографии. В ней понятным для грузинских крестьян языком излагались основные положения работы В. И. Ленина. Брошюра пользовалась большим успехом, быстро разошлась и вскоре стала библиографической редкостью. Здесь же в 1905 году на грузинском языке отдельными изданиями вышли ленинские работы «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», «Три конституции или три порядка государственного устройства», «Извещения о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии», большое количество статей и листовок.

В. И. Ленин уделял большое внимание грузинской большевистской печати. С присущей ему чуткостью отозвался он на просьбу большевиков Закавказья поддержать газету «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»), принять в ней участие своим сотрудничеством.

Вождь партии проявлял огромный интерес к деятельности грузинских большевиков в годы первой русской революции. В июне 1905 года на страницах этой газеты были опубликованы его статьи «Третий съезд», «Демократические задачи революционного пролетариата», резолюция III съезда «По поводу событий на Кавказе», в которой отмечалось усиление революционного выступления крестьян в Грузии, а кавказские партийные организации характеризовались как наиболее боевые организации нашей партии³.

В последнем номере журнала «Могзаури» («Путешественник») в ноябре 1905 года была опубликована первая часть статьи В. И. Ленина «О реорганизации партии», а в июльских (1906 г.) номерах газеты «Ахали цховреба» («Новая жизнь») — написанные В. И. Лениным проект резолюции о Государственной думе и «Кадетские подголоски». В газете «Дро» («Время») от 13 мар-

³ В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, т. 10, с. 191.

та 1907 года был опубликован ленинский проект резолюции о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе

В этих работах В. И. Ленина рассмотрены основные вопросы стратегии и тактики в период подъема первой русской революции, гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, союза рабочего класса и крестьянства, свержения царизма путем вооруженного восстания и установления революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

О популярности ленинских трудов среди сознательных рабочих и революционных крестьян свидетельствовало много фактов. Член ЦК РСДРП Д. С. Постоловский в начале июля 1905 года с Кавказа писал В. И. Ленину, что «среди грузин ведутся в городах и деревнях, в поездах железных дорог, — словом, всюду, оживленнейшие споры на тему об отношении стихийности к сознательности. Приводят цитаты из Ленина, Плеханова, Каутского, Маркса и Энгельса. Цитируют «Эрфуртскую программу», «Коммунистический манифест», «Что делать?», «Шаги», «Протоколы» и проч. Все это производится с непередаваемой чисто южной страстью. Именно эта сторона дела и дает надежду на нашу полную победу»⁴.

Докладывая В. И. Ленину о широком распространении его произведений, ветеран партии М. Цхакая писал: «Там⁵ ни о чем слушать не хотят, если не заговорит агитатор об этом⁶, о Ленине и об его понимании стихийности и сознательности. Как видите, тов. Ленин может гордиться, что пропагандисты и агитаторы — самые молодые — вынуждены по всем уголкам разыскивать его «Что делать?» и «Шаги»... и подготавливаться для дискуссии»⁷.

В годы реакции и нового революционного подъема В. И. Ленин внимательно наблюдал за деятельностью большевиков Закавказья, делал много интересных записей, касающихся партийных организаций Тбилиси, Поти, Батуми, Кутаиси и др., с большим интересом знакомился с литературой о Грузии, поддерживал оживленную переписку с грузинскими большевиками, находившимися за границей в эмиграции.

В 1917 — 1920 годы в Грузии было издано около 60 работ

⁴ Страницы Грузинской Ленинианы. Тбилиси, 1970, с. 117.

⁵ Речь шла о районе действия Имеретинско-Мингрельского комитета РСДРП.

⁶ Подразумеваются две фракции в партии.

⁷ Страницы Грузинской Ленинианы, с. 114.

В. И. Ленина. В их числе на грузинском языке отдельными книгами вышли «Государство и революция», «Доклад и заключительное слово на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».

Так прокладывали путь в Грузию бессмертные труды В. И. Ленина, завоевывая сердца трудящихся масс.

После установления в Грузии Советской власти перевод, издание и распространение на грузинском языке произведений В. И. Ленина стали важнейшей задачей идеологической работы Компартии Грузии.

Перевод и издание трудов В. И. Ленина приобрели более организованный и целенаправленный характер с 1933 года, когда был создан Грузинский филиал Института марксизма-ленинизма, на который возлагалась ответственность за качество перевода трудов классиков марксизма-ленинизма, единство их стиля и терминологии.

В годы строительства социализма несколько раз издавались отдельные труды В. И. Ленина, избранные статьи, письма и речи, сборники тематических материалов по вопросам партийного строительства, пропаганды и агитации, социалистической демократии, пролетарского интернационализма и другим вопросам.

За годы Советской власти на грузинском языке были изданы 120 томов сочинений, избранных произведений и тематических сборников В. И. Ленина общим тиражом 1,5 млн. экземпляров. Несколько раз отдельными книгами вышло до 150 наименований трудов вождя, тираж которых достиг 1310 тысяч. Всего с 1921 года по настоящее время в Грузии издано свыше 300 наименований трудов В. И. Ленина, общий тираж которых превысил 3 миллиона экземпляров. Завершен выпуск грузинского перевода четвертого издания Сочинений В. И. Ленина в 35 томах и десяти дополнительных томов к этому изданию. Все это наглядно говорит о том, как возрос в Грузии читательский интерес к бессмертным трудам В. И. Ленина.

В настоящее время в Институте истории партии при ЦК КП Грузии ведется работа по подготовке полного собрания Сочинений В. И. Ленина на грузинском языке.

* * *

С гордостью можно сказать, что некоторые работы В. И. Ленина с языка оригинала впервые были переведены на грузинский язык и изданы в Грузии, а затем уже вошли в собрания Сочинений. Например, статья «Выборы в Думу и тактика русской соци-

ал-демократии» была написана В. И. Лениным на немецком языке и впервые напечатана 27 марта 1907 года в немецком журнале «Новое время». В России статья с немецкого впервые была переведена на грузинский язык и буквально через 8—9 дней опубликована в большевистской газете «Дро» («Время») в номерах от 8 и 9 апреля 1907 года. Это была вообще первая публикация данной статьи в России.

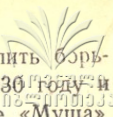
В ней на конкретных примерах показана буржуазная сущность выборов Государственной думы и сформулирована тактическая задача большевиков — освободить демократическое крестьянство, а также мелкую буржуазию города от влияния либералов и вовлечь их в революционную борьбу.

Знаменитая статья В. И. Ленина «Избирательная платформа РСДРП», написанная им в начале марта 1912 года в Париже вскоре после Пражской конференции, впервые тогда же была перепечатана в Тбилиси отдельной листовкой Русским бюро ЦК РСДРП от имени ЦК. «Избирательная платформа» явилась боевым программным документом, содержащим призыв к революционной борьбе. Она распространялась вместе с листовкой «За Партию!», написанной И. В. Сталиным. Листовки были доставлены в крупнейшие промышленные центры страны и вызвали большой интерес среди партийных организаций и рабочих. Газета «Социал-демократ» сообщала, что «листовки Центрального Комитета везде были встречены с радостью, только сожалели, что их мало». 29 марта 1912 года Г. К. Орджоникидзе из Киева писал, что листовки произвели очень хорошее впечатление, народ в восторге.

В. И. Ленин знал, что эти документы должны были быть напечатаны в Тбилиси, и когда узнал, что грузинские большевики справились с этой задачей успешно, вождь горячо приветствовал их. Существуют архивные материалы, в том числе и жандармские донесения, о том, что эта статья В. И. Ленина была напечатана и на грузинском языке и получила широкое распространение в Кутаиси, Чиатура, Квириле (Зестафони), Батуми и Поти.

В. И. Ленин имел личную переписку с видными профессиональными революционерами Грузии и всего Закавказья. Некоторые грузинские большевики непосредственно получали от Ленина отдельные статьи, письма и знакомились с ними в рукописи.

28 марта 1912 года В. И. Ленин направил из Парижа в Тбилиси членам Русского бюро Центрального Комитета РСДРП Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряну и Е. Д. Стасовой директивное письмо, в котором остро критиковал их за отсутствие полной информации, сношений и связей. Вождь партии, в частности, требовал срочно направить ему резолюции большевистских организа-

ций, одобряющие решения Пражской конференции, и усилить борьбу с ликвидаторами. Это письмо было обнаружено в 1930 году и впервые опубликовано на грузинском языке в газете «Муша» («Рабочий») в номере от 21 января того же года.

Знаменитый ленинский труд «Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств», написанный в мае 1914 года, еще в рукописи был известен грузинским большевикам. По поручению В. И. Ленина рукопись этой работы была послана в Грузию через М. Н. Давиташвили, находившегося тогда в Париже. Направляя проект тбилисской и кутаисской группам большевиков, М. Н. Давиташвили просил их послать Владимиру Ильичу все материалы по национальному вопросу. Одновременно в своем письме он выразил пожелание, чтобы Ф. М. Махарадзе, находившийся в то время в Кутаиси, после ознакомления с проектом списался с В. И. Лениным⁸.

Ленинский законопроект предполагалось внести в Государственную думу. В одном из пунктов этого замечательного документа говорилось, что все нации государства «безусловно равноправны, и какие бы то ни были привилегии, принадлежащие одной из наций или одному из языков, признаются недопустимыми и противоконституционными»⁹. В. И. Ленин остро критиковал сторонников «культурно-национальной автономии», которая узаконивала привилегии господствующих наций и замыкала в скорлупу отсталости слаборазвитые нации.

Выступая против ликвидаторов, В. И. Ленин в письме С. Г. Шаумяну указывал, что «этим путем можно бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и убить сторонников этой глупости окончательно»¹⁰. Законопроект внести в Государственную думу не удалось, но он сыграл огромную роль в разоблачении ликвидаторской политики меньшевиков. Этот труд Ленина явился для грузинских большевиков еще одним ценнейшим документом в борьбе за программные положения партии по национальному вопросу.

Видный грузинский большевик Н. Д. Кикнадзе принимал активное участие в дискуссии по национальному вопросу, состоявшейся в Женеве в 1916 году. Он выступал против А. В. Луначарского, Д. З. Мануйльского и других, критиковавших положение

⁸ Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1971, с. 270—271.

⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, с. 136.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, с. 507.

ния В. И. Ленина, касающиеся лозунга защиты отечества и права наций на самоопределение. Н. Д. Кикнадзе подробно описал Ленину ход этой дискуссии. В начале октября 1916 года он получил от В. И. Ленина письмо, в котором вождь благодарил его за информацию о женевской дискуссии и писал:

«Раз Вы хотите спорить с ними, посылаю Вам свою статью.. Это — приватно, т. е. только для Вас: по прочтении верните мне или отдайте Карпинским, чтобы они с очередным пакетом вернули мне. Публике этого показывать я еще не могу»¹¹. Это была рукопись статьи В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», которая была написана осенью 1916 года и являлась ответом Пятакову (П. Киевскому) на статью «Пролетариат и «права наций на самоопределение» в эпоху финансового капитала». Эта статья была предназначена для находящихся за границей большевиков. В. И. Ленин тем самым помог и Н. Д. Кикнадзе глубже разобраться в национальном вопросе.

В ноябре 1916 года В. И. Ленин послал Н. Д. Кикнадзе второе письмо, в котором касался вопроса о праве наций на самоопределение и отношения большевиков к империалистической войне. Это было ответом на просьбу Н. Д. Кикнадзе вкратце разъяснить ему позицию большевиков по этому вопросу. Вождь в то же время отметил ошибочность взглядов самого Н. Д. Кикнадзе по некоторым принципиальным вопросам. Статьи В. И. Ленина по национальному вопросу помогли колеблющимся в этом вопросе большевикам занять правильную позицию. «Как раньше я стоял в общем и целом против «права на самоопределение», так теперь в общем и целом за это право... — писал Н. Д. Кикнадзе В. И. Ленину в ноябре 1916 года. — Этим поворотом я обязан безусловно Вашим статьям, которые суммируют (после Ваших статей в «Просвещении», 1914, 4, 5, 6) все, что только можно сказать против поляков, — и трактуют вопрос исчерпывающе... Эти статьи кажутся мне прямо образцом применения диалектического метода в разработке политических проблем нашего движения»¹².

Эти два письма В. И. Ленина Н. Д. Кикнадзе хранил сам, и он же впервые опубликовал их на грузинском языке в газете «Комунисти» 27 января 1924 года.

Также впервые был опубликован в Грузии ряд директивных писем и телеграмм В. И. Ленина. Например, 6 марта 1921 года в газете «Правда Грузии» было напечатано письмо вождя от 2 мар-

¹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 49, с. 317.

¹² В. И. Ленин. ПСС, т. 30, с. 424.

та 1921 года, в котором он горячо приветствовал грузинских коммунистов и членов Грузинского ревкома в связи с установлением в Грузии Советской власти и давал им мудрые советы. Это письмо, предназначенное специально для грузинских коммунистов, являлось директивным указанием для упрочения Советской власти и разработки своеобразной тактики коммунистов.

В номере от 17 марта той же газеты была опубликована телеграмма В. И. Ленина от 10 марта 1921 года, с которой он обратился к Реввоенсовету XI Красной Армии с предложением установить полный контакт с Ревкомом Грузии и не предпринимать без согласования с ним никаких мер, которые ущемляли бы интересы местного населения, с уважением относиться к суверенным правам республики, проявлять особое внимание к грузинскому населению. Этот документ В. И. Ленина является блестящим образцом глубокого уважения к суверенной Советской Грузии и отеческой заботы об интересах грузинского народа.

Широко известное письмо В. И. Ленина от 14 апреля 1921 года «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» впервые было опубликовано в газете «Правда Грузии» в номере от 8 мая 1921 года. В этом письме с большой научной точностью разработана программа упрочения Советской власти и построения социализма в республиках Кавказа. Вождь горячо приветствовал Кавказские советские республики и высказал глубокую уверенность, что «их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе»¹³.

Телеграмма В. И. Ленина от 9 апреля 1921 года о необходимости создания областного хозяйственного центра для всего Закавказья, а также директивное письмо от 13 февраля 1922 года об усилении грузинской Красной Армии впервые были опубликованы в книге М. Д. Орахелашвили «Ленин и ЗСФСР», выпущенной в 1925 году.

Предложение В. И. Ленина об укреплении национальной армии было обусловлено усилением агрессивной политики и клеветнической кампании международного империализма и грузинских меньшевиков против молодой Грузинской советской республики. С целью отторжения Грузии от Советской России и ее закабаления иностранными империалистическими государствами они выставляли требование о выводе Красной Армии из пределов Грузии. В своем письме Владимир Ильич считал необходимым «обязательно усилить грузинскую Красную Армию, призвать все орга-

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, с. 198.

ны власти и все трудящиеся массы к работе над этим и т. п.»
Первый съезд Советов Грузии, открывшийся к годовщине
новления Советской власти в Грузии, принял обращение, в кото-
ром поставил основной задачей укрепление имеющегося ядра грузинской Красной Армии и просил правительство братской РСФСР не выводить войска Красной Армии с территории Грузии.

Письмо В. И. Ленина на имя Г. К. Орджоникидзе от 16 октября 1922 года касалось возникшего спора при обсуждении вопроса о предоставлении правительством Советской России долгосрочного кредита на строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции. В связи с разногласиями по данному вопросу Политбюро ЦК РКП(б) 12 октября 1922 года поручило старшему контролеру Наркомфина РСФСР выяснить в Грузинском Совнаркоме, необходимо ли ассигнование средств.

В. И. Ленин, лично взявшись за урегулирование этого вопроса, в своем письме потребовал послать ему «весь материал и краткую сводку»¹⁵. По инициативе Владимира Ильича Политбюро ЦК РКП(б) немного позже, 1 марта 1923 года, приняло решение о выделении Тбилисскому горисполкому на нужды электростанции ссуды в сумме 750 тысяч рублей золотом¹⁶. Это письмо впервые в неполном виде было опубликовано в той же книге М. Д. Орахелашвили, а полностью — в 1935 году¹⁷. Телеграмма В. И. Ленина от 21 октября 1922 года на имя К. Цинцадзе и С. Кавтарадзе впервые была опубликована в 1927 году в книге М. И. Кахиани¹⁸.

В пятом издании Сочинений В. И. Ленина впервые опубликовано 29 статей, писем и других документов, касающихся Грузии и значительно обогащающих историю ее партийных организаций.

В 47-м томе этого издания впервые напечатано письмо В. И. Ленина к редакции газеты швейцарской социал-демократической партии «Сторож Берна». Оно было опубликовано 5 февраля 1908 года в ответ на заявление меньшевика Л. Мартова, которое было напечатано в той же газете 30 января 1908 года. В. И. Ленин подписывал заявление как представитель РСДРП в Международ-

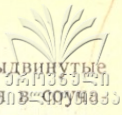
¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. т. 44, с. 388.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 54, с. 298.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 54, с. 661.

¹⁷ В. И. Ленин. Статьи и речи, 1922 — 1923 гг. М., 1935.

¹⁸ М. И. Кахиани. Партия и троцкистско-уклонистская оппозиция в Грузии. Тбилиси, 1927 (на грузинском языке).

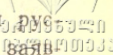

ном социалистическом бюро¹⁹ и решительно отвергал выдвинутые против арестованного в Женеве Н. А. Семашко обвинения в соучастии в совершенной в Тбилиси экспроприации денег из государственной казны²⁰. В. И. Ленин возмущался тем, что Л. Мартов в своем заявлении говорил о Н. А. Семашко не как о делегате Международного социалистического конгресса в Штутгарте, а лишь как об одном из журналистов, присутствовавших на кон-

¹⁹ Международное социалистическое бюро являлось исполнительным и информационным органом II Интернационала, основанным в 1900 году. Находилось оно в Брюсселе и называлось «Международной центральной комиссией». С 1905 года в него входил В. И. Ленин как представитель РСДРП. Большинство в бюро принадлежало правым центристским элементам, которые фактически оторвали бюро от рабочего движения и превратили его в орган технического обслуживания II Интернационала. В. И. Ленин иронически называл его «Почтовым ящиком». Бюро прекратило свое существование в 1914 году в связи с крахом II Интернационала.

²⁰ 13 июня 1907 года в Тбилиси из государственной казны была экспроприрована крупная сумма — 250 тыс. рублей. Организатору экспроприации Камо (Тер-Петросян) и всем ее участникам удалось скрыться. Но полиция сообщила властям стран Америки и Европы серии и номера кредитных билетов 500-рублевого достоинства, захваченных при экспроприации. В ноябре 1907 года в Берлине был арестован организатор экспроприации. Царское правительство, установив личность Камо, добилось выдачи его как уголовного преступника. В ходе поисков других участников в декабре 1907 года в Берлине, Мюнхене, Париже, Копенгагене, Стокгольме, Женеве были арестованы участники размена экспропрированных денег, а также заподозренные в причастности к экспроприации русские социал-демократы. Среди арестованных были Карпинский В. А., Литвинов М. М., Равич С. Н., Семашко Н. А. и другие. Царское правительство объявило арестованных за границей большевиков уголовными преступниками, соучастниками экспроприации и начало переговоры с государствами Европы об их выдаче России.

Большевики убедительно обосновали, что арестованные русские социал-демократы никакого участия не принимали в нападении на государственную казну. Кроме того, эти аресты явились грубым нарушением права убежища для политических эмигрантов. Поэтому западноевропейская полиция вынуждена была после непродолжительного заключения освободить арестованных (В. И. Ленин, ПСС, т. 47, с. 342—343, 346—347, 362).

грессе. В то же время Л. Мартов себя называл «делегатом русской социал-демократии на Штутгартском конгрессе». Такое заявление могло быть истолковано швейцарскими рабочими так, будто русская социал-демократия не имеет никакого отношения к Н. А. Семашко. В действительности на Международном конгрессе он был и как член нашей партии, и как журналист партийной прессы. В. И. Ленин в своем официальном заявлении убедительно обосновал, что Н. А. Семашко «ни в малейшей степени не причастен к тифлисской «экспроприации» и не мог быть причастен к ней. И не только потому, что последний съезд (Лондонский) нашей партии решительно отверг это «средство борьбы», но и потому, что д-р Семашко с февраля 1907 г. непрерывно проживал в Женеве и занимался литературной деятельностью»²¹. Кроме того, В. И. Ленин в письме А. М. Горькому от 2 февраля 1908 года просил его выступить с защитой Н. А. Семашко против подлой выходки меньшевика, обрушившегося на большевика, попавшего в тюрьму.

26 января 1921 года В. И. Ленин составил проект постановления Пленума ЦК РКП(б) о Грузии. Обсуждение данного вопроса было связано с враждебными действиями меньшевистского правительства против Советской республики, с грубыми нарушениями им договора с РСФСР от 7 мая 1920 года. Меньшевистское правительство запретило транзит грузов из РСФСР через грузинскую территорию, в том числе и продовольствия для голодающего населения Армении, применяло репрессии против сотрудников советского посольства, поддерживало контрреволюционные выступления против Советской власти на Северном Кавказе. Пленум поручил НКВД РСФСР оттягивать разрыв с Грузией, систематически собирая точный материал по поводу нарушения ею договора и более настоятельно требуя пропуска припасов в Армению²².

В. И. Ленин проявлял постоянную заботу об обеспечении суверенных прав советских республик Закавказья, строительстве национальной государственности их народов, укреплении сотрудничества и тесного государственного союза между РСФСР и независимыми советскими республиками на основе добровольности, полного равноправия и братской дружбы. Об этом свидетельствует ряд фактов. Рассмотрим только некоторые из них.

В апреле 1921 года заместитель НКПС РСФСР В. В. Фомин в телеграмме на имя В. И. Ленина ставил вопрос о подчинении Управления морских портов Грузии Управлению морского транс-

²¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 47, т. 129.

²² В. И. Ленин. ПСС, т. 54, с. 437, 719.

порта РСФСР в Ростове-на-Дону или в Новороссийске, а Ревком Грузии возражал против такого предложения.

Ознакомившись с телеграммой, В. И. Ленин написал на ней: «Я против Фомина. Нельзя «по-русски». Надо «по-грузински». Внесем в Политбюро»²³.

И действительно, обсудив 19 апреля 1921 года вопрос о грузинских портах, Политбюро ЦК РКП(б) поддержало Ревком Грузии и приняло решение передать организацию грузинских и абхазских портов в ведение самой же Грузии. Управлению морского флота РСФСР было поручено оказывать этим портам всяческое материальное содействие²⁴.

1 февраля 1922 года В. И. Ленин составил проект директивы заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации. Вождь попросил всех членов делегации заранее подготовиться специально, особо подробно и досконально ко всем важнейшим дипломатическим и финансовым вопросам.

«Весьма вероятно, даже несомненно, — говорилось в проекте, — что все буржуазные делегаты конференции составят сразу молчаливый, но прочный блок для нападения на нас и из-за Грузии, и из-за всех обычных обвинений мелкобуржуазной и крупнобуржуазной дипломатии и демократии»²⁵.

Предвидение В. И. Ленина сбылось. На Генуэзской конференции действительно подняли голову представители свергнутых националистических буржуазных правительств, поддерживаемых правящими кругами империалистических государств. Грузинская контрреволюционная эмиграция попыталась еще раз поднять вопрос о свержении Советской власти, о своем возвращении в Грузию путем организации иностранной военной интервенции. Советская делегация дала решительный отпор всем вылазкам контрреволюционных эмигрантов и их покровителей.

В 54-м томе Полного собрания Сочинений опубликовано письмо В. И. Ленина от 6 марта 1923 года на имя П. Г. Мдивани, Ф. И. Махарадзе и других. В нем говорится: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь»²⁶.

Как известно, после Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 6 октября 1922 года и принявшего решение о создании Союза ССР,

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. 52, с. 154.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 52, с. 392.

²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 375.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 54, с. 330.

конфликт между Заккрайкомом РКП(б), возглавляемым Г. К. Орджоникидзе, и группой П. Г. Мдивани, составлявшей большинство ЦК КП(б) Грузии, обострился. Заккрайком проводил правильную линию создания Закавказской федерации и объединения независимых советских республик в единое союзное государство. Однако в осуществлении национальной политики партии Г. К. Орджоникидзе не всегда проявлял должную гибкость, допускал администрирование и поспешность в проведении некоторых мероприятий, не всегда считался с мнениями и правами ЦК КП(б) Грузии, что было использовано группой П. Г. Мдивани, которая занимала ошибочную позицию в важнейших вопросах национальной политики партии, тормозила хозяйственное и политическое объединение Закавказских республик, выступала против Закавказской федерации. Все это играло на руку буржуазным националистам, грузинским меньшевикам. Поэтому коммунисты Грузии решительно осудили такую позицию и расценили ее как уклон к национализму.

Обращаясь к Ленину с жалобой на Заккрайком, группа П. Г. Мдивани требовала ликвидации Закавказской федерации и непосредственного вхождения Грузии в Союз ССР. В своей телеграмме от 21 октября 1922 года В. И. Ленин выразил недовольство действиями группы П. Г. Мдивани и решительно осудил брань против Г. К. Орджоникидзе.

Видя шаткость своей позиции и встретив отпор коммунистов республики, группа П. Г. Мдивани 22 октября 1922 года подала в отставку. Свой уход она мотивировала расхождением с Заккрайкомом РКП(б) по ряду существенных вопросов и обратилась с жалобой в ЦК РКП(б). 25 ноября 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Ф. Э. Дзержинским для срочного расследования жалобы и выработки конкретных мер по ликвидации разногласий и обеспечению единства рядов Компартии Грузии.

Комиссия правильно осудила националистическую позицию группы П. Г. Мдивани, но во взаимоотношениях ЦК КП(б) Грузии старого состава и Заккрайкома РКП(б) она не разобралась. Поэтому В. И. Ленин остался недоволен выводами комиссии, считая, что она односторонне, пристрастно подошла к расследованию конфликта. Особенно возмутил В. И. Ленина поступок Г. К. Орджоникидзе, который, являясь официальным представителем центральной Советской власти и ЦК РКП(б) на Кавказе, нанес физическое оскорбление одному из сторонников группы П. Г. Мдивани. В письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» В. И. Ленин осудил Г. К. Орджоникидзе и попуститель-

ство ему со стороны комиссии Ф. Э. Дзержинского, а также И. В. Сталина. Поэтому вождь партии потребовал исследовать или расследовать все материалы комиссии для исправления этой громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются»²⁷.

В. И. Ленин намеревался выступить по «грузинскому вопросу» на предстоящем XII съезде РКП(б) и подготовить специальное письмо, и с этой целью он потребовал материалы комиссии Дзержинского, поручив Н. П. Горбунову, Л. А. Фотиевой, М. И. Глясеру детально разобраться в них и дать ему заключение.

В. И. Ленин критиковал ошибочную позицию П. Г. Мдивани и его сторонников по вопросам Закавказья и образования СССР²⁸. Но, видя в то время главную опасность в великодержавном шовинизме и считая, что задача борьбы с последним ложится прежде всего на плечи коммунистов ранее господствовавшей нации, В. И. Ленин сосредоточил внимание на ошибках И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского и Г. К. Орджоникидзе²⁹. Именно в этом плане следует рассматривать слова В. И. Ленина, что он «на стороне «обиженных» в «грузинском конфликте»³⁰ и его записку от 6 марта 1923 года. В связи с резким ухудшением здоровья В. И. Ленин не смог подготовить письмо и речь по «грузинскому вопросу».

Опубликованные впервые в Полном собрании Сочинений В. И. Ленина статьи, письма и телеграммы, касающиеся Грузии и всего Закавказья, сыграли огромную роль в разъяснении и неуклонном осуществлении национальной политики Коммунистической партии.

Бессмертные работы В. И. Ленина — неиссякаемый источник революционной мысли и идейного убеждения, на них воспитывались и будут воспитываться миллионы самоотверженных борцов за дело рабочего класса, за дело коммунизма.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС. т. 45, с. 361.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. т. 54, с. 299—300.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. т. 54, с. 673—674.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. т. 45, с. 607.

Теймураз БАДУРАШВИЛИ

ВО ИМЯ ДРУЖБЫ

Мы — в преддверии двух знаменательных для нашей страны событий: 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик и праздника породнения русского и грузинского народов — 200-летия исторического Георгиевского трактата. Намечена широкая программа мероприятий, важных дел, участвовать в осуществлении которых в значительной степени предстоит Музею дружбы народов Академии наук Грузинской ССР.

Редакция «Литературной Грузии» обратилась к директору этого музея — кандидату исторических наук Теймуразу Георгиевичу Бадурашвили с просьбой рассказать о связанных с предстоящими торжествами начинаниях руководимого им учреждения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ путь каждого народа озарен идеями и заветами его великих предков. Согласно этому непреложному закону, и в истории грузинского народа немало достойных сынов, свет величия которых простирает свои лучи далеко за пределы Грузии, привлекая к себе внимание всего мира.

«Кто друзей себе не ищет, самому себе он враг», — возвещал Руставели. «Да будет сын твой чист и прям отныне, вложи в него любовь к добру, к народу, пусть славит братство, равенство, свободу», — наставлял Илья Чавчавадзе, обращаясь к грузинке-матери. «Нашей любви к отчизне должны предшествовать любовь к другим народам, братство, единство», — утверждал Акакий Церетели.

Светлый и возвышенный дух этих заветов перекинул мост непосредственно в наше время. И потому не мог не провозгласить здравицы в честь братства и дружбы народов и наш современ-

ник Георгий Леонидзе: «Братья, счастье, когда много братьев. Солнце для них всходит девять раз на день!». Эти слова не гиперболоа — для грузинского народа солнце и впрямь восходит девять раз на дню, ибо тепло сердец многих братьев согревает наши небо и землю.

Как известно, лозе нужна подпорка, чтобы, обвившись вокруг нее, накрепко прорасти. И сам грузин издревле искал для себя опору в лице брата, друга, соседа. С их помощью он противостоял зрагу и испытаниям. Да и сам для многих становился опорой и поддержкой. Потому и не переродился. И не переродится, так как и ныне верен заветам великих сынов своего народа.

Взаимосвязи между народами украшают жизнь, делают голубым и чистым небо мира, ведут человечество по пути прогресса. Истина, рожденная многовековой мудростью нашего народа, гласит — разрушенное враждой возрождается любовью.

Вот так все то, что надлежит занести в летопись любви и дружбы, и стало с первого же дня основания Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР предметом его неустанных забот. Создание его было одним из первых шагов Центрального Комитета Компартии Грузии на том пути, на котором он твердо стоит уже десять лет. Ведь еще основатель нашей партии и государства Владимир Ильич Ленин основой мощи и непобедимости Советской страны провозгласил дружбу народов.

Грузия — многонациональная республика. Кто жил на нашей земле, подобно Саят-Нова, считал ее родной. За нее пламенело его сердце, за нее он боролся, за нее погибал. Потому и праздник Грузии — это всеобщий праздник. И заботы у нас тоже общие.

Центральный Комитет Компартии Грузии, неуклонно и твердо защищающий ленинские принципы дружбы народов, принял решение создать координационный республиканский Совет по межнациональным взаимоотношениям, назначение которого нетрудно понять из самого его наименования.

Нашему музею выпала большая честь стать научной базой этого Совета, что наполняет нас чувством гордости и одновременно величайшей ответственности. Видимо, на протяжении восьми лет существования музей поработал неплохо и отныне должен стать одним из очагов духовной культуры республики.

Первым и, я думаю, одним из самых значительных наших шагов в этом направлении явилось открытие в июне прошлого года в Москве филиала нашего музея, связанного с историей поселения там грузин. Выставка, устроенная в этом доме-мемориале по Большой Грузинской улице, № 5, воскрешает исторические корни дружбы грузинского и русского народов. Столь дорогое для нас здание

это в духе эпохи царя Бакара могло в скором времени исчезнуть, но теперь спасено. И сейчас в нем возрожден очаг грузинской культуры, в который в свое время были вложены огромные усилия как наших великих предков, так и целых поколений наших соотечественников. И я прошу приезжающих в Москву побывать в доме № 5 по Большой Грузинской и ознакомиться там с плодами наших задумок и трудов. Сделав это, я не сомневаюсь, вы ощутите в себе всю силу чувства национального достоинства в самом лучшем значении этого понятия. И убедитесь, что это небольшое деревянное двухэтажное строение ежедневно притягивает к себе все большее число друзей и почитателей, как коренных москвичей, так и многочисленных гостей столицы нашей Родины.

Просмотрев книгу впечатлений, вы найдете там множество самых теплых, сердечных записей. Вот хотя бы таких: «Я знал от родителей, что грузинский народ красив и верен в дружбе. После же осмотра мемориала я убедился, что грузины очень талантливы, мужественны и чистосердечны. Моя мечта — увидеть Грузию, более близко познакомиться с грузинами, их величественным прошлым и поразительной культурой. Грузины и русские были братьями и останутся ими навечно». Это слова ученика средней школы города Ульяновска Юрия Первушина.

С момента открытия выставки ее посетило уже 10 тысяч человек. Среди них и гости, приехавшие из многих уголков Советского Союза, и иностранцы. А это означает, что у грузинского народа и его культуры появилось еще очень много почитателей.

Помимо этого на дом-мемориал возложена миссия быть полпредом культуры нашей республики в Москве, как зеницу ока оберегать там памятники грузинской культуры.

Сотрудники нашего московского филиала разыскивают в столичных хранилищах, архивах, личных фондах материалы, связанные с историей Грузии. Они ежедневно бывают на исследуемых объектах. Короче говоря, имеют возможность рукой дотянуться до необходимых и ценнейших документов. Чтобы поднять это дело на еще более высокий научный уровень, на базе дома-мемориала из числа его работников организован один из научных отделов Музея дружбы народов, который специально будет изучать взаимоотношения грузинского и русского народов, а также историю поселений грузин в Москве с XVI до XIX века.

Недавно на Большую Грузинскую явились ученики одной из средних московских школ. Как выяснилось, они осмотрели выставку на следующий день после ее открытия. Теперь же, обнаружив на одном из кладбищ могилу с наполовину стершейся грузинской

надписью, ребята предложили руководству мемориала свои услуги, пообещав продолжить поиски памятников исторического поселения.

В Москве создан также совет друзей нашего музея, объединяющий известных деятелей культуры, литературы и искусства, среди которых назову, к примеру, поэта А. Вознесенского, академика Г. Ломидзе, народных артистов Советского Союза Е. Гоголеву и М. Ульянова, с большим энтузиазмом приступивших к популяризации нашей истории, к сбору для дома-мемориала различных материалов.

Чтобы не ослабло содействие этому делу большого национального значения и со стороны нашей республики, мы надеемся на помощь исследователей истории, литературы и искусства Грузии и верим — они не откажутся принести в дар дому-мемориалу книги для основания в нем библиотеки, которая должна стать очагом пропаганды и популяризации истории и культуры нашего народа в Москве. Здесь же замечу, что это обращение относится не только к исследователям истории, но также литературы и культуры Грузии.

Мы просим наших ученых самых различных отраслей знаний принять активное участие в пополнении фондов Московского дома-мемориала новыми материалами и документами, которые займут свое достойное место в его экспозиции.

Дом, в котором размещен мемориал, по нашей просьбе внесен президиумом московского Общества охраны памятников культуры и истории в список охраняемых памятников. При непосредственном участии и поддержке этого общества грузинская церковь святого Георгия-мученика, возведенная в конце XVIII века, со своей трехэтажной пристройкой по большой Грузинской № 13, также войдет в список памятников культуры и истории, а это означает, что в ближайшем будущем в Москве появится еще один пункт пропаганды грузинской культуры.

Известно, что в Москве в районе станции метро «Сокол» находится построенная грузинами в 1734 — 1736 годах Всехсвятская церковь. На кладбище вокруг нее покоились грузины, жившие в Москве. С течением времени эта церковь и кладбище оказались в центре густонаселенного района, застроенного высотными домами. Жители его обратились в Мосгорисполком с просьбой ликвидировать это кладбище. Их просьба была удовлетворена. Таким образом, возникла угроза потери дорогих исторических захоронений. Мы обратились с ходатайством в президиум московского Общества охраны памятников культуры и истории. Благодаря его вмешательству нам удалось до консультации с товарищами из Грузии

приостановить осуществление этого решения. В результате решения нами этого вопроса на месте по решению Московского полкома два надгробия грузинских могил и две плиты, на которых надписи не прочитывались, были перенесены во двор мемориала. Еще три могилы — отца Петра Багратиони и братьев Цицишвили — оставлены во дворе церкви. Мы взяли на себя их реставрацию.

Говоря о могилах погребенных в Москве грузин, нельзя не вспомнить о захоронении Сулхан-Саба Орбелиани. О его местонахождении существует несколько версий. Но ликвидация этого кладбища не лишает нас возможности продолжить поиски его могилы. Они будут вестись у стен церкви, на территории его предполагаемого захоронения.

Как известно, одним из интереснейших объектов для грузин является Донской монастырь, где по приказу Петра Первого в 1710 году был похоронен его ближайший друг — грузинский царевич, один из первых организаторов и зачинателей российской артиллерии, военачальник Александр Арчилович Багратиони. Комплекс Донского монастыря входит в ведение Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева. После переговоров с дирекцией этого института нам было предоставлено право воздвигнуть в главном храме Донского монастырского комплекса мраморную стеллу, на которой будут высечены фамилии похороненных там грузинских общественных деятелей. Здесь же на стенде предполагается выставить документы об их жизни и деятельности.

Получили мы также возможность реставрировать могилы грузин, похороненных в Донском монастыре и на его территории, и, что самое главное, вести раскопки как вокруг монастыря, так и на его территории. Хочется надеяться, что поиски захоронения царя Арчила и Вахушти Багратиони окажутся успешными.

Сейчас Грузия готовится отметить две знаменательные даты: 60-летие со дня образования СССР и 200-летие Георгиевского трактата. В республике намечено осуществление целого ряда значительных мероприятий. Расскажу о некоторых из них.

Академия наук СССР и Академия наук Грузинской ССР посвятят 200-летию Георгиевского трактата объединенную научную сессию, которую намечено провести в октябре 1982 года в Тбилиси. В ней примут участие академии наук братских республик и Сибирское отделение Академии наук СССР.

К осени нынешнего года Музей дружбы народов и Государственный музей революции СССР проведут объединенную научную сессию на тему «Грузия в единой братской семье». Для работы

в сессии приглашены представители ведущих музеев Советского Союза.

Создаются постоянно действующие лектории — в Москве на базе Государственного архитектурного музея имени Щусева и в Ленинграде при Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Задача лекториев — широкая пропаганда дружбы грузинского и русского народов во всех сферах общественно-политической, культурной и экономической жизни.

В 1982-83 годах в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Казани, Горьком, Вологде, Туле и Воронеже пройдут дни народного хозяйства, науки, литературы и культуры Грузинской ССР.

Подлинным праздником искусства и дружбы станут гастроли в Тбилиси Большого театра Союза ССР. В дни праздника свое искусство в столице Грузии продемонстрируют мастера драматического и музыкального искусства Москвы, Ленинграда, Свердловска, Томска и Волгограда.

Гости и хозяева — мастера грузинского искусства — встретятся в городах и районных центрах с трудящимися республики.

Будут объявлены конкурсы на лучшие работы в области науки, литературы и искусства. Вручение первых премий приурочивается к дням юбилея Георгиевского трактата. Надеемся, что мастера нашей литературы, изобразительного искусства, музыки, театра и кино придут к юбилею с произведениями, достойными этой даты.

Намечено также сооружение монументальных памятников в честь 200-летия Георгиевского трактата. На Главном Кавказском хребте, в Онском районе, сооружается мемориал, связанный с важным историческим фактом в летописи нашего народа — переходом Вахтанга VI и его свиты через Кавкасион в 1724 году.

У Мцхета, где начинается Военно-Грузинская дорога, и в городе Георгиевске будут сооружены мемориалы дружбы. В Тбилиси и Мцхета создается мемориальный комплекс, посвященный одной из самых волнующих страниц истории грузинского народа — Дидгорской битве.

Общезвестно, что в последние годы придается большое значение начинаниям, имеющим отношение к развитию национальной культуры. Для этого щедро выделяются средства, вкладываются усилия, требующие огромной энергии, знаний. Я имею в виду создание Руставелевского центра, Руставелевского общества и музея, который соберет все, что касается Руставели и его эпохи, что было сказано и сохранилось в памяти народной о нем, а также

то, что предшествовало руставелевской эпохе и обусловило появление «Вепхисткаосани». Словом, по идее этот музей сведет воедино наше национальное достояние.

В то же время принято решение в окрестностях Тбилисского моря, где в 1966 году была сооружена высокая колонна в честь юбилея Руставели, устроить хранилище национальных сокровищ Грузии, где будут устраиваться выставки тех уникальных памятников, которые хранятся в Институте рукописей. В Тбилиси всегда много зарубежных гостей и им будет интересно своими глазами увидеть, какими ценностями, спасенными от тысяч бедствий и сохранными до сегодняшнего дня, мы располагаем.

Базой для Руставелевского центра послужит Руставелевская комиссия при Академии наук Грузинской ССР и соответствующий отдел Института истории грузинской литературы. Автором этого замечательного предложения, поддержанного Центральным Комитетом Компартии Грузии, правительством республики, лично товарищем Э. А. Шеварднадзе, является профессор Саргис Цаишвили.

Поскольку Шота Руставели — великий певец дружбы между народами, естественно, не может остаться в стороне от этого большого дела и Музей дружбы народов.

И еще об одном значительном явлении в культурной жизни республики. Приближается юбилей Государственного музея Грузии. Центральный Комитет Компартии Грузии и правительство республики вынесли решение о проведении широкой реконструкции его здания, охватывающей улицы Кецохели и Пурцеладзе. Здесь разместятся богатейшие фонды музея, улучшатся условия работы его научных сотрудников и администрации.

Огромное значение для укрепления дружеских уз между народами имеет литература, и в этой связи неизмеримо возрастает и удельный вес проблемы перевода образцов братских литератур. Наступило время пересмотра старых методов перевода. Русский писатель, поэт переводит произведения своего грузинского коллеги, не говоря уже о таких поэтических шедеврах, как Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе, главным образом с помощью подстрочника, который никогда не сможет полностью окунуть переводчика в подлинный художественный мир национального писателя.

Главная редакционная коллегия по художественным переводам и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии, Музей дружбы народов организуют на базе Московского домомемориала группу, в которой объединятся известные литераторы, друзья грузинских писателей, преимущественно молодые. Они на

месте изучат грузинский язык. Главная редакционная коллегия направит специалистов в Москву. Переводчиков пригласят на практику в Грузию. Они познакомятся здесь с разными уголками республики, их людьми, бытом. Таким образом мы думаем подготовить и выявить переводчиков грузинских литературных памятников непосредственно с оригинала, что поможет, на наш взгляд, достойно представить миллионам читателей грузинскую литературу.

В городе Георгиевске по просьбе местных властей нами организован Музей дружбы между грузинским и русским народами. Здесь же совместно с Государственным историческим музеем СССР мы проведем выездную научную сессию.

В селе Гудаури Душетского района создается уникальный музей. Общеизвестно, что Военно-Грузинская дорога является дорогой дружбы. По ней к нам приезжали А. Пушкин, М. Лермонтов, Я. Полонский, Л. Толстой и многие другие. По ней же ездили в Россию Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела... Гудаурский музей оживит страницы взаимосвязей между этими посланцами дружбы.

Большая выставка откроется и в залах Донского монастыря.

Юбилею Георгиевского трактата Музей дружбы народов посвятит большую выставку, отражающую братство грузинского и русского народов. Мы издадим четыре сборника публикаций, которые ознакомят широкого читателя с хранящимися в наших фондах архивами Т. Табидзе, С. Шаншиашвили, Б. Пастернака, П. Петренко, М. Калатозова и других. Будут также изданы монографии о замечательных сынах Грузии, возвеличивших славу России.

Трудно перечислить все мероприятия, проводящиеся в связи с юбилеем в республике, которая активно готовится к предстоящим торжествам.

Мы часто слышим: наш век — это век машин, физики, атома, перед которыми лирика сникла, поблекла, сердца человеческие охрубели, что повлияло и на взаимоотношения между людьми. Спасти мир, отогреть его может не только солнце. Это прежде всего дело человеческих сердец. Пусть никто не обвиняет двадцатый век. Вражда всегда разобщала людей и народы. Но в основе отношений между нашими народами всегда была любовь, которая растапливала лед, возрождала разрушенное, согревала людей.

Приближается праздник этого породнения, и наш долг не только описать драгоценные примеры братства и любви народов, но и донести их до сердца всех и каждого.

Именно в этом и заключается благородная миссия Музея дружбы народов, и его коллектив всегда будет стремиться достойно ее выполнить.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ ГРУЗИНСКИХ СТУДЕНТОВ

ДО СОЗДАНИЯ Тбилисского университета в Грузии не было высшего учебного заведения. Поэтому жаждущей знаний грузинской молодежи приходилось получать образование в России и за ее пределами. По словам Ильи Чавчавадзе, «стремление к высшему образованию многих наших молодых людей вынуждает оторваться от любимой родины, чтобы там, где-то далеко, припасть к прозрачному роднику высшего образования, так как такого источника поблизости еще нет»¹.

Большинство грузинских студентов устремлялось в университетские города России. В то время в подготовке квалифицированных специалистов доминировали именно университеты, представлявшие собой крупные научные центры, где с успехом решались сложные проблемы как точных, так и гуманитарных наук.

В процессе своего исторического развития университеты обрели богатые академические традиции.

Находившиеся за пределами родины студенты из Грузии в университетских городах России объединялись в землячества, которые ставили целью сближение друг с другом и установление более тесной связи с родной страной, а также помощь бедным студентам за счет членских взносов, пожертвований и доходов, собранных с вечеров-представлений.

Грузинские землячества как маленькие национальные культурные очаги начали возникать еще с 60-х годов XIX века, в начале же XX столетия они уже существовали во всех университетских городах России.

Землячества, товарищества и студенческие научные кружки, не говоря о студенческих революционных кружках, вели весьма интересную и плодотворную работу. Одна из сторон их деятельности связана с изданием литературных и научных сборников.

Мысль о создании периодического литературного издания зародилась у грузинских студентов еще в 90-х годах прошлого столетия. По словам студентов-грузин Новороссийского университета², такой сборник помог бы сближению грузинских студентов, обучавшихся в различных городах, и приобретению ими определенных навыков в литературной деятельности³. Выпуск сборника предполагалось осуществить весной 1893 года. В нем должно было быть лишь два раздела — публицистика и наука. Редактировать его попросили известного грузинского ученого А. Хаханашвили. Но, узнав о начинании грузинских студентов, царское правительство запретило издание⁴. Такой же безрезультатной оказалась и вторая попытка студентов-грузин, вознамерившихся подготовить подобный журнал в Одессе.

Тогда же жандармерия, обнаружив кружки подпольной студенческой организации «Лига свободы», начала арестовывать ее членов, зачинщиков издания журнала.

Так и не смогли осуществить свои планы студенты из Грузии ни в 90-х годах, ни в огненные дни первой русской революции, ни во время разнuzданной столыпинской реакции.

Разрешение на издание журнала они получили лишь в 1909 году, когда силы реакции относительно ослабли.

Давняя мечта грузинской молодежи начала осуществляться. Была избрана редколлегия и даже подобрано название «Амомавали мзэ» («Восходящее солнце»). В газетах Грузии было опубликовано открытое письмо к грузинской общественности, в котором студенты аргументировали необходимость создания собственного печатного органа.

Сообщив на родину о своих намерениях, они надеялись на ощутимую моральную и материальную поддержку грузинской общественности. Но в одной из своих передовых статей газета «Исари», коснувшись намерений грузинских студентов, определила их как «невероятное, химерическое намерение», а почин молодежи назвала «моральным и умственным разложением». «...На расстоянии четырех тысяч верст, — говорилось в этой статье, — вы не сможете показать нам ни вашу деятельность, ни родине ничем не поможете; и если вы способны на общественную деятельность, возвращайтесь в Грузию и действуйте здесь»⁵.

И снова сгустились тучи на пути издания студенческого журнала. Но «Исари» это еще не вся Грузия. Грузинская общественность в своем большинстве с искренним сочувствием и одобрением отнеслась к начинанию студентов. Ободренная общественной поддержкой редакция будущего журнала дала в газете «Амирани» соответствующий ответ газете «Исари»⁶.

Вскоре журнал «Амовавали мзе» был подготовлен к печати. Редактировать и выпускать его доверили Б. Ткемаладзе. Первый номер этого печатного органа грузинских студентов вышел в свет в июле 1909 года.

Журнал этот литературного и научного характера имел довольно большой формат и состоял из 16 печатных страниц. Кроме передовой в нем были опубликованы одно стихотворение без заглавия, два фельетона, публицистическая статья «Размышления о настоящем», краткий отчет о летней работе научного кружка грузинских студентов Петербургского университета, рецензия Иосифа Кипшидзе на труд Н. Я. Марра «Основные таблицы грамматики древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», реферат И. Гигинейшвили по философии «Как формировался научный позитивизм», статья справочного характера «Право автора» и другие⁷.

Примечательно, что часть авторов помещенных в журнале статей выступала на его страницах под псевдонимами и потому установить сегодня их личности довольно трудно. Обращение же к псевдонимам продиктовано, надо полагать, не столько соображениями конспирации, сколько нерешительностью, нежеланием предать гласности первую попытку литературного труда — ведь для многих из них эта публикация была пробой пера.

Издание журнала было встречено грузинским студенчеством с огромной радостью, которая, к сожалению, оказалась очень кратковременной: вышел в свет лишь первый номер «Амовавали мзе».

Почему же это произошло? Единственное, чем можно объяснить прекращение издания, это — безденежье.

Большинство грузинских студентов, обучавшихся в российских университетах, испытывало материальные затруднения. На собственные средства они не только не могли издавать журнал, но некоторые из них не в состоянии были даже прокормить себя. Незначительные пожертвования грузинской общественности в пользу студенческого журнала были явно недостаточными для начатого дела. Продажа первого номера тоже не дала большого дохода.

Но студенты не теряли надежды на издание собственного печатного органа. На этот раз они начали подготовку к изданию нелегального журнала.

Студент Петербургского университета В. Цагурия разослал письма грузинским студентам Новороссийского, Киевского, Московского и Харьковского университетов с предложением сотруд-

ничать в нелегальном журнале, который предлагалось издавать на русском языке в Петербурге⁸.

Однако одно из этих писем было перехвачено одесской жандармерией, и замысел этот так и не был осуществлен.

Поскольку печатный орган издать не удалось, студенты решили издавать рукописный журнал.

Как сообщала газета «Ахали схиви», студентам-грузинам Харьковского университета удалось выпустить рукописный журнал «Чианчвела» («Муравей»).

В 1911 году по инициативе студентов Новороссийского университета Г. Лорткипанидзе, М. Ишхнели, Г. Габуня и П. Дадвадзе в Одессе был издан отпечатанный на гектографе рукописный журнал «Чонгури»⁹.

В том же году обучавшиеся в Женеве грузинские студенты вновь подняли вопрос об основании студенческого журнала¹⁰. К тому же призывали студенты-грузины из Петербурга, но опять безрезультатно.

В 1913 году снова возникла мысль о необходимости студенческого органа. На этот раз инициаторами явились грузинские студенты, обучавшиеся в одесском университете.

Особую активность в этом деле проявил студент III курса медицинского факультета С. Асланишвили, выступивший с целым рядом статей в грузинской прессе, аргументируя необходимость создания студенческого печатного органа¹¹.

На почин одесских студентов откликнулись и другие представители студенчества из Грузии, обучавшиеся в различных университетах России. Они писали: «Для того чтобы грузинская общественность имела возможность более ярко и отчетливо представить, что пророчит ее нации будущее, студентам нужно было основать грузинский журнал»¹².

Неудачный опыт предыдущего издания студенческого журнала заставил молодежь пойти иным путем. Как свидетельствуют воспоминания академика П. Кавтарадзе, студенты-грузины в Одессе начали с поисков мецената и выбор свой остановили на Иосифе Оцхели, директоре Кутаисской гимназии. С его согласия печатание поручили компании «К. Оцхели и товарищество издательства книги»¹³, имевшему достаточно большую практику в этом деле¹⁴, опыт и издательские возможности. Оно обеспечило студенческому сборнику, названному «Цховреба да мецниереба» («Жизнь и наука»), обширную рекламу. Газеты «Эри» и «Сахалхо газети» в январе—марте 1914 года систематически оповещали читателей о том, что в городе Кутаиси компанией «К. Оцхели и товарищество издательства книги» будет издан научный и литератур-

ный сборник «Цховреба да мецниэреба», в котором примут участие только современные силы университетов. Издание будет напечатано на прекрасной бумаге и проиллюстрировано. По предварительной подписке оно будет стоить 1 рубль, потом же — 1 рубль 50 копеек»¹⁵.

Так как инициатором создания сборника было грузинское студенчество Одессы, возникло решение издать его силами только одесского университета и придать ему художественно-литературную направленность. Но затем обилие материалов, полученных от студентов других вузов, внесло коррективы в это решение — сборник должен был стать научно-художественным изданием с предоставлением в нем места всему грузинскому студенчеству.

Первый номер нового студенческого органа «Цховреба да мецниэреба» вышел в августе 1914 года¹⁶. Сборник, содержащий 364 страницы, разделен был на три части: в первую входили статьи по истории и литературе, вторая содержала исследования по вопросам естественной и медицинской науки, третья — библиографию книг, вышедших за последнее время. Кроме того, в нем была помещена фотография профессора П. Меликишвили и 45 других иллюстраций.

В предисловии передано назначение, цель и значение сборника, в частности: 1) внесение в народ хотя бы малых сведений из разных отраслей науки и 2) оказание помощи студенческим учреждениям, например, доход от первого сборника предполагалось передать грузинскому обществу «Сакартвело» в Одессе¹⁷.

Выход в свет сборника «Цховреба да мецниэреба» был встречен читателями весьма доброжелательно. В течение целого года печатались рецензии и отклики на это издание. Примечательна рецензия известного публициста и общественного деятеля Якова Панцхава, опубликованная в феврале 1915 года в журнале «Гантиади». «...Летом прошлого года, — писал Я. Панцхава, — грузинская общественность получила драгоценный подарок от грузинских студентов... Это обстоятельство было очень значительным в нашей жизни, но выход этой книги совпал с объявлением все-европейской войны. Последнее приковало все внимание общественности. Поэтому драгоценный подарок, преподнесенный искренней грузинской молодежи, соответственно не был оценен... Каждая статья — итог больших наблюдений, усердного труда... Лично я с воодушевлением встречаю это замечательное явление и желаю молодежи не покидать этого поприща...»¹⁸.

Издание второго номера студенческого сборника намечалось на начало 1915 года¹⁹, но разразившаяся империалистическая война в Европе лишила студентов из Грузии этой возможности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ И. Чавчавадзе, соч., т. 4, Тб., 1955, с. 336.
- ² Так назывался нынешний Одесский государственный университет им. И. Мечникова до победы Советской власти на Украине.
- ³ З. Швелидзе, Революционная организация «Лига свободы», Тб., 1969, с. 19.
- ⁴ Там же, с. 29.
- ⁵ Газ. «Исари», 1908, № 31, с. 1—2.
- ⁶ Газ. «Амирани», 1908, № 23, с. 3.
- ⁷ «Амомавали мзэ», 1909, № 1.
- ⁸ ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 2, ед. хр. № 25, л. 292.
- ⁹ Там же, лл. 110, 185.
- ¹⁰ Газ. «Колхида», 1913, № 15, с. 3.
- ¹¹ Газ. «Колхида», 1913, № 23, с. 3; газ. «Сахалхо газети», 1914, № 1098, с. 4; газ. «Эри», 1914, № 1, с. 4; № 16, с. 3; газ. «Шрома», 1914, № 24, с. 3.
- ¹² Газ. «Колхида», 1913, № 4, с. 2.
- ¹³ Труды Тбилисского государственного медицинского института, т. 20, Тб., 1959, с. 195.
- ¹⁴ П. Вачридзе, Ротационная вертится машина, Кутаиси, 1979, с. 99—103.
- ¹⁵ Газ. «Сахалхо газети», 1914, № 1126—1137; газ. «Эри», 1914, с. № 2-го.
- ¹⁶ «Цховреба да мецниэреба», 1914, № 1, Кутаиси.
- ¹⁷ «Цховреба да мецниэреба», 1914, № 1, предисловие.
- ¹⁸ Журн. «Гантиади», 1915, № 3, с. 11.
- ¹⁹ П. Кавтарадзе, Анабиози, Кутаиси, 1914, с. 17.
- ²⁰ Газ. «Шрома», 1914, № 30, с. 4.
- ²¹ Журн. «Театри да цховреба», 1915, № 6, с. 16.
- ²² «Бессмертному Важа от грузинских студентов», Тбилиси, 1915.
- ²³ Мусульманская Грузия, Тбилиси, 1915.
- ²⁴ Грузинская библиография. I. Указатель к статьям и материалам в грузинской периодической печати (1852—1910), Петроград, 1916.
- ²⁵ Сборник под редакцией Ив. Джавахишвили, Тбилиси, 1915, с. 8.

Лидия ВАСИЛЬЕВА

ПУТЬ К САМОМУ СЕБЕ

ОН СПРАВЕДЛИВО считает, что его родина — маленькая Гурийская деревушка Акети в горах Грузии, хотя на самом деле Амиран Шаликашвили родился и провел свое детство в Коканде — большом среднеазиатском городе, считает так потому, что самостоятельная осмысленная жизнь его началась именно там, в благословенной Гурии, куда он часто приезжает теперь «приклониться сердцем».

В Акети он пришел подростком, преодолев огромный путь — в основном пешком, иногда на попутных машинах, потом пароходом и снова пешком. Родина властно звала его к себе, она снилась ему: наверное, это был зов предков, голос крови. Но то, что он увидел, превзошло мечтания. Теперь, в сорок лет, став заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР, лауреатом премии Ленинского комсомола Грузии, Амиран Валерианович Шаликашвили рассказывает о Гурии юношески-влюбленно. По его словам, Гурия поражает воображение самого требовательного художника. Бесконечны ее перемены: горы и долины, ущелья и водопады, деревья причудливой формы; во всем динамика, движение, все необычайно рельефно, скульптурно, пластично. Живописны ее краски, переходы тонов, контрастность света и тени.

Разумеется, искусство этой страны ярко, темпераментно, поэтично. В гурийском национальном танце, например, выражавшем предчувствие боя, — огромная сила чувств, воплотившаяся в действии, в пластике. Потом эти элементы гурийского танца будут перенесены режиссером Шаликашвили в спектакль «Малая земля», поставленный театром пантомимы в 1978 году, и покорают зрителя экспрессией и достоверностью чувств. Одна из удачных сцен в спектакле — похороны командующего 18-й армией генерала К. Н. Леселидзе. Звучит грузинская народная песня, и, слушая ее, я вспоминала слова А. В. Шаликашвили: «Для меня услышать древнюю гурийскую песню криманчули — больше, чем услышать музыку мира! Недаром Стравинский, услышав криманчули, назвал ее хоровым джазом: так часто в песне меняются голоса и ритмы».

Поэзия Грузии, которую Амиран хорошо знает и любит и которая, по его словам, конкретизирует мысль, обостряет чувство музыкальности, пластичности, поэзия Шота Руставели, Важа Пшавела, Галактиона Табидзе служит постоянным источником идей и вдохновения в его режиссерской работе. Так, интересным этапом в работе театрального коллектива пантомимы, созданного А. Шаликашвили, стал маленький спектакль по стихотворению Г. Табидзе «Могильщик». Это был поиск в пути: от пантомимической новеллы он шел к пантомимической форме. Сейчас театр Шаликашвили взял на себя ответственнейшую и увлекательную задачу: поставить в пантомиме шедевр грузинской поэзии «Витязь в тигровой шкуре».

Грузия, ее природа, люди, национальное искусство — танцы, песни, поэзия служат естественной и благодатной почвой в творчестве Амираана Шаликашвили, потому его искусство подобно живому плодоносящему дереву. Символична в этом плане его работа «Поэма о виноградной лозе», названная замечательным грузинским режиссером театра и кино Вахтангом Таблиашвили «Чайкой» театра пантомимы. Эту новеллу видели зрители Москвы, Ленинграда, Риги, Таллина, Вильнюса, Минска и более ста пятидесяти других городов страны, в разных республиках и везде восторженно встречали изящную миниатюру, построенную на основе жизни грузинского трудового народа. Ибо известно, что чем ярче и правдивее отражен в искусстве национальный характер, тем ближе он характеру общечеловеческому.

...Он шел к своему театру долго и трудно. Так же упорно и всоудушевленно, как когда-то шел в свою Гурию, в родную деревушку Акети. Самым трудным в пути был поиск самого себя, своего призвания. Он не чурался тяжелого труда: в деревне обра-

батывал землю, собирал чай; в городе был мойщиком машин, механиком-мотогонщиком, рабочим в тресте озеленения. Потом стал рабочим на киностудии. Атмосфера творчества заволаговорила его, к тому же сказывалась, видимо, наследственность — и дед, и отец Амирана были театральными актерами. Из культурпросветучилища путь лег прямее, но тоже не без трудных проб самого себя. После окончания театрального института работа в театре музыкальной комедии, в эстрадно-цирковом училище, увлечение хореографией, вокалом, драмой, эстрадой. При кажущейся разбросанности увлечений в нем жила широта интересов, напряженность поиска, а в результате родилась профессиональная насыщенность, разноплановость, которая так пригодилась теперь, когда А. Шаликашвили возглавил театр пантомимы. Нынешняя работа потребовала от него универсализма: ведь режиссер мима — это актер, драматург, художник-оформитель и сценарист одновременно.

Можно с уверенностью сказать, что Амиран Шаликашвили счастливо нашел себя в пантомиме — искусстве концентрированной выразительности, где актер, лишенный и слова, и других поддерживающих его театральных атрибутов, таких, как музыка, пение, декорации, как бы подчеркнуто обнаженный в своем узком трико, должен сыграть действие, выразить собственные переживания только жестом, только пластикой тела.

Для Амирана Шаликашвили был закономерен этот путь — через театр драматический, говорящий, танцующий, поющий — к театру безмолвного движения, к мимодраме; закономерен еще и потому, что пантомима — искусство древнее, искони народное, значит, понятное и близкое душе этого актера.

Но что же послужило толчком или первым осознанным движением навстречу миму? Может быть, увиденный в Москве в 1959 году спектакль итальянского театра Пикколо де Милано «Слуга двух господ», или встреча в 1965 году с Марселем Марсо? «Великий Пьеро XX века» обратил тогда внимание на руки Амирана: «Я сразу решил, что вы артист. У вас самые выразительные руки, какие я когда-либо видел».

А всего лишь через восемь лет в Москве, на творческом вечере пантомимы, где Шаликашвили выступал со своей труппой, Марсель Марсо сказал провидческие слова: «Такого национального, профессионального, совершенного, талантливого коллектива я еще не встречал. Несмотря на недолгий срок существования, он уже выработал свой почерк, и следует ожидать, что в скором будущем займет ведущее место среди театров пантомимы Европы».

Именно в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, почувствовав свое призвание в пантомиме, признав ее искусство главным в своей жизни, А. Шаликашвили рванулся навстречу ей со всей страстностью натуры, с чувством обретенной правды.

Он месяцами изучал историю мима, постигал притягательную силу «искусства иллюзии, почти оптического магнетизма», как определял его Марсель Марсо. Искусство, рожденное в древней Индии и Японии, расцветшее в странах античного мира, перешло с комедиантами и петрушками на площади средневековых городов Европы, древней Руси, Грузии. Народ, лишенный права на слово, сумел выразить свою боль, свой гнев против порабощения языком танца, пластикой тела, застывшей на лице маской безмолвия и страдания.

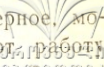
Пантомима способствовала рождению народного танца, позднее — классического балета, стала частью мировой эстрады и цирка, немного кино. Без пантомимы немыслимо искусство Макса Линдера, Игоря Ильинского, Чарли Чаплина. Целые пантомимические спектакли ставили известные режиссеры драмы О. Мейерхольд, К. Марджанишвили, А. Таиров, Жан Луи Барро, Б. Брехт.

Теория мима была тщательно изучена. Практикой пантомимы Амиран овладевал яростно: собрал студию из молодых актеров, конечно же, единомышленников, мечтавших, как и их руководитель, о собственном театре. Репетиции проходили в подвальных помещениях, в течение десяти часов, по усложненной программе.

А. Шаликашвили вспоминает об этом времени с чувством осознанной правоты: «Работа была нашей движущей силой, живой водой, хлебом насущным. Я специально усложнял упражнения, сообща вырабатывали и целую серию — более ста — приемов, исполнять которые могли не все. Многие уходили. Оставались преданные, я бы сказал — фанатики дела. Среди них уже тогда выделялись Кира Мебуке, Георгий Осепашвили, ставшие теперь ведущими актерами театра, моими помощниками».

Грузинский театр пантомимы родился не на пустом месте. Ему предшествовал успех театральных постановок пантомимы К. Марджанишвили, А. Таирова, но это были отдельные постановки. Именно Амиран Шаликашвили создал профессиональный театр пантомимы с собственной труппой, с устойчивым репертуаром, с выработанным стилем в режиссуре.

Он молодой, грузинский театр пантомимы, ему лишь десять лет. И заметим, к сожалению, пока единственный в Советском Союзе.

Актеры тоже молодые: средний возраст 23 года. Наверное, молодость, безоглядная влюбленность в свой театр делают работу в нем столь серьезной и смелой, плодотворной и многообещающей. Главное в работе и в репертуаре театра — целенаправленная гражданственность, открытая идейность. Такие постановки, как «Последний звонок» — о подвиге Зины Портновой в годы Великой Отечественной войны, «Освободите песню» — о трагических событиях в Чили, и главное достижение театра — «Малая земля» по книге Л. И. Брежнева, завоевали популярность зрителя.

Театр при всей лиричности, изящности постановок тяготеет к темам современным, глобальным — это определяет его успех.

Внимание актерской и режиссерской работы А. Шаликашвили сосредоточено на раскрытии внутреннего мира героя, будь это психологический этюд, подобный «Хиросиме», или трагедия Еврипида «Электра». Организованное движение пантомимического спектакля в целом и каждого отдельного актера рождается от организованной мысли и актера, и спектакля в целом:

— Мысль рождает движение, — говорит Амиран Валерианович. — Это основа в работе мима.

...Амиран как всегда немногословен, внутренне сосредоточен при всей импульсивности, темпераментности на репетициях и в спектаклях. Когда же он говорит, его скупые слова несут продуманную мысль: «Пантомима — это молчаливая поэзия, это театр большого чувства. Я полюбил тайну молчащего человека. Актер мима должен разгадать и выразить его мысли».

Он справедливо считает, что «воспитанное» тело актера рождается от духовной его цельности и глубины содержания. Артист, лишенный на сцене слова, сам по себе должен быть глубоко содержательным человеком, интересной и значительной личностью.

Коллектив тбилисского театра решился возродить в своем спектакле пантомиму трагическую, античную. Театру пригодился собственный опыт предыдущих спектаклей, насыщенных пафосом высоких гражданских чувств и человеческих страстей; сказалась благотворная творческая связь с национальным грузинским искусством, исполненным драматизма; понадобились также глубокие знания истории мимодрамы.

Режиссерский прицел на спектакль был точен: сюжет трагедии Еврипида «Электра» динамичен до стремительности, образы героев психологически обострены. Ритм сорокаминутного спектакля менялся быстро: он был заложен в самом действии, в характере и поступках героев; в свою очередь, этот ритм рождал мелодию и рисунок спектакля, всю его пластику. Успех грузинской «Электры», особенно в Греции, в Афинах, куда театр приезжал

по путевке ЦК комсомола Грузии, был необычайным. Режиссер греческого молодежного театра Спирас Эвангелатос написал в рецензии: «Я поздравляю советских актеров с огромным успехом». «Электра» удивила наше общество. Хочу, чтобы дружба двух наших театров продолжалась.

Коллектив театра выступает интересно и плодотворно. За этим стоит упорный, подчас изнуряющий труд всех актеров, которые утверждают, что их любимый режиссер — фанатик своего дела. Конечно, они правы. Создав и утвердив театр пантомимы, Амиран Шаликашвили принялся широко пропагандировать этот вид искусства, веря в его огромные выразительные возможности. В Тбилисском государственном театральном институте два года назад открылся факультет пантомимы, где А. Шаликашвили ведет курс лекций.

Его во всем поддерживают коллеги, друзья, актеры, министерство культуры, ЦК комсомола республики. О творческих и организаторских способностях А. В. Шаликашвили хорошо сказал профессор Дмитрий Алексидзе, народный артист СССР, бывший его преподаватель: «Амиран Шаликашвили, учась в театральном институте, создавал прекрасные драматические типажи — это говорило о его безусловном даровании. Он первым создал театр пантомимы Грузии. Марсель Марсо поверил в него и одобрил его искусство. Всех нас радует безусловный успех этого театра. Я приветствую интересную мечту Амирана Шаликашвили и желаю ему дальнейших успехов в творчестве. Какое это счастье, когда человек находит себя в любимом деле!»

Обретши себя через свою родину и ее искусство, Амиран Шаликашвили теперь щедро отдает свой талант и труд родине; он подарил Грузии новый театр как сыновнее признание в любви.

ПРИТЧА

ЭТОТ фильм¹ прост, как сама жизнь, и, как она же, сложен. Что в нем происходит? Вроде бы ничего особенного. Близкие, друзья, знакомые собрались у могилы человека, которого давно уже нет, он ушел за два года до своего шестидесятилетия, и вот теперь, в день, когда ему было бы семьдесят пять, а это, конечно же, юбилей, у скромной плиты выводит грустную и светлую мелодию, по одухотворенному образу Булата Окуджавы, «надежды маленький оркестрик под управлением любви».

На камне выбита надпись — Давид Ильич Арсенишвили. Внизу, как положено, даты, отметившие земной срок: 1905 — 1963. Короткая черта, их соединившая, неужели она-то и вместила чью-то судьбу, пока нам неведомую, но всегда интересную?..

Уже одно то, что и через семнадцать лет столько людей пришло на кладбище, чтобы отдать дань почитания почившему, навевает мысль о необыкновенных душевных свойствах, о незабываемых делах. И тут кто-то, видимо, из родных просит:

— Пойдемте к нам... вспомним Давида Ильича.

Традиционное грузинское поминальице застолье. Присутствующие, как принято, говорят о том, ради кого они сюда пришли, и нам бегло представляют этих людей, среди которых журналист и художник, искусствовед и инженер, академик и музейный работник, писатель и историк. Все они знали покойного в разные годы его пути, но главным образом в период, когда он возрождал полуразрушенное ветхое святилище, чтобы устроить в нем дом гениального русского живописца.

Теперь мы мысленно возвращаемся к самому началу картины. Снимок древнего храма во весь экран. И голос диктора, чи-

¹ «Мравалжамнер...» Киностудия «Грузнаучфильм», выпуск 1981 г.

гающего официальный документ: «Совет Министров СССР постановляет организовать в белокаменном соборе Андроникова монастыря в Москве музей имени Андрея Рублева. С первого июля тысяча девятьсот сорок девятого года назначить заведующим музеем товарища Арсенишвили Давида Ильича».

Опять снимок. Вместо каменных деталей церкви — доброе улыбочливое лицо, сияние мудрых глаз.

Как воссоздать образ человека, который просто жил, не помышляя о посмертном воздаянии, о славе, об увековечении себя? Его не запечатлели фото- и кинорепортеры, его не рисовали модные портретисты. Хотя он был рядом с нами совсем недавно, — ну, что значат для быстротекущей реки по имени Время каких-то полтора десятка лет, — так мало осталось аксессуаров его существования.

Верно, авторы фильма — сценарист Леонид Гуревич и режиссер Лео Бакрадзе располагали чрезвычайно ограниченными возможностями для рассказа с экрана о своем герое, если судить по обычным, расхожим меркам бездумной нетворческой хроники. Вместе с тем, им — и всем нам — досталось бесценное богатство — главное детище Давида Арсенишвили — музей Рублева. И память людская.

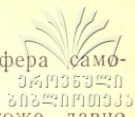
Они распорядились этим богатством, как подобает художникам.

Казалось бы, чего мудрить: ставь камеру, наматывай метры синхронных интервью, ставших настоящим поветрием и в кинематографе и на телевидении, расположи их в определенном порядке, расцвети красотами творения бессмертных зодчих, фресками и иконами великого Андрея — и фильм готов.

Наши авторы выстраивают картину по канонам притчи.

Не стану распространяться о преодоленных с мастерством трудностях съемок застолья, где, каждому ясно, неизбежны наложения одних реплик на другие, непредсказуемость поведения участников, опасность, что возобладает латинская пропись: «О мертвых или хорошо, или ничего». И попросту все будет скучно. Здесь, кстати, надо отметить виртуозную работу операторов Кристиана Вальдеса, Анатолия Шафрана и Рамаза Какулия, звукооператора Станислава Бица, которые успешно справились почти со всеми препятствиями.

Для сверхзадачи картины, как и для всякой притчи, перво-степенным был нравственный итог судьбы Давида Арсенишвили. Потому не могло быть ни умолчаний, ни отступлений от правды. Здесь особую роль играет психологическая точность запечатлен-

ного поведения рассказчиков, непринужденная атмосфера самовозгорающихся воспоминаний.

В литературе и в кино, конечно, в свою очередь тоже, давно известен прием, когда путем как бы многократных отражений в разных зеркалах создается тот или иной образ. Сопоставление различных взглядов, ошибка иногда противоречивых мнений лучше высвечивают характер, придают ему диалектическое жизнеподбие.

Поток коллективной памяти в фильме выносит на поверхность многозначительные свидетельства, которые в силу места и случая, вызвавшего их, казалось, могли быть лишь однотонными — дескать, жил хороший человек, как жаль, что его больше нет, мы все не забыли и не забудем добрых дел усопшего. О чем еще говорить при поминовении?..

Если такого не произошло, то прежде всего из-за своеобразности, крупности личности героя ленты. Перед нами предстает человек, по внешнему рисунку биографии как будто неудачливый, обойденный, незаслуженно обиженный. Чистый, рыцарственный, бескорыстный, бесребреник, отзывчивый к ближним и дальним, подвижник, без остатка отдавший себя избранному служению, — это все определения мемуаристов, — он не получил при жизни ни вещественных благ, ни общественного признания, ни даже благодарности.

Историк Натэла Вачнадзе говорит в фильме:

«Я нашла очень интересный материал... Когда он создал в двадцать седьмом в Тбилиси театральный музей Грузии, первый на всем Кавказе, ему было неполных двадцать два. Начало тридцать пятого года... Но вдруг приказ... освободить от должности...».

«У Давида Ильича было веление души любить древнерусское искусство», — восхищенно восклицает академик Д. С. Лихачев, один из наиболее авторитетных истолкователей этого искусства.

Почему мы привязываемся сердцем к кому-то или к чему-то? Разве здесь нужны логические доводы?..

Может быть, что-то объяснит признание, сделанное Арсенишвили в частном письме, — оно звучит за кадром: «Доски черные, нераскрытые, но свет от них чувствую, оторваться трудно».

Похоже, ближе всего к истине искусствовед Ирина Иванова: «Он в Рублеве... в первую очередь видел то, что нужно на каждый день человеку...»

Поминовение продолжается. Иногда голоса уходят за кромку экрана, его пространство заполняют любительские снимки, запечатлевшие разные фазы восстановления белокаменного собора.

И вот уже стоит во всей своей красе неповторимый храм, где не сегодня-завтра откроется музей, но... снова приказ. Реконструируя факт, кинематографисты на наших глазах отстукивают на пишущей машинке казенный текст приказа.

Возможно, отыщется некий скептик, который скажет: уже во второй раз, зазря такого дважды не бывает.

И вправду, не зазря. Художник Николай Гусев выразил это так: «Его недолюбливали чиновники, потому что он всех заставлял работать, от него нельзя было отступить».

...Митинг по случаю открытия музея. Спасибо безвестному фотолетописцу, снявшему публику, официальных представителей на трибуне, у микрофона. Спасибо, объектив высмотрел сбоку, в сторонку, отставленного, как бы выключенного из общего торжества человека.

Авторы картины выкадровывают — талантливая находка! — одинокую фигуру. Мы узнаем того самого, доброго, светлого, улычивого. На лице его — горькое счастье победителя.

Есть еще хор, поющий в пахнущем свежей известью живом соборе, есть нетленные рублевские краски, есть лики святых. Мастер, утверждают специалисты, писал их с простых смертных, своих современников.

Гурам ХАРАИДЗЕ

РАССКАЗЫ

ПОДЪЕМЫ ИМЕРЕТИ

БЫЛО солнечное утро. Я сидел на арбе рядом со старым крестьянином, слушал скрип колес и с любопытством поглядывал по сторонам. Хотелось поболтать, раза два я даже попытался заговорить со стариком, но он, вероятно, не видел во мне достойного собеседника.

Наверное, злитесь, что председатель велел ни свет ни заря везти меня!.. Иначе, с чего он молчит — непонятно...

На спине у черного вола, который, не торопясь, лениво отгоняя хвостом назойливых мух, преодолевал подъем, я заметил рану.

— Неужто в него камнем швыряли? — спросил я сочувственно.

Старик снова не удостоил меня ответа. Солнце стало припекать, но меня беспокоила не жара, а молчание старика. Вон там, на горе, что возвышается за рекой, — моя деревня. Отец мой родился и вырос там, а я вот еду в Имерети впервые...

— Стало быть, ты сын Лукаиа Купатадзе? — неожиданно, повернувшись ко мне, спросил старик.

— Ну да, я сын Луки! — радостно откликнулся я и в предвкушении приятной беседы устроился поудобнее. Мне показалось, что в ожидании этого замолкли даже цикады.

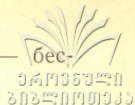
— Вы знали папу?

Старик, уже не поворачиваясь ко мне, проговорил словно про себя:

— Стало быть, сын Лукаиа... Высокий, статный был мужчиной... Охотиться любил... Особенно на перепелок...

Слава богу! Старик заговорил! — подумал я, а вслух произнес: — Да, хороший был охотник... Дома у нас хранятся головы

медведя и тура. Он убил даже двух леопардов, а кабанов — бесчисленное множество.

Старик зевнул. Затенил глаза рукой и, опять-таки не обращаясь ко мне, пробубнил:

— А в Сачхере-то сегодня дождь будет!.. Гляди-ка вон на ту тучу!

Теперь уже мы шли по спуску. У волов напряглись шеи. А я сижу себе преспокойно и рассказываю старику городские новости: о том, какая у нас хорошая квартира в Тбилиси, как меня любят товарищи, какие большие надежды возлагают на меня лекторы. Сообщил, что я мастер спорта по боксу, чемпион города и республики. И пошел, и пошел... Так вот всегда, стоит только мне начать говорить, как меня заносит неизвестно куда и никто и ничто уже остановить меня не может. Неважно, слушают меня или нет, верят или нет, да и сам черт не разберет, где быть, а где небылца. Порой чувствую, что слишком уж завяз, но остановиться не могу. Только было начал я повесть о том, как спас в джунглях от смерти английского посла, а робщик прервал меня:

— Видишь, парень, ту тронку?

— Конечно, вижу!..

— Так вот, пойдешь по ней, пятый дом и есть дом твоего дяди...

Я неохотно соскочил с арбы, взял чемодан и вспомнил, что даже не поинтересовался, как зовут старика.

— Как вас зовут, дядя?!

Старик сидел и терпеливо ждал, пока я уйду.

— Дядя, как зовут вас? — повторил я свой вопрос.

Старик взглянул на меня и робко улыбнулся.

— Ты что-то сказал, сынок? Я ничего не слышу, глухой я... Еще с японской войны... Хочешь сказать что-то, возьми вот прут и напиши на песке...

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Я со злостью, он — с безмятежной улыбкой. Потом я вытащил блокнот и написал огромными буквами: «Если ты глухой, чего не сказал вовремя, выходит, зря я столько болтал...»

Старик, прочитав записку, ухмыльнулся и почесал затылок:

— Председатель сказал, что ты сын Лукаиа Купатадзе, вот я и умолчал о глухоте. Ох и любил Лукаиа поговорить, все равно слушали его или нет. И присочинить был горазд... Хороший был парень Лукаиа. Ты похож лицом на него... Да и вообще, видать, весь в отца... Есть, кроме тебя, у матери еще дети?!

— Нет! — крикнул я, поправил брюки, взвалил чемодан на плечо и стал подниматься в гору. За спиной моей заскрипели колеса.

«Вот здорово, — подумал я, — сколько чего я могу рассказать дяде!..»

ПИКОВАЯ ДАМА

Е ДВА тронулся поезд Боржоми—Тбилиси, как мы услышали на перроне детский плач:

— Папа, папочка! Возьми меня с собой!.

Мать одной рукой обнимала малыша, другой махала мужчине, стоявшему у окна.

— В чем дело, молодой человек?! Почему заставляете плакать ребенка?.. — произнесла с укоризной пожилая женщина, сидевшая рядом.

— Что поделаешь, он всегда плачет, когда провожает меня, все просит взять с собой.

— Почему же не берете? Почему разрушаете семью? Если вы не ладите с женой, при чем тут ребенок?

Молодой человек с удивлением посмотрел на женщину.

— Да о чем вы говорите! Я семью не разрушаю, я еду в Тбилиси по делам и в субботу приеду обратно.

— Ой, а я думала, вы с женой разошлись. Не платите алиментов, женились на другой, у вас родился ребенок, но вы разошлись со второй и хотели вернуться к первой. Но она вас не приняла и вы, поджав хвост, возвращаетесь в Тбилиси, а ребенок плачет.

Погутчики наши засмеялись. Женщина так взглянула на нас, что смех тотчас прервался.

— Что случилось? Я вас спрашиваю, девушка? Почему вы смеетесь? Не нравится, когда говорят правду? Что поделаешь, людей моего возраста уже не уважают... Вы воображаете, весь мир принадлежит вам. Ну, конечно, ведь сейчас все делается для того, чтоб вам легко жилось, вот и пятидневку придумали — как бы вы не устали на работе, смотрите, берегите себя, развлекайтесь, пойте, танцуйте. Эх, была бы моя воля, я бы вам не то что два дня в неделю, двух часов не позволяла бы отдыхать, чтоб вы меньше с ума сходили. Небось у тебя и возлюбленный есть?

— Я замужем, у меня сын...

— Понятно, понятно... Стало быть, ты замужем и у тебя еще и любовник есть! Молодчина! Нечего сказать! Мне столько лет, а

я все не рискну выйти замуж... А ты -- уже замужем!.. Небось /
отец выгнал из дома. и другого выхода у тебя не было... 302 3010333

— Ну что вы... Отец у меня на войне погиб.

— И матери у тебя нет?

— Мать есть...

— Ну вот, она тебя и выгнала из дому, узнав о твоём поведении. А ты нашла себе такого же несчастенького и вышла за него замуж. Верно? Молчи, молчи! Я все знаю! И брат у тебя есть, наверное, и он сидит в тюрьме за хулиганство, а другой брат — фальшивомонетчик и его, если не сегодня, то завтра, непременно арестуют. Ну и семейка! Молчи, кому я говорю! Тебе нечего сказать! А ты, милая, чем занимаешься, зачем едешь в Тбилиси, что, по любовнику соскучилась?

— Я учусь.. на заочном... на юридическом...

— Ну, что я говорила, — повернулась женщина к нам. — Что я говорила!.. Бросила дома мужа и ребенка, голодных, в грязной квартире, а сама отправляется в Тбилиси изучать законы! Хи-хи-хи...

Поезд мчится, и кто знает, куда, в чью семью приедет эта «добрая», «милая» женщина. Вокруг нас постепенно образовалась пустота — пересел в конец вагона «двоеженец», со слезами на глазах ушла и заочница. Молодые люди, тихо напевавшие песню, умолкли, в страхе поглядывая на непрошеного оракула. А женщина не унималась.

— Глядите, глядите-ка на этого, вон того, что стоит у столба! Да-да, в красном галстуке. Выйдет из него человек?! Наверняка удрал из интерната!.. Скажите, зачем нам столько интернатов, пионерских лагерей, пансионатов, санаториев, турбаз... Во всех домах телевизор, в деревнях понастроили клубы и библиотеки!.. Ради кого, для кого совершалась революция!

Обеспокоенная «несправедливостью» жизни женщина повернулась к окну, и, улучив минуту, я тоже пересел на другое место.

Мчится поезд. Мимо нас проносятся цветущие сады, виноградники, красивые, аккуратные домики, яркие автомашины. А женщина, словно ворона, каркает: «Глядите, глядите-ка на эту корову! Ну какое у нее может быть молоко?!»

КАК РОДИЛСЯ РАССКАЗ

МЕСЯЦ тому назад писатель Тавдгиридзе принес редактору журнала рассказ. Тавдгиридзе был человеком робким, стеснительным, то и дело краснел и вообще со всеми всегда соглашался. Больше месяца носил он в кармане рассказ, прежде чем риск-

нул переступить порог редакции. А еще через месяц он решил, наконец, узнать о его судьбе.

Честно говоря, рассказ был самый обыкновенный, сказы довольно часто появлялись на страницах этого журнала. Вот его краткое содержание:

Друзья пошли на охоту. Увидев зайца, вскинули ружья, но в это время откуда ни возьмись появились зайчага. Зайчиха приласкала их, достала припрятанную под кустом морковь и раздала детишкам. Охотники, удивленные этой сценой, пристыженные, опустили ружья и вернулись в город несолоно хлебавши. Рассказ назывался «Сожаление», был написан образным языком, диалоги друзей перемежались красочными описаниями природы, да и основная мысль рассказа была самой злободневной — надо беречь флору и фауну.

...Тавдгиридзе решил пойти в кабинет редактора.

— Отличный, отличный рассказ! — восторженно потирал руки редактор. — Отличный.. понадобятся лишь незначительные поправки.

— Я вас слушаю... — проговорил Тавдгиридзе, вытирая платком обильно выступивший на лице пот.

— На мой взгляд, для развития действия друзьям вовсе нет необходимости отправляться на охоту. Представим себе, что они гуляют по проспекту Руставели. Вы согласны?

— Согласен... — прошептал Тавдгиридзе.

— Далее... Почему на охоту должны отправляться друзья, а не парень с девушкой? Правда, вопрос эмансипации женщины у нас уже давно решен, но все-таки хорошо, когда в центре произведения — образ женщины. Видите, насколько рассказ стал лучше?..

— Да...

— Но вместо ружей они должны держать в руках папки. Абсолютно недопустимо, чтоб юноша и девушка гуляли с ружьями по проспекту Руставели. Верно я говорю? Вы могли об этом и сами догадаться, дорогой мой!

— Да, конечно...

— Итак: парень и девушка после занятий в университете решили прогуляться по проспекту Руставели. Любовь пылает в их сердцах. Одним словом, они гуляют... Ну как, великолепно?

— Да, да...

— И еще, скажите, откуда может взяться днем на проспекте Руставели зайчиха, да притом с зайчатами? Справедливое замечание?

— Да, конечно...

— Вместо зайца действующим лицом у нас станет неупутенный отец. За ним по пятам следуют четверо детей, мал мала меньше, и лопочут: «Папа, папочка, брось пить, вернись к нашей маме». Ну как? Ведь даже камень заплачет от жалости к этим малюткам, а, что скажете?

— Верно...

— Далее: парень и девушка переглядываются. У обоих рождается одна и та же мысль: «Нет, у нас будет не такая семья». И все. Здесь следует ставить точку. Больше никаких замечаний у меня нет... Хотя... Заменим и заголовок. Рассказ лучше назвать «Любовь в Казбеги».

— Почему в Казбеги? — шепчет Тавдгиридзе.

— О, какой вы упрямый! — всполошился редактор. — Казбеги нам понадобится потому, что парень — из Казбеги, и свой медовый месяц молодожены проведут в горах. Понятно?

— Да... — согласился писатель и с трепетом спросил: — Когда же вы собираетесь печатать мой рассказ?

— Вы не волнуйтесь! Учтите эти незначительные замечания, и рассказ ваш мы напечатаем в ближайшем номере, на самом видном месте.

И редактор пригласил в кабинет другого автора, еще более робкого и стеснительного, нежели Тавдгиридзе.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ УПРЯМСТВО

КВИШХЕТИ: — Алло, алло! Хашури! Ты что молчишь, Женья! Алло, Женья, Хашури!..

Хашури: — Слу-у-ша-ю!..

Квишхети: — Алло, Хашури! Ну что это такое! Еще утром заказывала Тбилиси!.. Алло, алло... Да-да... Несчастный, уже вечер, а он торчит тут с утра! Алло!.. А у него, наверное, важное дело...

Хашури: — И я не бездельничаю, дорогая. Подожди, не кричи... Повтори номер...

Квишхети: — Запомни наконец: пять — пятнадцать — тридцать девять!..

Хашури: — Я ведь дала ему в полдень четыре — пятнадцать — тридцать девять! Не мог сказать, что ему надо?!

Квишхети: — Алло! Хашури! Хашури! Ему нужно пять — пятнадцать!.. Четыре он не хочет!..

Хашури: — Из-за одной цифры такая канитель... Что ж, пусть ждет, раз у него нет другого дела!

Квишхети: — Э, слушай! Дай ему пять! Ты ведь знаешь, какие у него уши... лисцев, какие они упрямые!..

Хашури: — Что мне делать, пять не включается... Ну, если хочешь, дам три...

Квишхети: — Говорит, не хочу три... Плачет, хочет пять.. Аграфена поит его водой... Боже мой, плачет как дитя малое!.. Алло! Алло! Интересно, кому он звонит? Женя, проверь еще раз... Домой опаздываю...

Хашури: — Что делать, дорогая, не включается пять... Слушай, может он согласен на шесть—пятнадцать? Спроси...

Квишхети: — Подожди, подожди!.. Ой, Женя, он танцует!.. Смеется... Опять плачет!.. Ой, маменька, что я вижу... Выделяет стойку на столе... Полез на стенку...

Хашури: — Говорила же тебе, что ему делать нечего... Будь у него дело, сидел бы он у тебя целых семь часов?.. Помню похожий случай... То была женщина... После пяти часов ожидания вылила на себя чернила и стала жевать телеграфные бланки. Потом ее увезли на неотложке. С тех пор не появлялась... Видать, поняла, что упрямство у нас не проходит... Алло! Алло...

МОЯ ДЖИЛЬДА

СОЛНЦЕ заглянуло в мое окно. Я присел в кровати и прогтер глаза. В комнате все было вверх дном. И я тотчас вспомнил, что вчера у меня были друзья и ушли далеко за полночь в довольно-таки веселом расположении духа! Какие тосты пились! Помню, несколько раз, наполнив рог, мы поднимали его во здравие наших жен.

Я тихо встал и на цыпочках вышел в ванную. Не хотел будить Джильду. Но задел за ножку стула и опрокинул его. Джильда испуганно вскочила, бросила на меня злой взгляд, покачала головой и молча легла.

— Джильда, моя Джильда! Ты обижена на меня? — начал я робко, но Джильда мне не ответила. В душе я ругал друзей: знают ведь, что у меня одна комната и эти бесконечные пиры действуют Джильде на нервы. К тому же говорят так громко, что у несчастной, наверное, до сих пор голова раскалывается. А сигаретный дым?.. Он совсем отравил это нежное и слабое существо.

Я вернулся в комнату. Джильда смотрела куда-то мимо меня, вся ее поза, молчание и затуманенный взор свидетельствовали о том, что между нами еще долго не будет заключен мир.

— Джильда! — обратился я к ней голосом несчастного человека. Джильда закрыла глаза и отвернулась к стене. Я обреченно произнес:

— Так жить невозможно! Почему у меня не должно быть нормальных условий жизни! Живут же мои друзья — стоит им прийти домой, как любящие руки жены обнимают их...

Я посмотрел на Джильду. Она повернулась ко мне и смотрела на меня с издевкой. Вдруг внимание ее привлек какой-то шум. Я оглянулся и увидел на подоконнике серую кошку. Ей, видимо, не давал покоя кусок колбасы на столе. Кошка осторожно прыгнула с подоконника и направилась к столу. Вот этого Джильда не стерпела, в мгновение ока вскочила и с оглушительным лаем кинулась на кошку. Кошка вскочила на подоконник. Джильда последовала за нею. Кошка прыгнула во двор. Джильда от нее не отставала. Так они и бегали по всему двору. А мальчишки подзадоривали:

— Ну, Джильда, смелее, Джильда! Вот это собака!.. Бедняжка, совсем замучил ее хозяин, а вообще это отличная охотничья собака.

Я смотрел во двор и думал горестно:

— Эх, была не была, пора жениться... Хотя бы для того, чтоб обуздать эту взбалмошную Джильду. Женщины, как мне известно, обладают талантом укрощения.

Перевод Виктории ЗИНИНОЙ

06.03.59.230

012-1110193

РЕПЛИКА ● РЕПЛИКА ● РЕПЛИКА ● РЕПЛИКА

«НЕ БЕРЯ В ГОЛОВУ...»

О РЕПЛИКЕ Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

Крайнее возмущение вызвала у меня, да и не только у меня, а у многих моих товарищей-литераторов, реплика Э. Елигулашвили в № 12 «Литературной Грузии» за 1981 год, обвиняющая известного русского прозаика Николая Евдокимова в плагиате у М. Лохвицкого.

Тон этой реплики непозволителен не только по отношению к писателю, давно и талантливо работающему в советской литературе, но был бы недопустим даже, если бы речь шла о писателе начинающем. Может быть, Э. Елигулашвили слабо знает русскую советскую литературу и не читал произведений Н. Евдокимова, широко известных читателям у нас в стране и во многих зарубежных странах? Тем более стоило бы, публикуя такое страшное обвинение, обратиться в библиографический кабинет или хотя бы открыть «Советский энциклопедический словарь», чтобы задуматься, прежде чем писать подобные реплики.

Конечно, одним книги Евдокимова могут нравиться, другим нравиться меньше, или совсем не нравиться, как Э. Елигулашвили, но стоит прочесть несколько страниц его прозы, чтобы понять, что Н. Евдокимов — писатель своеобразный и не нуждается в заимствованиях, все, что он написал, принадлежит ему и только ему.

В реплике Э. Елигулашвили речь идет о повестях Н. Евдокимова «Страстная площадь» и «Проншествие из жизни Владимира Васильевича Махонина». «Правда» в статье А. Бочарова 2 августа 1981 года писала об этих повестях следующее: «Пожалуй, никто в современной советской прозе не продвинулся дальше Н. Евдокимова в познании глубинных душевных движений в частной жизни «обыкновенного» человека. В своих последних повестях — «Страстная площадь», «Обида», а теперь в «Проншествии...» — писатель избирает сходный тип героя, сходный тип

повествования, исповедь порядочного человека, честно живущего, ни в чем не виноватого и все-таки осуждающего, виноватящего себя».

Э. Елигулашвили читал повесть Н. Евдокимова, как он изящно выражается, «не беря в голову братья за перо, но...» «В числе прочих «происшествий» из своей жизни, — пишет Э. Елигулашвили, — герой повести вспоминает такой эпизод. Голодный послевоенный год. Он, разжившись роскошным по тем временам солдатским пайком, встречает девушку, которая выпрашивает у него хлеб, обещая взамен «расплатиться собой». Герой, в самых тяжелых перипетиях военных лет не потерявший невинности, не может, естественно, воспользоваться подвернувшимся случаем, девушка же, выхватив у него из рук хлеб (он нужен ей для больной матери), исчезает. Позвольте, сказал я сам себе, но ведь точно такую же сцену я помню по роману моего земляка, живущего в Грузии русского писателя Михаила Лохвицкого «Неизвестный!» И если бы повторялась только ситуация».

Такого эпизода у М. Лохвицкого нет. Критик не приводит этого эпизода, он вырывает незаконченные фразы из текста одного и другого писателя, создавая таким тенденциозным подбором иллюзию заимствования.

Привожу эпизод из романа М. Лохвицкого полностью: «Кто-то дергает меня за рукав. Оборачиваюсь. Молодая женщина в простеньком легком платье. Что-то говорит посиневшими от холода губами.

— Не понимаю, — говорю я. — Нем трудом.

— Хлеб, хлеб, — старательно выговаривает она русское слово, расстегивает платье, обнажает грудь, словно выточенную из белого мрамора, с голубыми прожилками и показывает на подъезд.

Я захлебываюсь холодным воздухом, качаю головой. Она снимает с пальца обручальное кольцо. Я отталкиваю руку.

За углом звонко стреляет зенитка. Показываю, чтобы женщина шла за мной. Она поправляет платье.

В стороне от зенитной батареи походная кухня. Подхожу к повару.

— Друг, поесть у тебя имеется?

— Голодный?

— Не я. Остановила вот, продает себя за хлеб.

Повар разглядывает женщину, отворачивается.

— Кажись, осталось немного.

Он насыпает в котелок черпаком ячневую кашу, достает из ящика буханку хлеба. Женщина протягивает обе руки.

— Эй, котелок! — кричит ей вслед повар. Она бежит, не оглядываясь».

Разве такой эпизод пересказывает Э. Елигулашвили?

А вот этот эпизод у Н. Евдокимова. Действие его разворачивается в послевоенном Пронске, на рынке. Эпизод большой, цитировать его полностью нет смысла. Но приведу начало, на которое особенно нажимает критик.

Герой повести идет с буханкой хлеба по рынку. «И тут я заметил, что следом за мной идет и идет девочка лет восемнадцати, худая, как жердь, платице висит на ней, будто на палке, тонкие губы сжаты так, что их не видно на бледном изможденном большеротом лице. Глаза ее блестели лихорадочно, злые глаза, с явной злостью, почти ненавистью смотрящие на меня. Во всей ее фигуре, в выражении лица была угроза и решимость осуществить эту угрозу.

— Чего тебе надо? — спросил я. — Чего плетешься за мной?

— Дай хлеб, — зло сказала она.

— Еще ничего не хочешь? — спросил я. — Видала? — И показал ей фигу.

— Дай хлеб! — она не сказала это, а прошипела с такой ненавистью, что мне не по себе стало: я, увешанный медалями солдат, испугался ее, что ли?

— Ты с приветом, да? Иди знаешь куда? И быстренько. Ну! — почти закричал я и пошел прочь не оглядываясь, чувствуя, как сильно пахнет моя буханка, видя, как горят голодным огнем глаза людей, думая только о том, как поскорее выбраться отсюда и спрятать буханку в вещмешок.

Я выбрался наконец с огороженной тесной территории рынка, забежал в пустынный двор ветхого, убогого дома, спугнув грязную злую кошку, которая рылась в отбросах возле помойного ящика. И увидел, что девочка с ненавидящими глазами идет за мной следом.

— Уйди, — сказал я.

— Дай хлеб! — зло сказала она, смотря на меня так, будто я был ее злейшим врагом. — Я расплачусь!

— Денег не хватит, — сказал я. — Дуй себе!

— У меня и нет денег.

— Чем же ты будешь расплачиваться? — Я засмеялся.

— Дурак, — не сказала, а прошипела она, дрожа от ненависти, повторяя с исступлением: — Расплачусь, расплачусь! Не знаешь, что ли?

И я понял: она готова за эту буханку черного хлеба расплатиться собой...

— Где? — задыхаясь, почти ослепнув от волнения, спросил я.

— Тут, — сказала она и вошла в подъезд дома, спустившись по подвал...»

Что общего здесь у Лохвицкого и Евдокимова? Лишь только слова: «хлеб», «подъезд», «грудь»... Их-то и вырывает из текста критик, на этом строит обвинение в плагиате.

Э. Елигулашвили не ограничивается повестью «Пронсшествие из жизни...» Чтобы убедить читателя, дескать, Евдокимов все ворует у Лохвицкого, он вспоминает другую повесть Н. Евдокимова «Страстная площадь», путая при этом название, именуя эту повесть «Страстная неделя». Раз пошел по линии ложных обвинений, то бог с ним, с названием, и так сойдет.

Я сомневаюсь, читал ли критик эту повесть, ибо он пересказывает ее содержание неверно. «В этом произведении описывается история человека, в результате ранения потерявшего речь и память, забывшего, кто он и откуда, как его зовут...» Нет, повесть Н. Евдокимова о другом. О судьбе врача, его сложной жизни, о его семейных взаимоотношениях. Есть и небольшой эпизод, который пересказывает Э. Елигулашвили, говоря, что это и является сюжетом повести, хотя эпизод этот занимает в повести всего несколько страниц и не составляет ее сути.

На чем же здесь строит свое обвинение критик? На сходстве двух или трех якобы похожих фраз. Вот одна из них. У Лохвицкого: «Почему он (враг) напал на меня, почему он хотел убить?» Критик так комментирует эту фразу: «Тот же вопрос, конечно, волнует и героя «Страстной недели»: «Зачем он пришел сюда? Зачем заставил меня убивать его?» Если уж цитировать, обвиняя писателя в воровстве, то надо быть точным. Эта фраза у Евдокимова звучит так: «Зачем он пришел сюда, в эту русскую деревню, старый человек, оставив на германской земле свой дом, семью, жену, детей? Зачем заставил меня убивать его?» Эту фразу Евдокимов украл у Лохвицкого? Ну что ж, тогда не обвинить ли критику самого М. Лохвицкого в плагиате у В. Быкова? В повести «Третья ракета», написанной за несколько лет до романа М. Лохвицкого, герой Быкова, глядя на умирающего немецкого солдата, задает себе тот же вопрос: «Зачем он пришел сюда?» Было бы смешно обвинять на этом основании Лохвицкого в плагиате у Быкова или в плагиате у авторов известной кинокартины «Столь долгое молчание», где задолго до Лохвицкого рассказана история человека, потерявшего память. Речь ведь идет о мыслях и чувствах столь распространенных, столь напрашивающихся в подобных ситуациях, что они, естественно, отражены во многих произведениях и отечественной, и зарубежной литературы.

Столь же нелепо обвинение в заимствовании и другой «криминальной» фразы из «Страстной площади». Смысл ее в том, что человек, придя в сознание в госпитальной палате, начинает чувствовать боль от ран и видеть окно, стул, соседнюю кровать. А что же в подобных ситуациях мог чувствовать тяжелораненый? И что другое он мог увидеть в обыкновенной госпитальной палате? Неужели Э. Елигулашвили думает, что эти детали у Лохвицкого уникальны, неужели о военном госпитале он читал только у Лохвицкого и Евдокимова?

Действуя таким методом, Э. Елигулашвили мог бы обвинить в заимствовании у М. Лохвицкого и многих других русских писателей. Любовь советского офицера к иностранке во время войны — одна из основных сюжетных линий романа М. Лохвицкого «Неизвестный». Но ведь такая сюжетная линия присутствует и в романе Олега Смирнова «Эшелон», и в романе Юрия Бондарева «Берег». А уж что сказал бы Э. Елигулашвили, обнаружив в «Горячем снеге» Ю. Бондарева, написанном позже «Неизвестного», сержанта Нечаева — бывшего моряка, напевающего «В парке Чаир распускаются розы...»? Ведь у Лохвицкого эту же песенку поет, подумать только, тоже моряк!

Если мы пойдем по пути Э. Елигулашвили, то обнаружим такую же криминальную общность в произведениях Астафьева, Бакланова, Стаднюка, Алексева, Гранина и многих других, кто прошел войну, госпитали, кто перед боем вступал в партию, сострадал измученным народам Европы. Каждый из них по-своему, но зачастую на одних фактах, написал судьбу поколения.

Реплика Э. Елигулашвили является оскорблением известного писателя. Удивительно, что журнал «Литературная Грузия», который немало способствовал утверждению благородных принципов в литературной жизни, опубликовал этот пасквиль.

Реплика Э. Елигулашвили не могла появиться без ведома М. Лохвицкого. Но зачем, спрашивается, М. Лохвицкому такая «популяризация» своего творчества? Впрочем, как говорится, бог с ним, с М. Ю. Лохвицким: «защита» его творчества оборачивается явно против него самого.

Меня больше всего удивляет в этой истории позиция Э. В. Елигулашвили, которого я знал как критика серьезного и умного. Как он мог поставить свою подпись под таким «сочинением»?

Сергей БАРУЗДИН,
главный редактор журнала «Дружба народов», секретарь Правления
Союза писателей СССР.

Редакция «Литературной Грузии» сожалеет, что на страницах журнала была допущена бестактность по отношению к известному русскому писателю Н. Евдокимову.

Хотя формально реплика Э. Елигулашвили содержала, казалось бы, убедительные моменты, однако, глубже вникнув в них, можно было понять, что главный мотив, в частности, из-за которого одного писателя обвинили в недозволенном заимствовании у другого, на самом деле не принадлежит ни первому, ни второму. Это сугубо жизненный мотив. В те злополучные годы подобное, по-видимому, нередко имело место и рассказывалось в солдатских кругах, как нечто чудовищное. Отсюда, очевидно, совпадение не только самой ситуации, но и некоторых жизненно достоверных деталей. В противном случае «обвинениям», вероятно, не было бы конца. В самом деле, не уличать же М. Лохвицкого и Н. Евдокимова в заимствовании, скажем, у О. Гончара, у которого в «Знаменосцах», написанных еще в конце сороковых годов, точно такая же ситуация.*

Редакция «Литературной Грузии» считает своим долгом извиниться перед Н. Евдокимовым и надеется, что он воспримет реплику Э. Елигулашвили не как обдуманый личный выпад, а как результат некоторой журналистской поспешности, которая на сей раз привела к весьма досадным для журнала последствиям.

* См. О. Гончар, «Знаменосцы», «Художественная литература», М., 1970 с. 239.

ЗАСЕДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ

В НОЯБРЕ нынешнего года отмечается 90-летие со дня рождения выдающегося грузинского советского поэта Галактиона Табидзе. Создана юбилейная комиссия по проведению юбилея под председательством секретаря ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе.

Состоялось заседание юбилейной комиссии, где было заслушано сообщение заведующего отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе о мероприятиях, проводимых в республике в связи с 90-летием со дня рождения поэта.

В Тбилиси, Кутаиси и Вани будут проведены юбилейные заседания, в этих же городах, а также в Москве состоятся литературные вечера, научные сессии, вечера поэзии Г. Табидзе.

В Тбилиси на улице Марджанишвили в доме № 8 будет открыт мемориальный музей. В Литературном музее Грузии имени Георгия Леонидзе откроется выставка, будет создан документальный фильм о Г. Табидзе.

К юбилею будут выпущены сувенирные пластинки с записью голоса поэта. Будет открыта выставка изобразительного искусства и фоторабот, посвященных жизни и деятельности Г. Табидзе.

Издательства республики выпустят различные сборники произведений поэта.

В юбилейные дни состоится симпозиум по проблемам поэзии.

Комиссией намечен ряд других мероприятий, посвященных юбилею.

Итоги работы заседания подвел председатель комиссии, секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе.

ВЕЧЕРА ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В ЛЕНИНГРАДСКОМ дворце молодежи состоялись вечера грузинской поэзии.

В город на Неве приехали известные грузинские поэты Карло Каладзе, Лия Стурау, Морис Поцхишвили, Реваз Амашукели, Гиви Гегечкори, Энвер Нижарадзе, Хута Гагва, литературный критик Гурам Гвердцители.

Ведущим на всех вечерах поэзии был председатель Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР поэт Евгений Евтушенко.

Он рассказал о дружбе русского и грузинского народов, о тесных взаимоотношениях грузинских и русских поэтов, особо отметил огромное значение переводческой деятельности Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, П. Антокольского, Н. Тихонова, А. Межирова, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, много сделавших в деле популяризации грузинской поэзии, открывших русскому читателю красоту грузинского стиха.

С обзором творчества поэтов Грузии выступил критик Г. Гвердцители. Он говорил о том, как встречаются грузинские поэты великие даты — 60-летие образования СССР и 200-летие Георгиевского трактата, навеки соединившего русский и грузинский народы.

А затем звучали стихи на грузинском и русском языках, которые читали К. Каладзе и М. Поцхишвили, Гиви Гегечкори и Лия Стураа, ленинградские поэты А. Кушнер и В. Рецпер, поэт и переводчик А. Межиров, прозаик Д. Гранин.

Вчера грузинской поэзии в Ленинграде вылились в большой праздник поэзии, дружбы русского и грузинского народов.

ИЗДАНО В ГДР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Ферлаг дер Национ» выпустило в свет книгу немецкого писателя и журналиста Г. Шайна «Я знаком с Грузией». Двадцать шесть глав этой увлекательной книги охватывают историю, быт и традиции, культуру и искусство, сегодняшний день Грузии. Автор рассказывает о встречах с писателем Нодаром Думбадзе, художником Зурабом Церетели, описывает дом-музей А. Чавчавадзе в Цинандали, достопримечательности столицы республики, знакомит читателей с жизнью и творчеством Н. Пиросмани.

ПРЕМИИ ВРУЧЕНЫ

ЮГО - ОСЕТИНСКИЙ ОБКОМ КП Грузии и исполком Юго-Осетинского областного Совета народных депутатов, рассмотрев предложения комитета по присуждению премии имени Коста Хетагурова, присудили премии видному осетинскому писателю Ф. Гаглойти (Гафез) — за цикл стихов, опубликованных в последние годы в журнале «Фидиуат», и заслуженному художнику Грузинской ССР Г. Котаеву за произведения изобразительного искусства «Эхо войны», «Ветераны партии» и «Покорение полюса».

СОВЕЩАЮТСЯ КНИГОЛЮБЫ

В ТБИЛИСИ состоялось совещание - семинар правления Грузинского общества любителей книги, в работе которого приняли участие ответственные работники правления местных организаций общества, председатели научно-исторических советов по пропаганде отраслевой литературы.

Были обсуждены актуальные проблемы идеологической работы в современных условиях, задачи пропагандистской и организационной деятельности общества в свете решений XXVI съезда КПСС, по достойной встрече 60-летия образования СССР, совершенствование форм и методов пропаганды литературы. Предметом широкого обсуждения стали альманах «Книжник».

АВАЛИАНИ Лали Автандиловна. Кандидат филологических наук. Старший научный редактор Грузинской советской энциклопедии. Печатается с 1966 года. Автор монографии «Паоло Яшвили» и ряда литературно - критических статей.

ГЕГЕШИДЗЕ Гурам Шалвович. Грузинский писатель. Род. в 1934 г. Окончил филологический факультет ТГУ и Высшие сценарные курсы в Москве. Печататься начал в 1957 г. Автор нескольких романов и сборников рассказов.

ДЖАНЕЛИДЗЕ Отари Яковлевич. Род. в 1954 г. Аспирант кафедры истории СССР Тбилисского государственного университета. Работает в области истории взаимосвязей народов СССР. Автор ряда научных работ.

ЗУХБА Сергей Ладиевич. Род. в 1933 г. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории им. Дм. Гулиа. Автор ряда научных трудов по абхазской литературе и фольклору.

МАРГИАНИ Реваз Акакиевич. Грузинский поэт. Род. в 1916 г. Первый сборник «Стихи» вышел в 1940 году. Автор многих книг.

Особенно популярны его сборники «Лиле», «Восхождение», «Встреча с весной и снегопад», «Стихи последних лет». Стихи Р. Маргиани переводились на языки народов СССР, издавались в ряде зарубежных стран.

МЕРКВИЛАДЗЕ Владимир Несторович. Род. в 1919 г. Заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Грузии — филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС. Доктор исторических наук, профессор. Работает в области истории партийных организаций и революционного движения в Грузии и Закавказье, изучал вопросы национальных отношений, строительства национальной государственности народов СССР (в частности грузинского народа), ленинской дружбы народов, пролетарского интернационализма и советского патриотизма.

НАТРОШВИЛИ Георгий Константинович. Род. в 1910 г. Писатель, литературовед. Редактор журнала «Мнатоби». Автор сборников повестей и рассказов, литературоведческих трудов по проблемам развития грузинской литературы и классического наследия. Лучшие произведения Г. Натрошвили переведены на языки народов СССР, изданы за рубежом.

06.1935921
3.03.2009/1933

ОГНЕВ Владимир Федорович. Род. в 1923 г. Критик, литературовед. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатается с 1949 г. Автор книг «Поэзия и современность», «Книга про стихи», «Расул Гамзатов», «Грузинские этюды» и др. Составитель ряда антологий современной поэзии, в том числе на английском, испанском языках. Занимается вопросами истории и теории поэзии.

ПОЦХИШВИЛИ Морис Фомич. Грузинский поэт. Род. в 1930 г. Окончил филологический факультет (отд. журналистики) ТГУ. Первая книга «Вишни под дождем» вышла в 1957 году. Автор широко известных книг, таких как «Вера», «Сердце тянется к сердцу», «Птица раздумья», «Радуга счастья», «Зеркало в зеркале». Лауреат премии Комсомола Грузии, премии им. Г. Табидзе и премии им. Островского. Стихи М. Поцхишвили переведены на языки народов СССР, издаются в зарубежных странах.

САЛАКАЯ Шота Хичаевич. Род. в 1933 г. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Абхазского института языка, литера-

туры и истории. Автор научных трудов по абхазскому героическому эпосу.

СЕМЕНОВ (Серкес) Павел Семенович. Род. в 1932 г. Окончил КГУ и Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Кинодраматург. Автор многих документальных лент. Член Союза кинематографистов.

ХАРАИДЗЕ Гурам Владимирович. Род. в 1933 г. Окончил Тбилисский СХИ и ф-т журналистики ЦКШ. Член Союза писателей Грузии, член Союза журналистов. Автор десяти книг. Произведения Г. Харайдзе печатались на языках народов СССР и за рубежом.

ЯШВИЛИ Паоло (Павел) Джибраэлович (1895—1934). Грузинский поэт. Печатался с 1911 г. В 1915 году, после возвращения из Парижа, основал литературную группу грузинских символистов «Голубые роги». Автор множества произведений, отображающих пафос нового времени, призывающих к служению социалистической Родине. Писал стихи для детей. Переводил на грузинский язык сочинения А. Пушкина, В. Маяковского, Ш. Бодлера, А. Рембо, О. Уайльда и других.

68/84

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურნია გრუპია“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან. № 4, აპრილი, 1982 წ.

Сдано в набор 5.III.82 г. Подписано к печати 15.IV.82 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 01228. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 8600 экз. Заказ № 609. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14.

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ»

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ЧХЕИДЗЕ А. «Записки дунайского разведчика». Предисл. и послесл. Ю. Чернова. Москва, 1982, 159 с. с ил. (Летопись Великой Отечественной...). 200.000 экз. 45 к.

«МЕРАНИ»

КАВЖАРАДЗЕ И. «Мальчик из Ферейдана». Рассказы. Пер. с груз. М. Немировой. Тбилиси, 1981. 92 с. 5.000 экз. 25 к.

АМИСУЛАШВИЛИ Ш. «Плач по тигру». Стихи. Гер. с груз. Тбилиси, 1981. 231 с. 3.000 экз. 85 к.

«ИСКУССТВО»

* Георгий ДАНЕЛИЯ. Сборник. Сост. Р. Краснова. Москва, 1982. 207 с. с ил. 25.000 экз. 1 р. 30 к.

«РАД. ПИСЬМЕННИК»

БАСАРИЯ Э. «Раджеб и его родичи». Повесть и рассказы. Киев, 1982. 254 с. 30.000 экз. 75 к.

65 к

ИНДЕКС 76117

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԱՐԼԱՄԵՆՏ

